

продавца с крыльцом, как показано на плане, должен быть устроен со двора. Как торговое помещение, так равно и квартира продавца, должны иметь все приспособления, затрудняющие доступ в ночное время внутрь лавки и жилого помещения. Для этой цели арендодатель обязан везде в доме устроить наружные двери прочные с прочными и целесообразными запорами; во всех окнах с внутренней стороны устроить достаточно прочные ставни с двумя поперечными брусками с укреплением их к притолокам окна железными задвижками».

И еще: во всех помещениях дома владелец был обязан устроить исправные печи, печь в квартире продавца – русская (кухонная). Внутреннее оборудование торгового помещения, состоящее из прилавка, полок, решетки, двух стульев и табуретов владелец также должен был произвести за свой счет, согласно чертежу. Прилавок, высотой от пола на полтора аршина обязан сделать из соснового, березового, в крайнем случае, елового, обязательно сухого дерева и поставить его так, как показано на чертеже. Лицевая сторона прилавка (к входной двери) должна быть филенчатая и выкрашена прочной масляной краской того цвета, какой будет ему указан.

Из обязательств отставного солдата, крестьянина Колупаева: «Непосредственно над прилавком, во всю длину, я, Колупаев, обязуюсь сделать и установить решетку, высотой в один аршин восемь вершков, состоящую из рамы с поперечными переплетами, в которые вставить металлическую сетку; раму и сетку выкрасить масляной краской; в решетке сделать два отверстия с отворяющимися дверцами».

Все без исключения работы по постройке дома, хозяйственных строений и внутреннего оборудования торгового помещения винной лавки до последних мелочей Колупаев должен завершить и сдать все по описи в распоряжение казенного управления в полной исправности не позднее 1 мая 1901 года.

«В противном же случае за неисполнением всего или части изложенного я, Андрей Гаврилович Колупаев, обязан уплатить казне неустойку в размере полугодовой арендной платы, а казна имеет право сейчас же отказаться от аренды выстроенного мною дома».

Вот так вот! Все за свой счет построй и отдай... казне, а себе оставь – арендную плату. И на все работы отводилось 10 месяцев, учитывая, что договор был заключен в июле 1900 года.

Впрочем, надо полагать, что на арендной плате можно было неплохо заработать. Хотя в архиве обнаружилось несколько прошений и от самого Колупаева, а потом и от его вдовы, с просьбой увеличить государственную плату за аренду. Жаловались крестьяне: 250 рублей в год – мало. Но начальник акцизного управления в ответ признал эту сумму достаточной. Еще бы! Эта сумма почти в два раза превышала размер 130-рублевой пенсии чиновника, за долговременную непорочную службу.

Думается, и продавец «питий» мог неплохо заработать, учитывая, что в Гороховском проходили знаменитые на всю округу пятидневные ярмарки: с 26 января – Трехсвятская, с 8 июля – Кашанская, с 26 сентября – Богословская. А какая же ярмарка без питья!

В казну текли огромные деньги. Как зафиксировала статистика, в 1913 году бурного экономического расцвета общая выручка от винной монополии составила 26 процентов доходов бюджета России.

В своём докладе, представленном в Государственный Совет С.Ю. Витте в качестве главных целей введения казенной продажи питей указывал «приучение населения к более регулярному потреблению вина, улучшение качества вина, ограждение продажи питей от корчемства и привлечение к торговле вином лиц с более высоким нравственным уровнем».

Создатели реформы исходили из того, что количество выпиваемого народом вина по сравнению с другими странами невелико, но способ потребления его не рационален, так как крестьяне не пьют водку постоянно и в умеренном количестве, но изредка напиваются ею в кабаках до полного опьянения, с огромным вредом для своего благосостояния и здоровья.

Реформа Витте впервые ввела в России более современный вид торговли спиртным: не «в распой», а в запечатанной посуде, притом – также впервые – обязательно снабжаемой специальной этикеткой с указанием крепости водки и ее цены. Эти меры в сочетании с новой технологией производства позволили гарантировать потребителю определенное – и довольно высокое – качество водки, недостижимое при системе прежней кабацкой торговли. Пожалуй, в этом заключалось главное преимущество государственной монополии по сравнению с откупной и акцизной системами.

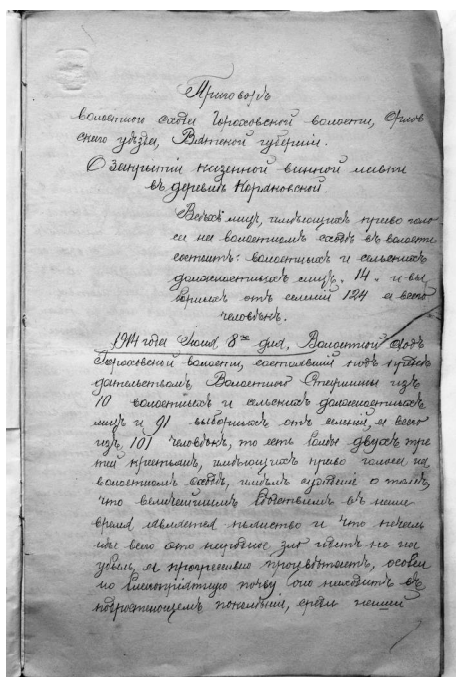
Но одновременно в печати появились критические отзывы: «Теперь же, куда ни поглядишь, везде пьяные или выпивающие, нередко целыми компаниями, с гвоздем в руках вместо штопора, располагаются чуть не посредине улицы, горланят непристойные песни и т. п. В базарные и праздничные дни почти все скамейки, поставленные около обывательских домов, в особенности находящихся вблизи винных лавочек, буквально заняты пьяными и выпивающими».

Растущее пьянство вызывало негодование в сельской общине.

В Кировском областном архиве обнаружен документ 1914 года, который является ярким свидетельством нарождающегося гражданского общества в Российской империи. Это приговор волостного схода Гороховской волости Орловского уезда Вятской губернии «О закрытии

казенной винной лавки в деревне Коряковской» (сохранена орфография и стилистика оригинала):

«1914 года июля 8 дня волостной сход Гороховской волости, состоящий под председательством волостного старшины, из лиц 10 волостных и сельских домохозяйств и 91 выборных от семей, всего из 101 человека, то есть более двух третей крестьян, имеющих право голоса на волостном сходе, имеют суждение о том, что величайшим бедствием в наше время является пьянство и что начальное всего этого неугодное зло идет не на убыль, а прогрессивно процветает, особенно благоприятную почву оно находит в подрастающем поко-

лении, среди нашей молодежи, отчего происходят всевозможные безобразия, драки, буйства, всякого рода хулиганства, ни щадя ни пола, ни возраста мирных жителей, ни их имущества. А сколько горя и слез в тех многих семьях, где пьянствует глава и опора семьи, там всегда

царят нищета, голод и слезы семьи, полный развал хозяйства. Волостной сход постановил о немедленном закрытии винной лавки в деревне Коряковской, и, в случае ее закрытия, в ознаменование такого отрядного события, купить в волостное правление икону святителя Николая Чудотворца с лампадой».

По общественному приговору казенная лавка была закрыта 1 сентября 1914 года. Так мой дед лишился бизнеса.

Впрочем, с началом Первой мировой войны государственная винная монополия прекратила свое существование повсеместно в Российской империи.

«Запасный писарь» Камешницкой волости

В Списке продавцов казенных винных лавок указано, чем занимался Петр Иванович Зеленин до того, как занялся торговлей питием. Указан его предыдущий род занятий: «запасный старший писарь из крестьян Орловского уезда Камешницкой волости».

Что это за деятельность такая – запасный старший писарь?

Как мне удалось выяснить, в те времена писарь являлся ключевой фигурой в структуре крестьянского самоуправления. Обладая законодательно правом ведения письменного делопроизводства в волостном правлении, на практике он осуществлял всю канцелярскую работу, связанную с деятельностью аппарата самоуправления. Писарь как наиболее образованный среди крестьян человек даже мог оказывать непосредственное влияние на деятельность старшин и старост, в случае их малограмотности. Писарей нанимали на службу с предоставлением обязательного денежного жалованья. Эта

*Запасный писарь, крестьянин
Петр Иванович Зеленин и его жена
Ольга (в девичестве Кузнецова),
1890-е гг.*

должность, как правило, была в каждом сельском обществе, а где оно представляло собой волость, на сходах дополнительно к волостному писарю приглашался помощник.

Волостной центр – село Камешница свое название получило, благодаря речушке Камешинке, дно которой устлано камешками (галечником). Впервые это название встречается в исторических актах середины XVII века, в 1662 году Камешница уже существовала. По храмовой грамоте 1673 года здесь построена деревянная Дмитриевская церковь, каменная построена в 1764 году, перестроена и расширена в 1857–1858 гг., приход состоял из 64 селений.

Жители занимались сельским хозяйством. Земли в среднем на одно хозяйство – 20 десятин, скота в среднем – 5 голов (в пересчёте на крупный). Урожаи были невысоки. Многие жители Камешницкой волости уходили бурлачить на Вятку, Каму, Волгу, реки Севера и Сибири или плотничать в различные города Центральной России. Промысел или занятие, основное для селения (по Книге Вятских родов Старостина): сапожник; бурлак.

В 60–70-е годы зажиточные крестьяне создают небольшие полупромшленные спичечные фабрики с наемной рабочей силой.

В 1903 году был создан Камешницкий сельский банк, утвержден его устав. Село стояло на большой дороге, ведущей к Вятке, проводимые традиционные ярмарки были многолюдными и богатыми. В Камешнице имелись земская мужская и церковно-приходская женская школы, где учительствовала известная революционерка, член Исполнительного комитета «Народной воли» А. В. Якимова (вела народническую пропаганду среди крестьян). Работали школы и в деревнях.

В селе были волостное правление, где и служил одно время писарем мой дед, почтовое отделение, медпункт.

**«На тебя, Господи, уповаем,
да не постыдимся вовеки...»**

Вот еще одно фото. По всей видимости, сделанное незадолго до смерти моего деда в 1927 году. Прошло пять лет и здесь он выглядит гораздо старше. Но тоже очень респектабельно. На нем неизменный галстук и костюм-тройка, явно из дорогого сукна. Взгляд из-под очков уже не столь безмятежный. И самое главное – очки!

Мужчины нашего рода, как правило, близоруки. У моего отца зрение было – минус 5. Он постоянно носил очки. У его брата Бориса – минус 6. У моего брата Ильи – минус 4,5.

Думаю, у деда зрение было не лучше. К тяжелому бурлацкому труду люди с таким зрением не приспособлены.

От спокойного облика семейства Зелениных на старинной фотографии веет такой консервативной благочинностью, что это может быть косвенным свидетельством воспитания в семье священника. В семье потомков по «зеленинской» линии к родителям нужно было обращаться только на Вы.

Мой брат Илья Зеленин – кандидат технических наук, профессор, в свое время окончил радиотехнический факультет Дагестанского государственного университета, а затем преподавал и занимался научной работой на кафедре конструирования и производства радиоэлектронной аппаратуры Дагестанского политехнического института.

Со студенческих лет, когда брат со своим неизменным другом Виктором Швачко, играли за университетскую команду КВН, наш дом был полон его однокурсников.

И вот, спустя несколько лет, однажды к нам в гости зашел один из его однокурсников, который приехал из Сарпула. В этом удмуртском городе студенческий друг моего брата возглавил Сарпульский радиозавод.

Узнав об этом, мой папа очень оживился и, приговаривая, что это ему не чужие места, стал расспрашивать гостя о жизни в Сарпуле. Я тогда училась в старшей школе и помню, как меня это удивило. Я даже спросила:

– Папа, ты же родом из Вятки. А Сарпул – это Удмуртия!

Папа ответил, что ранее Сарпульский уезд входил в состав Вятской губернии. Тогда меня этот ответ вполне удовлетворил, и я не стала вникать в суть беседы двух мужчин. Сейчас жалею. Потому что недавно мне пришла в голову мысль: а что, если интерес моего отца к удмуртской земле связан не просто с принадлежностью ее к вятскому краю? Почему в связи с этим не рассмотреть версию о том, что предки нашего загадочного вятского «чиновника» Петра Зеленина могут иметь отношение к тем вятским уездам, которые ныне входят в состав Удмуртии?

Вторая деталь: когда в Дагестан приезжал папин коллега – главный

редактор газеты «Удмуртская правда», гость подарил папе небольшие сувениры из дерева и папа пояснял:

– Это сувениры из мест, где жили мои предки!

Кстати, это и родные места выдающегося вятича Дмитрия Константиновича Зеленина (1878–1954).

Этнограф, фольклорист, диалектолог, автор подробнейших трудов по восточно-славянской фольклористике родился в с. Люк Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне – Завьяловский район Удмуртской Республики) в небогатой семье священнослужителя и был самым младшим из 10 детей.

В селе преобладало русское население, в то время как в окружающих деревнях проживали преимущественно удмурты.

Младший сын сельского дьяка из-под Сарапула, стал ученым с мировым именем, преподавал в Юрьевском (Дерптском), Казанском, Петроградском, Харьковском и Ленинградском университетах.

Проверяя версию священнического рода и двигаясь по «удмуртской тропинке», продолжаем поиски.

Краевед Сергей Шишкин в архиве Вятского духовного управления нашел документы священника Иоанна Зеленина, служившего в крупнейшей вятской епархии – Глазовской (Фонд 237, опись 195, дело № 1177).

Глазов – ныне районный центр Удмуртской республики, а в позапрошлом веке – уездный город Вятской губернии. Во второй половине XIX века наряду со многими другими удалёнными от столиц городами Российской империи был местом ссылки участников различных политических и общественных движений. В 1879 году сюда был сослан выдающийся русский и украинский писатель Владимир Галактионович Короленко, описавший впоследствии Глазов в очерке «Ненастоящий город» (1880 г.).

С 1889 года в городе размещалось Глазовское викариатство Вятской епархии, которым правили архиереи в сане не ниже епископа.

В архиве нашелся Послужной список священника села Пужмесского Глазовского уезда Иоанна Зеленина. Эта деревня под названием Пужмесь и сегодня существует в Удмуртии, причем, находится всего в 55 км от столицы автономии – Ижевска.

«Священник Иоанн Алексеев Зеленин, дьяконский сын, – говорится

в документе. – По окончании курса наук в Вятской духовной семинарии с аттестатом второго разряда в 1838 году был уволен в Епархиальное ведомство и того же года 27 октября Преосвященным Неофитом, Епископом Вятским и Слободским, рукоположен ко священнику Богоявленской церкви села Пышакского Орловского уезда. Потом, по прошениям его был переведен: в 1843 году – в село Красноглинское Глазовского уезда; в 1855 г. – в село Балединское того же уезда и в 1884 году – в село Пужмесское. С 1870 по 1888 год проходил должность духовника. А в 1849 году Преосвященным Неофитом награжден набедренником; в 1864 году награжден скуфьей; в 1877 году за благочестное служение на пользу церкви и отлично ревностное прохождение возложенных на него обязанностей от Священного Синода награжден камилавкой. В 1886 году Священным Синодом награжден золотым наперстным крестом. В 1889 году за пятидесятилетнюю отличную службу в сем сане – Высочайшей Грамотой от 27 января 1889 года за № 244 причислен к ордену Св. Равноапостольного князя Владимира четвертой степени. В память войны 1853–1854 годов имеет бронзовый наперстный крест».

А вот последнее – особенно интересно. Выходит, наш предполагаемый предок выполнял духовное служение в Крымской войне. Священнослужителям и монахам запрещено участвовать в военных действиях с оружием в руках. Однако в тяжелейшее для русских войск в Крыму время, когда тысячи простых солдат и матросов умирали за Веру, Царя и Отечество, сотни полковых священников являли миру образцы любви и сострадания к ближним, находясь непосредственно в войсках.

Царским манифестом от 26 августа 1856 года был установлен и особый наперсный крест для духовенства на Владимирской ленте, которым награждалось все духовенство, участвовавшее в кампании: от верховных пастырей церкви до иереев. Кресты носились на ленте ордена Святого Равноапостольного князя Владимира. На лицевой стороне креста в центре размещена медаль «В память минувшей войны 1853–1856 годов» в натуральную величину в сиянии лучей с изображением вензелей императоров Николая I и Александра II, увенчанных императорскими коронами и осененных «всевидающим оком» в лучезарном сиянии. Внизу, под вензелями, расположены даты: «1853–1854–

1855–1856». На кресте надпись такая же, как на медали, в пять строк: «На тя/ Господи/ уповахомъ, да/ не постыдимся/ во веки».

После смерти награжденных медаль и крест оставались в семьях, но без права их ношения, а крест, кроме этого мог передаваться на хранение в приходские храмы.

При таких заслугах мой вероятный прапрадед Иван Алексеевич Зеленин оставался небогатым человеком. По данному документу, он «недвижимого имущества у себя, у родителей и у жены своей не имеет». Зато написал «три проповеди своего сочинения, духовные журналы читает с любовью». Поведения «весьма хорошего, по должности исправен, вятский язык (!!! – *Е. З.*) знает весьма хорошо, об утверждении прихожан в вере и благочестии заботится усердно». Указано, что батюшка Иоанн – вдовец и «родственников в сем причте никого не имеет». По немощи и бедности в 1893 году ему была назначена пенсия – 130 рублей в год.

Сыновья отца Иоанна Михаил и Николай также посвятили себя церкви. А вот младший Иван – мой вероятный прадед, родившийся в 1862 году, был зачислен в ратники в 1883 году.

Версия интересная, но у меня вызывает некоторые сомнения, и, чтобы ее подтвердить или опровергнуть, требуются дальнейшие поиски. В любом случае я верю, что ничто не происходит случайно. Если, благодаря стараниям историка-краеведа Сергея Шишкина, история отца Иоанна выплыла из архивного «небытия», пусть память об этом человеке сохранится в моей книге. Тем более, он ее достоин.

Ну, а что же наш вятский «чиновник» Петр Иванович Зеленин? Что стало с ним, когда лавка в деревне Коряковской при селе Гороховском была ликвидирована по решению волостного схода?

Если внимательно читать папину автобиографию, то непонятно, чем занимался его отец и мой дед с 1914 по 1917 год. Очевидно, что он жил в Вятке. Значит, будучи грамотным человеком, вполне мог поступить на службу в какое-либо губернское ведомство. Так что следствие в этой почти детективной истории еще не закончено.

Возможно, ответ на вопрос можно было бы найти в личном деле Петра Ивановича, которое хранилось среди прочих документов

Акцизного управления в Кировском областном государственном архиве. Увы, после Второй мировой войны личное дело моего деда, как написал мне краевед Сергей Шишкин, было признано «не представляющим важности» и отправлено в макулатуру наряду со множеством других документов.

Утешает меня лишь то, что, благодаря этой «макулатуре», которая пошла на производство бумаги, были напечатаны учебники, по которым училось первое послевоенное советское поколение. Оно, как и несколько последующих, по праву считается одним из самых образованных за всю отечественную историю.

Маруся и орловские Бажи(ны)

«В Вятке калачи – по пятке, в Орлове – по корове...». Дальнейшие семейные изыскания ведут в Орлов. Этот городок, расположенный на

П. И. Зеленин с женой, дочерью, зятем и внучками (1922)

правом берегу реки Вятки в 77 км от губернского центра, согласно местной летописной традиции и археологическим данным, основан на рубеже XII–XIII веков новгородскими переселенцами. Про уездный центр пишут, что по развитию просвещения и культуры в XIX веке Орлов считался одним из самых развитых в Вятской губернии. Здесь работали приходские училища для мальчиков и девочек, в 1905 году открылось реальное училище.

В архиве внучки моего дяди Иннокентия Петровича Зеленина Светланы нашлась еще одна чудесная фотография. На ней мои бабушка и дедушка изображены с внучками на руках, а за ними стоят дочь и зять. На обороте

надпись, сделанная явно женским почерком: «На память нашим дорогим дедушке и бабушке от внучек. Нашим дорогим папане и мамане от детей. Орлов, 7 (или 1-е?) сент(ября) 1922 года. И подпись: Бажи... (неразборчивое окончание).

Как я уже писала, (см. «Моя Первая мировая война, Леонид брат Леонида») папа говорил, что его назвали Леонидом в честь старшего брата, погибшего в Первой мировой войне.

С 1897 по 1914 год, согласно данным современного Росстата, население Российской империи возросло на 38 млн. человек, со 128 млн до 166 млн жителей. Под стать демографии росла экономика.

Как пишет в своей статье «Демографический взрыв и экономический рост» российский экономист Никита Кричевский, на рубеже XIX–XX веков при всех изъянах самодержавного государственного устройства, в условиях «управляемого капитализма», которому впоследствии, кстати, следовали все теперешние «азиатские тигры», в России происходил взрывной экономический рост.

К 1913 году Россия по объёму промышленного производства достигла 80% от показателя Германии, почти сравнялась с Англией, значительно опережала Францию, в два раза превосходила Австро-Венгрию, а по темпам экономического роста обгоняла все европейские страны и шла вровень с США.

В 1913 году французский экономист Эдмон Терри констатировал: «Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годом, как они шли между 1900 и 1912 годом, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Живым примером подобного демографического взрыва может вполне служить семья моих дедушки с бабушкой.

В семье моего деда родилось десять детей, из которых выжили только шестеро. Обычная история столетней давности. Вне зависимости от социального статуса, дети нередко умирали во младенчестве, как правило, от различных инфекционных заболеваний, от которых тогда не было ни вакцин, ни антибиотиков. Погибали дети и от осложнений после различных заболеваний.

Кто же из детей выжил в большой семье Зелениных и встал, как говорится, на ноги: не считая погибшего в Первой мировой войне

Леонида, это – Мария, Алексей, Иннокентий, Борис и снова Леонид. Еще раз напоминаю: мой папа – самый младший в семье Зелениных родился в 1917 году, уже после гибели своего старшего брата Леонида в Первой мировой войне.

Итак, старшая сестра моего отца звалась Марусей. Она была замужем за молодым человеком, который получил хорошую по тем временам специальность – «инженер-землеустроитель» или «техник-землеустроитель». Папа говорил, что профессия была востребованной и хорошо оплачиваемой. Наверное, по тогдашнему статусу и доходам ее можно сравнить с сегодняшней профессией ИТ-программиста. И, судя по надписи на обороте фотоснимка, семейство Маруси проживало в Орлове.

О Марусе я слышала только восторженные отзывы. По словам моего папы, она была красавицей и умницей, заботливой сестрой и дочерью, нежной матерью, образованной женщиной. После смерти отца в 1927 году Маруся с мужем взяли на себя заботу о матери и младших братьях. По всей видимости, семейство поселилось у Маруси в Орлове, который к тому времени стал называться Халтурин (1923–1992 гг.) в честь уроженца этих мест, революционера-народовольца С.Н. Халтурина (1856–1882).

По данным переписи в 1931 году в Халтурине насчитывалось 4 600 жителей.

В папином архиве сохранилось фото Маруси, пережившее множество переездов, до войны, в войну и после Великой Отечественной войны, а уже в 21 веке перекочевавшее ко мне в Украину.

Красивой девушке Марусе здесь лет 20. Привлекает внимание необычное платье, как сейчас бы сказали, в стиле «милитари», с погончиками, металлическими пуговичками, но не военная форма. Интересно, кто мог носить такое платье? Девушка-студентка, слушательница Высших женских курсов или учительница в ремесленной школе?

Есть предположение, что это фото времен Первой мировой войны, а форма принадлежит активистке Земгора. Так сокращенно назывался Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов. Созданная в Российской империи в 1915 году на базе земств и городских дум посредническая структура по распределению

государственных оборонных заказов. Уездные комитеты Земгора оказывали помощь больным и раненым воинам, выделяли пособия семьям призванных на войну для сельскохозяйственных работ (уборка урожая, сев), опекали детей-сирот и помогали решать множество других проблем, возникавших у гражданского населения в связи с военным временем.

Очень мало известно и о муже Маруси. Помню, что папа называл его профессию – инженер-землеустроитель. Может быть, он был родом из Орловского уезда и потому молодая семья поселилась здесь? Пока ответа нет. Да и сам Орловский уезд для моих предков не чужой:

Камешницкая волость – именно в этом уезде. Папа рассказывал, что его мама и моя бабушка Ольга в девичестве Кузнецова. И якобы она принадлежала к одной из ветвей рода Александра Назаровича Кузнецова (1831–1895). Это был купец-хлеботорговец. Высокообразованный прогрессивный деятель, попечитель многих учреждений не только города Орлова, но и губернского города Вятки. Он возглавлял комитет городской публичной библиотеки, был почетным мировым судьей и 25 лет, до самой смерти, служил городским головой. Почему папа связал свою маму с родом Александра Назаровича Кузнецова – не знаю. Ибо, по его же словам, моя бабушка была... неграмотной, хотя и «читала» ежедневно толстое Евангелие, зная его текст наизусть. Если и имела она какое-то отношение к выдающемуся орловскому деятелю, то родство это могло быть лишь отдаленным.

Но вернемся к Марусе. Она умерла молодой, заболев чахоткой примерно в 1933 году. Где-то в Новосибирске должны жить ее прямые потомки, дети и внуки ее дочерей, одну из которых, старшую, звали Маргаритой, а младшую, возможно, как и бабушку, – Ольгой. От родственников доходили сведения, что Маргарита стала журналисткой и работала на Новосибирском радио.

*Маруся Зеленина
(первая четверть XX в.)*

После смерти Маруси бремя помощи престарелой матери и младшим братьям ляжет на плечи старшего брата Иннокентия. А Маруся в истории семьи останется несравненным добрым ангелом.

Иннокентий. Дивизия специального назначения

Со старшим братом отца, моим дядей Иннокентием (1912 года рождения), я не была лично знакома. Он жил далеко – в Новосибирске. О нем было известно, что он воевал в Великую Отечественную и закончил ее в Вене.

В канун 70-летия Великой Победы порадовал сайт «Подвиг народа», где я нашла наградной лист 1943-го года на своего дядю (старшего брата отца) Иннокентия Петровича Зеленина.

Сначала долго не могла сообразить, почему в наградном листе он представляется к ордену «Красной звезды», а на персональной страничке красуется изображение медали «За отвагу».

Но, внимательно изучив оцифрованные документы, поняла, что, оказывается, вместо ордена «Красной звезды», к которому его представил командир, ему дали медаль «За отвагу». Причем, «За отвагу» написано на листе карандашом. Надо полагать, с тем, чтобы вышестоящее начальство могло, если сочтет нужным, изменить это решение.

Солдатская медаль «За отвагу» очень высоко ценилась на войне, наряду с орденом. И самое главное – Иннокентий Петрович Зеленин получил ее за бой под Харьковом!

Но начнем с данных о нем. Иннокентий Петрович – профессиональный военный. В армии – с 1933 года, то есть фактически – с призыва, ибо в то время в армию шли юноши, достигшие 21 года. Призван Маслянинским райвоенкоматом Новосибирской области.

В послужном списке – участие в боевых действиях в МНР (Монгольской Народной Республике) в 1939 году, в боях на Халхин-голе.

В то время в Монголии, согласно протоколу о взаимной помощи с Советским Союзом, подписанному в 1937 году, располагались части Красной армии. Командующим армейским корпусом в Монголии был назначен Георгий Константинович Жуков.

В советской историографии эти события, как правило, называются «военным конфликтом». Японские историки считают, что это была

настоящая локальная война, причём некоторые авторы называют её «Второй русско-японской войной» – по аналогии с войной 1904–1905 гг.

Однако в ходе победы на Халхин-голе японцам была надолго отбита охота воевать с СССР. Безусловно, успешные завершения боевых операций у озера Хасан и на реке Халхин-Гол накануне Второй мировой войны убергли Советский Союз от необходимости воевать на два фронта.

С началом Великой Отечественной войны Иннокентий Зеленин – на Ленинградском фронте, где советским войскам пришлось вести боевые действия в крайне тяжелых условиях блокады и с большими потерями. В дальнейшем войска Ленинградского фронта при содействии Волховского фронта и Балтийского флота измотали и обескровили противника, заставили его перейти к обороне, окончательно сорвав планы гитлеровского командования по захвату Ленинграда.

Здесь Иннокентий Петрович получил ранение и контузию. Из госпиталя в ноябре 1942 года он снова возвращается в действующую армию.

Звание Иннокентия Петровича Зеленина в 1943 году – младший лейтенант, он – командир взвода 43-й гвардейской отдельной роты химической защиты 41-й стрелковой дивизии.

В истории Великой Отечественной войны это была непростая дивизия. По срочному приказу Главнокомандующего 41-я стрелковая дивизия специального назначения была сформирована на основе 10-го воздушно-десантного корпуса в 1942 году для мощного удара по противнику в Сталинграде. Это были отборные, опытные воины. В августе 1943 года дивизия подошла к Харькову. Роты химзащиты существовали в каждой дивизии. В числе их задач – маскировка наступательных действий Красной армии дымовыми завесами.

В Наградном листе написано (*цитируется с сохранением стилистики и орфографии оригинала*): «(1) Тов. Зеленин в ночь с 10 на 11 августа получил приказание от командира роты с группой бойцов отправится в район форсирования водного рубежа стрелковыми подразделениями с задачей поставить дымовую завесу для ослепления противника и тем самым дать возможность стрелковым частям форсировать водный рубеж и маневрирования. Тов. Зеленин всю ночь с группой бойцов по пластуни расставляли шашки в районе переправы. Против-

ник вел сильный артиллерийский и минометный огонь. На рассвете, когда противнику удалось заметить работающих бойцов с тов. Зеленым и другие подразделения, которые расставляли лодки, противник сосредоточил на них весь огонь. Тов. Зеленин личным примером учил бойцов, как выходить с такого положения и под артобстрелом выполнил поставленную задачу; 2) 15.8. 43 г. т. Зеленин получил задачу организовать сборку химимущества и трофеев противника. т. Зеленин за короткий срок собрал на поле боя до 1000 противогазов отечественных, 42 трофейных. Сам лично выезжал в район поля боя и давал указания своим подчиненным на сборку химимущества.

В результате умелого руководства было собрано до 2-х тысяч противогазов, несколько пулеметов. Тов. Зеленин достоин правительственной награды – ордена «Красная звезда» (конец цитаты).

А вот как эти же события описаны в исторической справке о боевом пути 41-й стрелковой дивизии: «До начала августа дивизия занимала оборону по Северскому Донцу. Но после перехода наших войск в наступление под Харьковом дивизия была передана в состав 57-й армии Степного фронта и получила приказ наступать на Харьков с юго-востока. **С 10 августа** наши войска перешли в наступление. Первоначальной целью был город Чугуев, расположенный на берегу Донца. Целью наступления был захват плацдармов на противоположном берегу и окружение Чугуевской группировки немцев. Переправившись через реку по штурмовым мостикам, гвардейцы захватили плацдармы на реке. 11 августа Чугуев был освобожден, а к 13 августа наши войска прорвались в глубину немецкой обороны на 20 км, выйдя на ближние подступы к Харькову.

На Харьковском оборонительном обводе части дивизии встретили серьезное сопротивление и до 16 августа вели бои за Васищево. 22–23 августа 1943-го дивизия совместно с воинами 58-й и 36-й гвардейских дивизий продвигается к Мереве, завязывает тяжелые бои за Константиновку и Аксютовку. Однако угроза полного окружения Харьковского гарнизона заставила 23 августа немцев отойти из города. После освобождения Харькова дивизия наступала в Юго-Западном направлении на Тарановку. А с 13 сентября на Мелиховку. 20 сентября части дивизии переправились через реку Орель и на рассвете 25 сентября вышли к Днепру».

Итак, бои 10–11 и 15 августа, описанные в Наградном листе, это были тяжелые бои за освобождение Чугуева и Харькова, местами доходившие до рукопашных схваток!

Есть повод гордиться дядей: 41-я дивизия действовала на главном направлении удара легендарной 57-й армии под командованием генерал-лейтенанта Николая Александровича Гагена.

«Соединения 57-й армии настойчиво преодолевали сопротивление врага и продвигались вперед, обходя Харьков. Она освободила Безлюдовку, Хорошево, – описывает боевой путь дивизии гвардии подполковник Алексей Андреевич Ярошенко, бывший инструктор дивизионного политотдела. – На этом рубеже, пришлось два дня отражать контратаки танков и пехоты противника» (Ярошенко А. А. В бой шла 41-я гвардейская, Воениздат, 1982).

Своим наступлением 57-я армия перекрыла пути отступления харьковской группировке немецко-фашистских войск, что сказалось на всем ходе операции Степного фронта.

*В военной форме с погонами лейтенанта –
Иннокентий Петрович Зеленин (стоит)
с братом Борисом Петровичем, женой
брата Екатериной и племянницей Ирочкой
(вторая половина 1940-х гг.)*

Разгром немцев под Харьковом стал завершающим этапом Курской битвы. В этом величайшем сражении немецко-фашистская армия потерпела такое поражение, от которого она уже не смогла оправиться.

В целом 41-я стрелковая дивизия специального назначения отличилась в боях за Сталинград, в операциях: «Малый Сатурн», «Скачок», в Курской битве, форсировании Днепра, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской,

Яско-Кишиневской, Будапештской операциях, в боях на Балатоне и, наконец, в Венской операции. В Вене мой дядя Иннокентий Петрович

в 1945 году нес гарнизонную службу. Папа говорил, что Иннокентий Петрович был заместителем коменданта Вены.

Когда выпадает «дальняя дорога»...

Тетя Вера, супруга старшего папиного брата Алексея Петровича Зеленина, раскладывала колоду карт, а ее дочь Анна и мы с мамой, приехавшие несколько раз к ним в гости в Москву, садились вокруг и слушали про «дальнюю дорогу», «бубнового короля», «даму пик», «казенный дом»... Кому что выпадало.

Излучавшая спокойное достоинство, всегда говорившая о чем-либо только по существу, Вера Леонтьевна, казалось, обладала тайным знанием. Только она, например, умела, кроме традиционных русских пирогов, печь удивительный черемуховый торт по сибирскому рецепту, когда в тесто добавляются молотые сушеные ягоды черемухи. Эти ягоды купить было невозможно даже в Москве, Вера Леонтьевна привозила их из Сибири – из Омска. Вкус торта необыкновенный и столь же загадочный, как мистические расклады игральных карт.

Конечно, мы были материалистами, но за карточными раскладами тети Веры следили как замороженные, потому что Сибирь, в которой мы с мамой не были никогда, была такой же непостижимой, как и тайные знания Веры Леонтьевны, уроженки Тары.

Тара – сибирский городок, раскинувшийся на левом берегу Иртыша, в трехстах километрах от Омска, второй по величине город Омской области.

Город со дня основания был местом ссылки для инакомыслящих в Российской империи. Первыми ссыльными были провинившиеся стрельцы, посадские люди, военнопленные литовцы и поляки, крестьяне, восставшие в приднепровских степях, пугачёвцы.

В 1791 году через Тару проследовал первый русский революционер – А. Н. Радищев. Группа декабристов отбывала ссылку в Таре. С 60-х годов XIX века в ссылку прибывают революционеры-разночинцы, пропагандисты-народники.

Самый старший брат моего отца Алексей родился в 1900 году. На тех фотографиях 1922 года, где семья изображена с младшими детьми, Марусей и внуками, его нет. Это и понятно, парень уже был в то время

взрослый и самостоятельный. Я не знаю, как он оказался в сибирском городке под названием Тара. Но здесь он встретил свою жену Веру Сутину.

Вера Леонтьевна, жена дяди Алексея, представительница разветвленной и изрядно обрусевшей семьи Сутиных со смешанными польскими, еврейскими и белорусскими корнями. Первые Сутины, возможно, были высланы в Сибирь за смуту, а, возможно, и отправились вслед за ссыльными поляками в неизведанные края – из духа авантюризма и за коммерческим интересом.

До революции 1917 года семья Сутиных успешно занималась в Таре торговлей. Жили зажиточно. Я помню, что в семье Зелениных существовала некая обида на Сутиных, от новой родни вдова Петра Ивановича Зеленина, оставшаяся в 1927 году с малыми детьми на руках, ждала помощи. Похоже, она надеялась, что родные Алексея – «нэпманы» примут их в Таре.

В период НЭПа частный сектор сыграл выдающуюся роль в восстановлении разоренного Гражданской войной производства услуг и товаров широкого потребления, уже в 1923 году частники производили до 20 % всей промышленной продукции и преобладали в оптовой (15 %) и розничной (83 %) торговле.

Это были кустарные, арендные, акционерные и кооперативные предприятия пищевой, швейной и кожевенной, а также маслобойной, мукомольной и махорочной промышленности. На них было занято около 12% всей рабочей силы, в среднем по 2–3 работника на одном предприятии.

В конце 1920-х годов, посчитав, что Новая экономическая политика (НЭП) перестала служить социализму, власти запретили частную торговлю (кроме колхозных рынков). Все частные магазины были национализированы, а «остатки городской буржуазии» – нэпманов-предпринимателей, вроде семейства Сутиных, лишали политических прав. Сутины стали «лишенцами», в буквальном смысле слова – лишились средств к существованию.

По сведениям, которые недавно получила внучка Алексея Наталья из Тары от местного краеведа Веры Носковой, уже в 1925–1926 году семья Сутиных была поражена в правах.

Как раз в эти годы началось свертывание НЭПа, а, это значит, все

торговые предприятия Сутиных были экспропрированы в пользу Советской власти. Принимать у себя вятских родственников означало накликать и на них беду, да и помочь несчастной вдове Зелениной было уже нечем.

Вера Леонтьевна Сутина как купеческая дочь была хорошо образована, прекрасно музицировала, и это обеспечило ей средства к существованию.

Вера стала зарабатывать на жизнь тем, что стала тапером – играла в кинотеатрах, создавая музыкальные импровизации на темы популярных немых кинофильмов.

Через десять лет будут репрессированы и расстреляны отец Веры Леонтьевны и ее дядя. Брата отца найдут даже в Ленинграде, где тот работал инженером.

Когда Алексея Петровича Зеленина призвали на фронт, ему было 43 года. Оставшись без мужа с маленькой дочкой на руках, в военное лихолетье Вера Зеленина (Сутина) продает наследственное фортепиано и купит... корову, и тем самым спасет себя и дочь Анну от голода.

Утонченная пианистка научится

Издатель Н. Х. Давингофъ

РЕПЕРТУАРЬ В. А. САБИНИНА.
ПЪСНИ БОГЕМЫ.

Директор: Владимир Давингофъ

1. "Чурочка" (Обязательная песенка) Слова А. Рубинштейна. Муз. Ф. К. Апп. Ю. Рива. (Вас. № 26)	60 в.
2. "Прощай, Лиза!" Слова Ф. Ф. Падугольникова. (Ф. Ф. М. 145)	60 в.
3. "Дни и ночи" (Дни не танца, а только то романс) Слова и музыка М. Кузнецова. (Л. м. № 419)	60 в.
4. "Висельный месяц светлоглазый" Слова и музыка М. Кузнецова. (Л. м. № 419)	60 в.
5. "Лишь тот, кому милость шестнадцатый день" Слова и муз. М. Кузнецова. (Л. м. № 420)	60 в.
6. "Если завтра будет солнце" (песня из Писемки приключенья) Слова и музыка М. Кузнецова. (Л. м. № 421)	40 в.
7. "Мой милый вальс" Слова и музыка П. П. Вейнберга. (Л. м. № 227)	50 в.
8. "Не сердись" (Эпизод) Слова А. Рубинштейна. Муз. Р. Штормана. ор. 102	75 в.
9. "Бананов" Песня С. А. Рубинштейна. (Вас. № 40)	50 в.
10. "Прощай, любовь!" (Беская любовь) Песня. Музыка К. Ошана	75 в.
11. "Полуночник". Воевой куплет из оперетты "Королева минюетта"	90 в.
12. "Милый мой отечество"	60 в.
13. "Пушистая роза"	60 в.
14. "У камня"	60 в.

В. А. САБИНИНЪ

СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЬ
Николая Христиановича ДАВИНГОФЪ.
ИЗДАТЕЛЬ: Советский Автор, в П. Тельмана 412-48. ИСПИТАТЕЛЬ: Советский Автор, в П. Тельмана 412-48. МОСКВА, Петровка, домъ № 5. Телефонъ № 5-71-00.
Продолжение изданий: "Сон Фанни" и "Сон Фанни" в П. Тельмана 412-48.
Продолжение изданий: "Сон Фанни" в П. Тельмана 412-48.
Издатель: Советский Автор, в П. Тельмана 412-48. ИСПИТАТЕЛЬ: Советский Автор, в П. Тельмана 412-48. МОСКВА, Петровка, домъ № 5. Телефонъ № 5-71-00.
Продолжение изданий: "Сон Фанни" и "Сон Фанни" в П. Тельмана 412-48.
Продолжение изданий: "Сон Фанни" в П. Тельмана 412-48.

Ноты тапера Веры Леонтьевны Зелениной (Сутиной), которые хранит ее внучка Наташа

доить корову, обрабатывать суровую сибирскую землю, собирать урожай.

Уже через три месяца красноармеец Алексей Зеленин был контужен. После лечения в госпитале он снова в действующей армии, служит старшим писарем в 129-м отдельном гвардейском батальоне связи 17-го гвардейского стрелкового Карпатского корпуса.

Важный момент: писарем он был не при штабе, а в самом пекле – на передовой. Это ему и таким, как он, писарям, после контузии и по

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

205

1. Фамилия, Имя и Отчество *Зеленин Алексей Петрович*
2. Звание *Гвардии Красноармейца* 3. Должность, часть *Старший писарь
129 Отдельного Штурмового Эскадрона Красной Эскадры Батальона
Связи, 18 Ударной Стрелковой Карпатского Корпуса.*
- Представляется к ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДЕ *Медалью "За отвагу"*
4. Год рождения *1900* 5. Национальность *Русский* 6. Партийность *Б/п*
7. Участие в Гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР в
Отечественной Войне /где, когда/ *На фронт Отдельной Войны с Апрель 1943г.*
8. Имел-ли ранения и контузии в Отечественной Войне *Тяжелую, 3.7.43 года.*
9. С какого времени в Красной Армии *с 21.4.43г.* 10. Каким РВК призван
Гвардий РВК, Офицером связи.
11. Чем ранее награжден /за какие отличия/ *Р/ не награжден.*
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

1. КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ.

*тов. Зеленин в должности Старшего писаря
Батальона с Ноябрь м-я 1944 года.*

*Своими упорным, кропотливым трудом хорошо
поставил в Батальоне учет личного состава
и другую работу Старшей связи, чем способствовал
улучшению штабной работы связи.*

*В Отечественной Войне в боях за Родину имел
одну тяжелую контузию.*

*За безупречную службу тов. Зеленин достиг
Правительственной награды медалью "За отвагу".*

Командир 129 Отд. Зв. ВС
Гвардии Майор РИПАТТИ

[Handwritten signature]

"29" *Мая* 1945 г.

Наградной лист Алексея Петровича Зеленина.

возрасту не очень-то годным к иной военной профессии, мы обязаны тем, что сегодня можем читать наградные и другие документы военных лет. Ни одна из бумаг не должна была попасть в руки противнику, эти тонкие листки со сведениями о личном составе писари выносили из-под огня, рискуя собственной жизнью.

В электронном банке документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (<http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navHome>) мне удалось разыскать Наградной лист Алексея Петровича Зеленина, призванного из Тары Омской области:

«Тов. Зеленин в должности старшего писаря батальона с ноября 1944 года, – говорится в представлении его к высшей солдатской награде, – своим упорным, кропотливым трудом хорошо поставил в батальоне учет личного состава и другую работу строевой части, чем способствовал улучшению штабной работы части. В Отечественной войне в боях за Родину имел одну тяжелую контузию. За безупречную службу т. Зеленин достоин правительственной награды – медали «За отвагу».

Где же воевал Алексей Петрович? По Наградному листу можно отследить его военную географию. Он участвовал в Восточно-Карпатской операции, в ходе которой советские войска нанесли серьезное поражение гитлеровской армейской группе «Хейнрици». Были освобождены западные области Украины и часть Восточной Словакии, важный стратегический рубеж – Восточные Карпаты.

Захват советскими войсками перевалов Главного Карпатского хребта создавал выгодные предпосылки освобождения Чехословакии. Советские воины совершили, казалось бы, невозможное: была преодолена горная преграда, усиленная мощной оборонительной «линией Арпада», созданная венгерскими войсками в Восточных Карпатах в 1943–1944 годах против наступающей Красной Армии и протянувшаяся почти на 600 километров!

Интерлюдия. Карпаты.

Невольно размышляю. Есть геополитические точки, на которых сходятся войска из эпохи в эпоху, собирая представителей все новых и новых поколений.

В разное время в Карпатах оказываются никогда не знавшие друг друга наши предки, и мир становится тесным.

Эти карпатские горы в 1849 году топтала пехота, с которой шагал будущий генерал Николай Николаевич Назаров (1828–1907), затем в

*Вера Леонтьевна и Алексей Петрович
Зеленины (30-е гг. XX века)*

Первую мировую в 1916 году здесь в боях против германской Стальной дивизии отличился мой дед Григорий Евменьевич Чигирик (1885–1948) и, наконец, в 1944 году здесь воюет мой дядя – Алексей Петрович Зеленин.

Из воспоминаний А. И. Гаспиловича, бывшего командира 17-го гвардейского Карпатского стрелкового корпуса, генерал-полковника в отставке:

«В первый день нашего наступления произошел любопытный случай. Поднимаясь по горной тропе на новый наблюдательный пункт возле Яремчи, я обратил внимание на высокого худощавого солдата. Он стоял, опершись на карабин, у старого заросшего окопа. По его щекам катились слезы.

– О чем, друг, задумался? – спросил я.

– Старину вспомнил, товарищ генерал, – ответил солдат. – Ведь это мой окоп, в котором я сидел еще в первую германскую, здесь и дружка моего тогда убило. Не довелось мне тогда через Карпаты пробиться, а ныне, чую, пройдем!

Бывалый воин принялся называть приметы этого памятного для него места: какой камень находится в тридцати шагах правее окопа и что левее, сзади, должны быть остатки блиндажа, а за ним раздвоенный дуб. Мой адъютант слушал с удивлением, а затем не преминул проверить указанные старым солдатом приметы. Они оказались точными.

– Да, друже, Карпаты нас не задержат! – сказал я на прощание. И не задержали. Однако приходилось брать с боем каждый метр».

Ради нескольких строчек в газете

А мы возвращаемся в 20-е годы минувшего века. В семье Зелениных – тяжкие испытания. Самое сильное впечатление на меня производил рассказ папы о том, что он рано остался сиротой. Не стало кормильца, и папа, будучи десятилетним мальчиком, помогал семье тем, что чистил сапоги и ботинки нэпманам. Маленький Леня Зеленин подрабатывал уличным чистильщиком обуви!

Спустя много-много лет, разглядывая в интернете фотографии старинной Вятки, я представляла себе на этих улицах светловолосого кудрявого пацаненка с подставкой-табуреточкой, ваксой и щеткой.

А вот сохранившееся в семейном архиве коллективное фото, относящееся к орловскому (халтуринскому) периоду жизни моего отца в семье сестры Маруси. Я помню, папа говорил, что он учился в Школе рабселькоров (рабоче-крестьянских корреспондентов). В переводе на современный язык, надо полагать, что это было нечто вроде «факультета дополнительных профессий».

Школа повышенного типа, Халтурин Кировской области, во втором ряду первый (слева) – Леонид Зеленин (начало 30-е гг. XX в.)

«Надо же! – невольно думалось. – Школа рабселькоров, а в этой школе есть свой завуч, комсомольская организация и даже председатель ученического комитета». В пользу этой версии говорило и наличие на фото – редактора газеты.

Но, если прочитать надпись на обороте внимательно, то среди запечатленных на снимке – инспектор школ повышенного типа. А школами повышенного типа в те времена называли не сельские, не фабрично-заводские, не рабселькоровские кружки, а школы-семилетки и девятилетки. Выходит, это снимок сделан в общеобразовательной школе 30-х годов минувшего века.

Школа повышенного типа

Председатель учкома – мой папа. Совсем юный, здесь ему на вид лет пятнадцать. Значит, дату снимка можно определить как 10.IV 1932-го (плюс/минус год).

К сожалению, кто-то из родственников, чтобы фото поместилось в современный пластиковый альбом, обрезал края и таким образом надпись на обороте фото читается не полностью. К счастью, фамилии всех изображенных на снимке «уцелели». Вот они (в скобках указана расшифровка сокращений и утерянных окончаний слов): 1) Леонид Зеленин – пред(седатель) учкома и тех(нический) сек(ретарь) комс(омольской) организации); 2) Л. Петухова – руковод(итель) учебного сектора учк(ома); 3) Ф. Белявин – секретарь комс(омольской) яч(ейки), рядом пометка 6-1-гр. (6 класс, первая группа?); 4) Н.Н. Дураков – инспектор школ повыш(енного) тип(а).; 5) М. Сластушенская – редактор газеты «Ударник У(чебы)»; 6) П. Шишкин – пред(седатель) группы, 7-2– гр. (7 класс, 2-я группа?); 7) А. Солоницына – зам(еститель) зав(едующей) Центральной библиотеки; 8) А.В. Ченцова – завуч; 9) Ф. Фоминых – базрук.

Кто такой базрук? Базовый руководитель? Остается догадываться, чем он мог заниматься.

Не может не вызвать восхищения композиция снимка, до чего же непринужденно расположены молодые люди, почти у каждого в руках – книга или тетрадь.

Можно себе представить, как все рассаживались, как автор снимка подсказывал, кому и как «сложить руки», а потом все ждали, когда «вылетит птичка»... В общем, фотографировал очень хороший мастер.

Учитывая, что на фото – школьный актив и руководство, то можно сделать вывод: снимок сделан в честь посещения школы чиновником из области – инспектором школ повышенного типа Н.Н. Дураковым.

Синий лен

Середина 30-х годов. После смерти старшей сестры Маруси семье пришлось покинуть Халтурин (Орлов) и мой отец отправляется в Новосибирскую область. Здесь в поселке Маслянино жил женатый старший брат Иннокентий.

«В 1935 году, окончив среднюю школу в селе Маслянино Новосибирской области, начал работать в районной газете «Социалистическое льноводство», – написал мой папа в своей автобиографии. – Сначала техническим секретарем, затем литработником и отв(етственным) секретарем редакции».

Чем занимался технический секретарь в редакции того времени? Он разбирал почту, принимал посетителей, обеспечивал связь с авторами, выполнял поручения – отнести/принести материалы в типографию и из нее. Для сироты, вчерашнего школьника, удачное начало карьеры. И, выходит, за весьма непродолжительное время папа вырастает до ответственного секретаря.

Это – второй после редактора человек в редакции. Через руки ответственного секретаря проходила большая часть газетного материала, как от постоянных сотрудников, так и от корреспондентов со стороны. Именно «ответсек» просматривал все поступающие материалы, отбрасывая негодное и выправляя приемлемое. После внесения правки, «ответсек» отправлял содержимое газеты на подпись редактору, а затем – в типографию для набора: оригинал должен был быть четким, пройти обработку и сокращение, иметь заголовки, отметку о шрифте и срочности набора.

Маслянинский район – самый восточный район Новосибирской области; граничит с Кемеровской областью и Алтайским краем.

Сам же райцентр Маслянино расположен на реке Бердь (приток Оби) и находится в 176 км к юго-востоку от Новосибирска. О главной отрасли экономики говорит старое название районной газеты «Социалистическое льноводство». Лен и поныне, в XXI веке, возделывается здесь и украшает герб Маслянинского района.

В 2009 году школьница из села Елбань Екатерина Конева получила первую премию за исследование под названием «Великая ломка». Сибирская глубинка в 30-е годы (по материалам публикаций газет и воспоминаниям жителей Маслянинского района Новосибирской области)» на школьном конкурсе «Человек в истории. Россия – XX век». (<http://urokiistorii.ru/node/302>).

Ученическая работа глубокая, интересная. Екатерина листала подшивку газеты «Социалистическое льноводство» и одновременно опрашивала живых свидетелей того, что происходило во время коллективизации в селах и хозяйствах Маслянинского района, в том числе и своих престарелых родственников. На мой взгляд, девушка блестяще описала период ликвидации кулачества «как класса» и трагические судьбы своих предков-крестьян.

Однако для современной школьницы районная газета «Социалистическое льноводство» – рупор сталинской власти и больше ничего. А тысячи «писем трудящихся» во славу действующего тогда режима написаны селькорами «вместо крестьян», пребывавших в постоянном страхе быть объявленными «кулаками» и «врагами народа». Что ж, можно с этой точки зрения читать районную газету тех лет.

Дескать, это был апофеоз сталинского тоталитаризма, когда все свежее, талантливое было угнетено, задавлено, не имело возможности головы поднять над утрамбованным, укатанным катком идеологического асфальта газетным полем!

Но о «сталинской пропаганде» папа не говорил никогда, словно ее и не было. Журналистская работа в Маслянино – это его юность. Энтузиазм и убеждения его времени. И, разумеется, утверждать, что все «письма трудящихся» или новости из колхозов были «инспирированы» – ошибка.

Для меня же – рассказы отца о том, как он работал в Маслянино, это первые отцовские уроки журналистики. В первую очередь он говорил, что настоящий журналист должен быть среди людей. Пребывая в редакции, хорошего материала не напишешь и интересной информации не узнаешь. Значит, профессионал должен быть легким на подъем. Общение с самыми разными людьми – основа успеха в профессии.

Рассказывал, что с 16-ти лет (значит, по всей видимости, отсчет его сотрудничества с газетой следует вести от 1933–34 годов), будучи

литработником-корреспондентом, на лыжах «бегал по отдаленным селам» за информацией к героям своих публикаций. Этим можно только восхищаться, потому что сибирские расстояния между поселениями – громадные. А морозы зимой здесь могут достигать минус 50 градусов.

Я представляю себе худенького юношу, только-только вышедшего из подросткового возраста, в валенках и в задубелом от ледяного ветра кожухе, на безлюдной лыжне, на которой могла объявиться стая голодных волков, а то и медведь-шатун. И после этого мне кто-то будет рассказывать о «сталинских журналистах, писавших заметки вместо колхозников»?

Работа в 30-е годы научила молодого журналиста вниманию к деталям и, казалось бы, незначительным фактам. Бытовые подробности, слова и выражения местных крестьян, – папа учил и меня все подмечать, использовать в своем материале, даже если это короткая информация. За газетными строками читателю интересен живой человек!

«Журналистика – это не профессия, а образ мышления», – любил говорить мой папа.

И я запомнила на всю жизнь, что у человека, пишущего в газету, снимающего репортаж для телевидения ум должен быть настроен и натренирован особым образом: собрать как можно больше фактов, самых разных, увидеть за фактами – явление, осмыслить его, спрогнозировать его в развитии, найти такие слова и такую форму, чтобы интересно было читателю и зрителю.

Признаюсь, я благодарна отцу за то, что он с детства рассказывал мне об этом опыте, который он получил в далекой Сибири.

Любому ремеслу можно научиться. Но поскольку журналистика это не только ремесло (владение техническими и профессиональными навыками), но и творчество, по его глубокому убеждению, журналистом надо родиться. Эта профессия предусматривает еще и наличие таланта, способностей, того самого «образа мышления», которое каждому настоящему мастеру пера придает неповторимую индивидуальность.

И еще одно его замечание я запомнила на всю жизнь:

– Никогда не вырывай событие из контекста эпохи.

Он считал неправильным, когда о событиях прошлого судят с высоты представлений и понимания сегодняшнего дня. И 100, и 80, и 50, и даже 20 лет назад оценки происходящего в обществе были совсем

*Леонид Зеленин
(конец 30-х гг, XX в.)*

иными, чем мы можем дать сейчас, окрепнув, как говорится, «задним умом».

Любое событие минувшего – это запечатленное в них сознание или мировоззрение того времени. Поэтому журналист неизбежно должен быть историком культуры, человеческой ментальности, знать идейные и духовные установки людей той эпохи, их понятийный «инструментарий», их способы мировосприятия. Не принимая в расчет образа мысли людей, действующих во времени, невозможно правильно понять и происходившие события.

Журналистов уважали и побаивались. Их называли «бойцы идеологического фронта».

Каждый автор невероятно гордился публикацией своей заметки или даже корреспонденции. Особенно ценились материалы с описанием лучшего производственного опыта, очерки о «стахановцах» и сатирические статьи, высмеивающие недостатки. В моде были рубрики: «Горячая промывка», «Холодный душ», «На свежую воду», «Пожалуйста бритесь».

В каких жанрах журналист 30-х годов мог проявить свой талант? Ну не в сухих же официозных материалах и не в отчетах с партийных собраний! 30-е годы – это расцвет таких, ныне забытых газетных жанров, как фельетон и очерк. Вот – отдушина для творческого и литературно одаренного корреспондента. Фельетон – острый сатирический жанр, требующий тонкого юмора и изящества слога. В очерке можно было обратиться к образу простого человека, его характеру, силе духа, человеческим качествам.

В общем, во все времена, даже в сталинские, журналистика развивалась как творческая профессия.

В конце 20-х и в 30-е годы в СССР происходит фантастический

количественный рост и увеличение тиражей газет и журналов. Вы только представьте себе эти темпы: 995 газет в 1929 году и 9700 в 1933 году. 12 с половиной миллионов тиража в 1929 году и 36 миллионов в 1933 году. Выходило невероятное количество всевозможных изданий на национальных языках, а также отраслевых газет: от заводских и колхозных до ведомственных, порой, под самыми экзотическими названиями. Например, «Советская игрушка» или «Украинское свиноводство».

На сайте Управления информационных проектов Новосибирской области я нашла историческую справку о газете «Маслянинский льновод»:

«19 января 1931 года Секретариат Сибкрайкома ВКП (б) принял решение о выездной газете. 15 февраля вышел первый номер «За социалистическое льноводство». Это название газеты было обусловлено тем обстоятельством, что Маслянинский район издавна занимался льноводством. Первым редактором был назначен А. И. Бибиков. Этот человек, как в то время говорилось, был партийным «до мозга костей».

За всю свою историю районка меняла своё название дважды. С июля 1931 года она стала называться «Социалистическое льноводство», а в 1965 году приобрела сегодняшнее имя – «Маслянинский льновод». С самых первых дней своего существования газета стала летописцем событий жизни не только района, но и страны. На её страницах находили отражение события коллективизации, военных лет, послевоенного восстановления народного хозяйства, нелёгкий труд маслянинцев. Это были очерки, зарисовки, репортажи, интервью».

И я горжусь, что мой отец фактически участвовал в становлении этого издания, которое выходит в свет вот уже 85 лет. Признаюсь, не без удовольствия посмотрела современный сайт районной газеты в интернете и порадовалась за коллег.

«Акулы пера» 30-х годов

Трудно себе представить двух столь разных по характеру людей, чем два брата – Борис Петрович и Леонид Петрович Зеленины.

Романтик и резонер Борис, вечно витающий в облаках. И при этом – педант в мелочах. Леонид, реалист с аналитическим складом ума, сразу

*Борис Зеленин, студент
Ленинградского КИЖ
(конец 20-х гг. XX в.)*

схватывающий глубинную суть любого явления, способный мгновенно «ухватить» и оценить факт и при этом мастер лирической детали. И оба одержимы своей журналистской профессией, бесконечно преданы ей.

Думаю, в советские времена выражение «акулы пера» не употреблялось. Ну, разве что в отношении «хищных» журналистов из стран капиталистического мира.

Но, уверена, если в шутку назову так своего отца – Леонида Петровича и его старшего брата – Бориса Петровича, они на меня не будут в обиде. Ведь у обоих было превосходное чувство юмора.

Борис Петрович Зеленин (1910–1979) – один из старших братьев моего отца, учился в ленинградском Ком-

мунистическом институте журналистики, сокращенно – КИЖ.

Полное название – Ленинградский государственный институт журналистики имени В. В. Воровского Наркомпроса РСФСР (1930–1941).

Интересное учебное заведение, оставившее свой след в истории и журналистского образования, и самой профессии. В конце 20-х годов высшее образование в среднем по стране имели 13 % газетчиков, неоконченное высшее и среднее – 52 %, неполное среднее и ниже – 34 %, домашнее – 1 %.

И вот с начала 30-х годов Коммунистические институты журналистики (КИЖи) появились в Москве, Ленинграде, Алма-Ате, Харькове, Свердловске, Минске, Куйбышеве.

В ленинградском КИЖе преподавали многие крупнейшие ученые Ленинградского университета. Так, лекции по русской литературе читал легендарный профессор Григорий Александрович Гуковский.

«Стремление к углублению своих обширных знаний побуждало Г. А. неустанно трудиться, – написала о Гуковском Лидия Лотман, литературовед и сестра выдающегося литературоведа Юрия Лотмана.

В своих воспоминаниях «Он был нашим профессором» (журнал «НЛО» 2002, № 55) она пишет: «Он утверждал, что читать медленно – все равно, что не читать вовсе, и что нет ничего худшего, чем терять время по мелочам, попусту. Часто он читал на ходу. Я сама видела, как он зимой, в тридцатиградусный мороз, входил в вестибюль Пушкинского дома, читая книгу. Все, кто были в вестибюле, заахали: «В такой мороз!». Г. А. ответил: «А я его не заметил!». Но воротник его зимнего пальто был поднят, меховая шапка съехала на нос, а очки запотели. Может быть, это было своего рода «щегольство», но свежие «новости» из старых времен были его hobby, и он вступал с такими известными эрудитами, как музыковед Ив. Ив. Соллертинский и П. Н. Берков в шуточные соревнования на знание малоизвестных или вовсе неизвестных исторических фактов и текстов». <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/55/lotm.html>

И опять я невольно вспоминаю «правило рукопожатий» – лекции профессора Гуковского выпало счастье слушать во время войны моей маме в Саратовском университете, куда был эвакуирован профессор Гуковский из Ленинграда. Мама вспоминала, что профессор Гуковский был настолько популярен, что на его лекциях в аудитории яблоку негде было упасть, его приходили послушать студенты с других курсов и даже факультетов.

В Ленинградском КИЖе в 1930 году приступили к занятиям 600 студентов: будущих газетчиков, радиокорреспондентов, издательских работников. КИЖ получил современное по тем временам техническое оборудование.

Институт журналистики давал разностороннюю подготовку, солидные теоретико-профессиональные курсы плюс связь с редакционной практикой.

Об этом известный немецкий публицист Э. Киш писал с восторгом: «Я побывал во многих европейских школах журналистики. Лучшей из них считаю лейпцигскую. Слушатели ее являются в школу два-три раза в неделю на короткий срок, чтобы выслушать лекции по истории, организации и технике прессы, выполнить практическое задание... И я был обрадован тем, что нашел, наконец, специальное учебное заведение, студенты которого в течение всего срока обучения заняты исключительно учебной и общественной работой».

О том, что его брат Борис учился в КИЖе, папа, даже спустя много лет, говорил с гордостью и значительной долей белой зависти.

В те же годы в Ленинграде жил и работал выдающийся вятич, ученый-этнограф Дмитрий Константинович Зеленин. Я невольно связываю эти факты и вновь думаю: а был ли Борис с ним знаком, встречались ли они в Ленинграде, не является ли Дмитрий Константинович нам родственником?

Борис Зеленин получил лучшее по тем временам журналистское образование и был направлен на работу в Харьков, где стала выходить в свет газета «Большевик Южной» (ныне – «Южная магистраль»), старейшее издание Южной железной дороги (ЮЖД). Он также был в Харькове собственным корреспондентом всесоюзной газеты «Гудок» и получил квартиру в большом «литерном» доме, построенном для железнодорожников в 1928 году по проекту архитектора А. Бекетова. Дом пережил войну и по сей день красуется напротив здания Управления ЮЖД.

В своей квартире старший брат приютил младшего брата Леонида, несмотря на то, что у Бориса Петровича тогда уже были жена и новорожденная дочка.

Папе тоже нашлась работа на ЮЖД – в многотиражной газете Основянского политотдела ЮЖД (станция «Основа»). Отделенческая газета издавалась на украинском языке и называлась «Вуглевіз Донбасу». Известно и имя ее редактора В. А. Королев.

Станция Основа расположена на участке Харьков – Левада – Изюм – Красный Лиман и связывает Харьковщину с Донбассом. Здесь находятся многие предприятия Южной железной дороги: локомотивное депо «Основа», вагонное депо, путевая машинная станция, Основянская дистанция пути, дистанция электроснабжения, дистанция сигнализации и связи, строительно-монтажный поезд. Подъездные пути примыкают к многочисленным промышленным предприятиям.

Папа пишет заметки и корреспонденции о том, как живут и работают эти трудовые коллективы, в кабинах машинистов паровозов он путешествует с блокнотом от Левады до Красного Лимана.

«О чем говорят женщины у колодца» – самая яркая его заметка. Будучи в командировке на одной из станций, он захотел напиться воды и невольно услышал разговор у колодца пришедших по воду женщин.

Молодой журналист Леонид Зеленин с коллективом сотрудников ЮЖД на отдыхе в Крыму (1939)

В январе 1938 года в Харькове вышел первый номер областной газеты «Красное знамя» на русском языке. И Бориса Петровича пригласили в областную газету заведовать отделом информации.

С тех пор два ведущих областных издания – украиноязычная «Соціалістична Харківщина» и русскоязычное «Красное знамя» включились в своеобразную конкуренцию за оперативность и журналистское мастерство. Фактически это творческое соперничество продолжалось до 1991 года, пока существовала советская печать.

Каждая газета хотела завоевать больше симпатий читателей

Вернувшись в редакцию, написал об этом материал.

Папа рассказывал, что это была очень острая и правдивая заметка о том, как власти не обращают внимания на жалобы людей, живущих в пристанционном поселке. И на нее была реакция начальства, недостатки были быстро устранены.

Рассказывая об этом, папа делился опытом, как должен работать настоящий неравнодушный журналист. Не оставлять без внимания даже те факты, которые не входят непосредственно в редакционное задание.

и нарастить тиражи. Своих коллег из «Соціалістичної Харківщини» журналисты «Красного знамени» шутливо называли «соцками», а те своих коллег – «краснюками». опередить друг друга, как в фактической подаче материала – у кого интереснее, свежее новости и острее публицистика, так и по форме – за счет иллюстраций и выразительности изложения, считалось делом чести.

Папа с восторгом рассказывал, что заведующему отделом информации «Красного знамени» Борису Зеленину зимой 1940 года, во время советско-финской войны, удалось дозвониться в штаб командующего Северо-Западным фронтом и взять уникальное интервью о ситуации в районе боев, еще до официального сообщения ТАСС. В самый последний момент, перед сдачей номера в печать, ночью, этот материал был

*Борис Петрович Зеленин,
заведующий отделом
информации газеты
«Красное знамя», Харьков
(конец 30-х гг. XX в.)*

выставлен на газетную полосу. Таким образом, удалось опередить коллег из «Соціалістичної Харківщини» на целые сутки в подаче информации с фронта.

Увы, привычка дымить сутками напролет, прикуривая одну папиросу от другой, у папы и его брата Бориса – тоже с тех времен, от бессонной газетной работы и ночных дежурств по выпуску свежего номера.

В 1941 году гитлеровские войска очень быстро – уже в октябре – оккупируют Харьков. Братья расстанутся. На прощание Борис подарит Леониду свою фотокарточку, судя по качеству, сделанную явно газетным фоторепортером.

На обороте загадочная надпись: «Иногда людей объединяет даже разность мыслей, поведения, чувств. Так случилось и с нами. Некоторая, пусть даже небольшая гармония в н(аших) отношениях... произошла от контраста между нами. (А)втор в память того, что нас разъединяло и одновременно сближало». Подпись: Борис Зеленин.

Встретятся они, спустя несколько десятилетий: Борис Петрович

Зеленин, заместитель главного редактора газеты «Советская Молдавия», приедет из Кишинева в Махачкалу, чтобы увидеть младшего брата Леонида Петровича Зеленина – главного редактора газеты «Дагестанская правда».

У Шолохова в Дарьинском

Мало кто знает, что, когда 15 октября 1965 года объявили о присвоении Михаилу Александровичу Шолохову Нобелевской премии по литературе «за художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время», он услышал эту новость по радио в своем охотничьем домике в Приуралье.

Село Дарьинское (ныне – городок Дарьинск) в 30 километрах от Уральска стало для великого писателя «второй Родиной». Здесь, с 27 июля 1942 года по конец ноября 1943 года в эвакуации находилась семья Шолохова, сам он сюда тоже выбирался с фронта наездами и здесь задумал и начал писать первые главы романа «Они сражались за Родину», которые в мае – ноябре 1943 года стали с продолжением публиковаться в газете «Правда». Эту книгу и в СССР и за рубежом сразу высоко оценили за ее высокий человеческий пафос.

Как вспоминал оренбургский писатель Николай Корсунов о прибытии писателя на Урал: «...Шолохову предложили большой дом в Уральске. Он отказался: «Город забит госпиталями, переполнен беженцами, которым негде голову преклонить, а я хоромы займу!». Хотя было в том доме не просторно: приехали с ним что-то около 20 человек...» (Корсунов Н. С Шолоховым. Встречи, беседы, переписка. Оренбург: Оренбургское кн. изд., 2000.).

Дочь писателя – Светлана Михайловна Шолохова о новых местах жительства семьи: «...это была безлесная степь, саманные хатки, без зелени. Мы сначала заплакали, потом привыкли. К нам относились хорошо...» (Из беседы дочери писателя с учащимися Московской школы искусств им. Балакирева в 2002 году в Вешенской).

Вот в этот степной край с саманными хатками на берегу реки Урал в эвакуацию прибыл и мой папа. На фронт его не взяли из-за сильной близорукости – минус пять с половиной. С началом войны он был включен в оперативную группу журналистов с заданием по выпуску

«Боевых листов» на Белгородском отделении Южной железной дороги. Одновременно ему было поручено выполнять обязанности ответственного секретаря отделенческой газеты «Сигнал».

Накануне прихода немецко-фашистских войск в Белгород, по приказу начальника Южной железной дороги, группа белгородских железнодорожников отправляется в распоряжение Управления Рязано-Уральской железной дороги в Саратов, где Леониду Зеленину было вручено предписание ехать дальше – в город Уральск в распоряжение Западно-Казахстанского обкома партии.

В Приуральном районе для моего папы нашлась работа ответственного секретаря, а затем и редактора районной газеты «Сталинский путь».

Редакция находилась в Дарьинском. В селе каждый знал, где дом, в котором живет семья Шолохова.

С Михаилом Александровичем папа встречался лишь однажды, когда райком партии выделил для сотрудников редакции целую подводу, наполненную арбузами. Журналисты решили угостить и семью Шолохова. Папа сам отвез арбузы на двор Шолоховых. Неожиданно для гостя писатель оказался дома, приехал с фронта. Обменялись положенными в таких случаях рукопожатиями, приветствиями и вежливыми фразами.

– Как? И ты даже не попросился на интервью? – удивилась я.

– Постеснялся, не ожидал лично увидеть... – признался папа.

Конечно, неожиданно встретив великого писателя, который уже тогда был живой легендой мировой литературы, молодой районный редактор оробел.

С блокнотом на Курской дуге

По мере наступления советских войск на Запад, вслед за войсками потянулась в родные края и волна эвакуированных. Специалисты и их семьи возвращались на пепелища.

Под Курском еще разворачивались войска обеих воюющих сторон, а в областном центре, освобожденном от оккупантов, уже начинает вновь выходить ежедневная областная газета «Курская правда». Сообщения с фронтов, сводки Совинформбюро и статьи о сверхчеловеческих усилиях по восстановлению разрушенного войной.

19 мая 1943 года вышло постановление Совнаркома СССР о первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Курска и области. Разворачивается строительство важной для фронта железнодорожной ветки Старый Оскол – Ржава. Курскому обкому партии понадобился журналист, знающий железнодорожную специфику, и ЦК ВКП(б) направляет Леонида Зеленина из Западного Казахстана на работу в «Курскую правду». Здесь регулярно тиражом 3000 экземпляров в рамках выездной редакции издается специальный выпуск «Курская правда на стройке».

Молодой курский историк Александра Бормотова, которая посвятила свои исследования изучению периодической печати Курской области в годы войны, отмечает, что необходимость срочного строительства магистрали диктовалась всей обстановкой, сложившейся к тому времени в районе Воронежского фронта.

В период наступления советских войск на Курском направлении зимой и весной 1942–1943 годов единственной железной дорогой, связывающей Курский узел с Московско-Донбасской и Южной дорогами, была железнодорожная магистраль Касторное – Курск, на которой базировались войска Воронежского фронта.

После передислокации в феврале 1943 года в район Курска войск Центрального фронта на магистрали базировалось уже два фронта. Именно поэтому строительство этой дороги имело важное стратегическое значение.

Учитывая крайнюю необходимость строительства самостоятельной железнодорожной коммуникации, которая обеспечила бы перевозки военных грузов, Военный совет Воронежского фронта 6 июня 1943 года направил председателю Государственного Комитета Обороны И. В. Сталину телеграмму с просьбой разрешить постройку новой железнодорожной магистрали Старый Оскол – Ржава. ГКО 8 июня принял постановление о строительстве железной дороги.

Сейчас даже представить невозможно, что воюющей стране по силам такие масштабные инфраструктурные проекты. Леонид Петрович Зеленин приезжает в разрушенный войной Курск в мае, а уже в июле разворачивается Великая битва на Курской дуге. Как известно, по своим масштабам, задействованным силам и средствам, результатам и военно-политическим последствиям она стала одним из ключевых сражений Второй мировой войны. Здесь развернулось самое крупное танковое

сражение в истории, в котором приняли участие около двух миллионов человек, шесть тысяч танков, четыре тысячи самолётов.

Сражение стало важнейшей частью стратегического плана летне-осенней кампании 1943 года, и, согласно советской и российской историографии, включает в себя: Курскую стратегическую оборонительную операцию (5–23 июля), Орловскую (12 июля – 18 августа) и Белгородско-Харьковскую (3–23 августа) стратегические наступательные операции. Битва продолжалась 49 дней.

Леонида Зеленина редакция «Курской правды» отправляет военным корреспондентом по Воронежскому, Центральному и Степному фронтам.

«Особый отклик среди курян находили сообщения о подвигах земляков, – подчеркивает А. Бормотова. – На страницах «Курской правды» 30 июля 1943 года публикуется сообщение начальника политуправления Центрального фронта по работе среди комсомольцев о героизме комсомольцев-курян (понятно, что готовил его профессиональный журналист); 13 августа 1943 года – подробная корреспонденция о воинах-курянах, освободивших Белгород».

30 июля 1943 года в заметке «Выстояли» «Курская правда» рассказала о 12-часовом бое не на жизнь, а на смерть, в котором было уничтожено 30 вражеских танков. Геройски вел себя в этом бою курянин – лейтенант Иван Мухин. Будучи раненым, он оставался в бою и мстил за убитого в Курске отца и за сестру, сосланную на каторгу в Германию.

Историк Александра Бормотова называет советскую центральную и местную печать «одним из важнейших факторов коренного перелома в Великой Отечественной войне, так как «своими публикациями она поддерживала боевой дух бойцов Красной армии и партизан» (Печатная пропаганда и агитация Курской области накануне и в период Курской битвы, 2011, <http://cyberleninka.ru/article/n/pechatnaya-propaganda-i-agitatsiya-kurskoy-oblasti-nakanune-i-v-period-kurskoy-bitvy#ixzz41UMjJiny>).

Ну, а если без пафоса: «Там, где мы бывали, нам танков не давали», – написал Константин Симонов о военных корреспондентах.

Журналисты на войне – это творческое ополчение. У них нет оружия, только «лейки» (пленочные фотоаппараты) и «блокноты», только одна

Курск после освобождения, первые выпуски «Курской правды» (1943)

задача – правдиво и ярко рассказывать о той невиданной мере подвигов, героизма, жертв и потерь нашего народа, которой оказалось достаточно для Великой Победы.

«Пока фонарь не укажет тебе путь...»

Семья встречает новый 1945 год. Ни шикарных нарядов, ни обильного застолья. На маме платье, пошитое, кажется, из... шторы и деревянные босоножки.

На этой фотографии: мои папа и мама, бабушка Вера Яковлевна Добрыня и папин коллега с женой. Скромно, с мамой и друзьями, отметили Новый год. Леонид Зеленин и Вероника Добрыня поженились в 1944 году. В ЗАГСе тогда расписаться было проще простого, пришел, подал заявление, и тебе вручается свидетельство о браке.

В ноябре 1943 года советские войска освободили Киев. Для восстановления освобожденных областей Украины необходимо множество гражданских специалистов: рабочих, строителей, инженеров, педагогов и, конечно, журналистов.

Сумы. Встреча нового 1945 года

Папу заметили еще в «Курской правде» и ЦК отзывает его в Киев, где он получает направление на работу собственным корреспондентом газеты «Правда Украины» по Сумской области.

«Правда Украины» – крупнейшая общественно-политическая республиканская ежедневная газета на русском языке. По рангу того времени относилась к изданиям «первой категории», что означало, что ее профессиональный коллектив формируется в каждом конкретном случае соответствующим постановлением ЦК КПСС, а не ЦК КПУ.

«Енциклопедія українознавства», издававшаяся диаспорой в Европе, в 1970-е годы минувшего века характеризовала «Правду Украины» так, сравнивая ее с газетой «Радянська Україна»: «...на ділі «Правда України» присвячує більше місця проблематиці промисловості, міста, науки і техніки. Специфікою «Р. У.» є виступи проти укр. «буржуазних націоналістів» і взагалі матеріали ідеологічно-пропагандивного типу». Историю газеты создавали многие талантливые журналисты.

До конца 60-х годов папа, уже будучи главным редактором «Дагестанской правды», выписывал «Правду Украины» домой и, я помню, как по почте из Киева в Махачкалу приходили «узкие» бандерольки

с украинской газетой. В этой газете долгое время продолжали трудиться папины друзья и коллеги, и он следил за их творчеством.

В Сумах молодой собкор «Правды Украины» встречает мою маму. Невысокого роста девушка, с красиво очерченным, выразительным лицом и весьма своенравным характером Вероника Добрыня, не могла не привлечь внимания такого серьезного и ответственного молодого человека, как Леонид Зеленин. С этой девушкой можно часами говорить о литературе, истории, искусстве, на любую тему, непрестанно удивляясь ее эрудиции.

О такой подруге жизни всегда мечтал мой папа.

«Немає, померла...»

Ка жили мои бабушка и мама до войны? Им довелось пережить голод 1933–34 годов в селе Яблоновка на Полтавщине. Это сейчас об этой трагической странице в истории советского крестьянства написано множество книг и исследований. А я слышала о голоде из маминых уст с детства. Мне было 9 лет, и я пыталась себе представить, каково это, когда ты приходишь на урок в класс, учительница начинает переключку и на громко произнесенную фамилию твоей любимой подруги из списка в журнале староста тихим от слабости голосом отвечает:

– Немає, померла...

В селе люди поели всех собак, голубей и даже кошек. Трупы односельчан собирали на улице. Человек выходил из дому, шел куда-то и по дороге падал. Подняться уже не мог...

В «Моей туркестанской истории» я еще упомяну Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами) – организацию, которая скупала «валютные ценности» (золото, серебро, драгоценные камни, предметы старины, наличную валюту), которые там можно было обменять на продукты питания или другие товары.

Нашей семье повезло. В Торгсин бабушка отнесла все кольца и сережки, что дарили ей старшие братья до революции.

Интересно, что Торгсин принес государству 270 млн. золотых рублей. Для сравнения: экспорт произведений искусства, осуществлявшийся в те же годы, – 20 млн. Таким образом, практически все «валютные ценности», сохраненные после революции 1917 года, в годы Гражданской войны и накопленные при НЭПе, были добровольно-

принудительно изъяты у населения. Эти деньги были вложены в грандиозный проект индустриализации.

Из Румынии два раза приходили посылки от старшего брата Ивана Яковлевича Добрыни-Конюхова, в них – крупа, мука, топленое масло.

Иван Яковлевич был женат на румынской аристократке, детей у него не было и он в своих письмах настоятельно просил Веру Яковлевну отправить 13-летнюю Веронику к нему, обещал дать ей хорошее образование и в дальнейшем оплатить обучение во Франции – в Сорбонне. Но бабушка, конечно же, не согласилась расстаться с дочерью.

Я иной раз думаю: а что бы было, если бы моя мама уехала за границу под опеку дяди Ивана Добрыни-Конюхова?

Никто тогда и предположить не мог, какие новые испытания и страшная война ждут всех впереди. Материнская любовь сделала единственно правильный выбор: дочь и мать остались вместе. И, возможно, это сохранило Веронике жизнь. Потому что после войны следы дяди Ивана потерялись навсегда.

А дочь георгиевского кавалера Григория Чигирика воспитывал отчим – добрейшей души человек, потомок православных священников, агроном Владимир Лапинский. Сельская школа в Яблоновке, где училась моя мама, располагалась в старом барском доме. Тетрадей не было. На чердаке усадьбы дети нашли сваленные в кучу книжки из барской библиотеки. Книги раздирали на страницы и писали между строк упражнения по украинскому языку.

Маме досталось красивое издание пьес Генрика Ибсена. Таинственные названия пьес со множеством согласных завораживали сельскую девочку-подростка. Их не только выговорить, прочесть было непросто: «Фру Ингер из Эстрота», «Пир в Сульхауге», «Ульф Лиленкранс», «Воители в Хельгеланде»... А вот «Кукольный дом» – это так и хотелось прочитать! Запомнились и парадоксальные фразы, которых невозможно было услышать от окружающих, только прочесть у странного автора с нездешними именем и фамилией:

«Меньшинство может быть право, большинство всегда ошибается»; «Не туши лучины, хотя пламя ее колеблется, пока фонарь не укажет тебе путь»; «Не вычеркивай из речей старых выражений, пока ты не успел создать новых слов»; «В том-то именно и заключается свобода, чтобы исчерпать свое призвание».

– О чем эти слова? Почему так? – задумывалась девочка...

Легенды психологии

До Великой Отечественной войны Вероника Добрыня – студентка-отличница Московского государственного педагогического дефектологического института.

Такой институт существовал в Москве как самостоятельный вуз непродолжительное время с 1938 по 1942 год, но появился не на пустом месте, а вышел из стен 2-го МГУ, а затем влился в Московский государственный педагогический институт как дефектологический факультет.

Этот институт готовил педагогов-дефектологов для работы с детьми с аномалиями развития. Это направление в науке и педагогике развивалось в 20–30-е годы минувшего века очень бурно, можно сказать революционными темпами и, по всей видимости, не имело отказа в финансировании. Готовились специалисты, открывались специализированные НИИ и научные лаборатории.

Советская власть пыталась разгадать загадку «особых детей» (олигофренов, даунов, аутистов, умственно отсталых) и добиться их максимальной социализации.

Не хотелось бы надолго отвлекаться, но само собой напрашивается противопоставление с фашистской Германией, где в те же самые годы гуманные рассуждения о необходимости заботы о слабых и обездоленных рассматривались, как проявление гнилой сентиментальности, чуждой духу национал-социализма, а штурмовики громили вспомогательные школы, поскольку в них воспитывались люди, жизнь которых не представляет никакой ценности.

В советской педагогике, вдохновленной идеей переустройства мира и создания нового человека, воцарилась уверенность: человеческому разуму и солидарному обществу подвластно все, в том числе возможность влиять на природу человека и изменять ее. Ставилась задача посредством воспитания и развития добиться того, чтобы дети с аномалиями развития могли овладевать элементарными трудовыми навыками и знаниями, обслуживать себя сами и даже трудиться.

Ректор института – Всеволод Кашенко, не только брат Петра Кашенко, известного врача-психиатра, имя которого носит знаменитая больница в Москве, но и сам крупный ученый, теоретик и практик коррекционной педагогики.

Он писал: «Трудные дети, детская исключительность, умственная, психологическая, физическая недостаточность – такова плата за противоречия исторического прогресса, за несовершенства общественной организации, за дефекты в образовании и воспитании взрослых людей. Никогда еще эта проблема заботы об исключительном ребенке не стояла так остро и никогда не была осознана, как ныне».

Трудно поверить, что эти слова были сказаны почти 70 лет назад, – так современно они звучат.

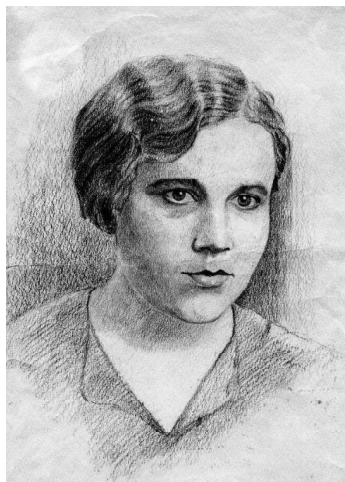
В Советском Союзе возникает множество направлений и школ, представляющих науки о человеке. Это и педология (комплексная наука о детстве и развитии ребенка), психотехника (инженерная психология и психология труда), психогигиена, психотерапия, рефлексология (теория В. М. Бехтерева) и учение о высшей нервной деятельности (теория И. П. Павлова), психоанализ. Тогда же появляются и совершенно новые научные направления – дефектология (психология аномального развития и коррекционная педагогика) и реактология (поведенческая наука о системах реакций).

В 1939 году моя мама поступила в Московский педагогический дефектологический институт на отделение русского языка и литературы, факультет олигофренпедагогике. Кроме филологии, которую готовилась преподавать моя мама, в Московском педагогическом дефектологическом институте глубоко изучались различные отрасли специальной педагогики и психологии, клинические и нейрофизиологические особенности аномальных состояний, а также ряд медицинских дисциплин.

Учиться здесь было невероятно сложно, но как интересно! В числе профессоров и педагогов – выдающиеся специалисты и ученые своего времени.

Начнем с филологических дисциплин. Помните классический советский учебник русского языка Бархударова и Крючкова? Сергей Дмитриевич Крючков читал студентам специальные дисциплины по русскому языку. Экзамен по древнерусскому языку принимал крупный литературовед и языковед-русист, будущий академик АН СССР и лауреат Сталинской премии Виктор Владимирович Виноградов. На лекциях Виноградов блистал знанием семантики русских слов, используя множество редких примеров.

Мама говорила, что и древнерусский, и старославянский языки

*Студентка Вероника
Добрыня, рисунок ее подруги
Евгении Лактионовой
(40-е гг. XX в.)*

давались ей легче, чем другим однокурсникам, благодаря тому, что она училась в украинской школе и превосходно владела украинским языком, с удивлением открывая очаровательное сходство между языками.

Если же говорить о психологии, то я своей маме могу только позавидовать.

Она видела Вольфа Мессинга! Он выступал в институте. Щуплый человек с огромной гривой кудрявых волос и большим носом. Суть его сумасшедшей фразы: «Я вижу танки с красными звездами на улицах Берлина», – современники поймут только в 1945 году.

«Советский Песталоцци» Павел Блонский, один из основателей Русского психоаналитического общества, автор теории «новой школы», генетической теории памяти и учебника «Педология». В учебнике ученый дал представление о своеобразии разных возрастных периодов и связанных с ними особенностях воспитания и обучения детей. До революции, читая психологию и педагогику в народном университете А. Л. Шанявского, этот ученый оказал влияние на учившегося там Л. С. Выготского, который с тех пор стал серьезно заниматься психологией.

Дефектологию читала выдающийся ученый-дефектолог, впоследствии – действительный член Академии педагогических наук, Татьяна Власова – профессор, организатор первого в стране научного центра по дефектологии – Экспериментально-дефектологического института Наркомпроса РСФСР (впоследствии – НИИ дефектологии АПН СССР).

И, наконец, здесь преподавал легендарный Александр Романович Лурия, один из основоположников отечественной психологической науки. Его работы по изучению аффективных состояний положили начало целому ряду аналогичных исследований, как в России, так и за рубежом. Докторская диссертация Лурии по педагогическим наукам, подготовленная и защищенная в 30-е годы, посвящена проблеме конфликтов.

«Если современная мировая психология превратилась в одну из самых динамично развивающихся научных дисциплин, уступая в этом отношении, быть может, только биологии и информатике, то заслуга тому принадлежит небольшому числу людей, доказавших практическое значение психологических знаний в таких областях, как новые информационные технологии, стресс на рабочем месте, образование и медицина. Любой репрезентативный опрос – в России, Западной Европе или в Северной Америке – показал бы, что А. Р. Лурия входит в число 10 ведущих психологов прошедшего столетия», – так напишет о нем один из его учеников Б.М. Величковский (Человек на все времена: к 100-летию со дня рождения Александра Романовича Лурии (16.07.1902–18.08.1977) http://thepsy.narod.ru/indexfiles/ucheb_mat/07.html).

Ученый с мировым именем Александр Лурия в 40-е годы увлечен исследованиями и анализом мозговых механизмов психических про-

ЛУРИЯ Александр Романович (1902–1977) – доктор психологических и доктор медицинских наук, профессор академик АПН СССР, основатель отечественной нейропсихологии. Известен своими работами по общей психологии, культурно-исторической теории, психологии аномального ребенка. Многие работы А.Р. Лурия опубликованы за рубежом.

*Александр Романович Лурия,
основатель отечественной нейропсихологии
(фото 70-х гг. XX в.)*

цессов. Он объяснял своим ученикам, что психика и мозг взаимосвязаны.

У меня есть повод назвать маму «воспитанницей» профессора Лурия, и это не преувеличение. Из сонма своих студентов Александр Романович особо выделял двоих – Александра Спиркина и Веронику Добрыню. Эти студенты занимались у Лурия по

отдельной, специально составленной для них программе, приходили к ученому домой, получая от него специально подобранную литературу для интенсивных занятий, выполняли по его заданиям лабораторные и курсовые работы.

Впоследствии Александр Спиркин (1918–2004) станет членом-корреспондентом АН СССР, уникальным специалистом в области философских проблем психологии и кибернетики, автором, пожалуй, лучшего учебника по философии для вузов за весь советский период.

Мало кто из тех, кто преподавал и учился по учебнику Спиркина «Основы философии», знал, какой удивительный жизненный путь проделал этот неординарный человек и ученый от мальчишки-беспризорника до автора докторской диссертации, посвященной проблеме происхождения сознания, и главного научного сотрудника Института философии РАН.

– Спиркин учился отчаянно, наверстывая знания, которые недополучил беспризорным подростком, – вспоминала мама. – Его можно было встретить на лекциях и в библиотеке. И больше нигде. Казалось, он не отдыхал никогда. Это был человек недюжинных природных способностей и фантастического трудолюбия.

Еще запомнилась деталь из маминых рассказов об опыте беспризорника Спиркина: если ты сбил ноги в кровь на дороге, раны можно присыпать... пылью.

Летом 1941 года, сдав досрочно экзаменационную сессию за второй курс, мама должна была ехать для экспериментальной работы в Сухуми, где на бывшей даче профессора А. А. Остроумова действовал уникальный научно-медицинский центр – Сухумский обезьяний питомник. Там для моей мамы были запланированы опыты по обучению животных с выходом на курсовые работы, затем – дипломную и в дальнейшем – на диссертационное исследование.

Но этим планам в жизни моей мамы никогда не суждено будет сбыться. Грянула война, и необходимо было подчиниться ее законам.

Первая любовь, которую мама пережила в студенческие годы в Москве, была трагической. Сын выдающегося ученого и педагога Павла Петровича Блонского, если не ошибаюсь, Владимир. Он был старше мамы лет на 10–15 и вел у них на факультете семинарские занятия.

Я пыталась найти о нем хоть слово в биографии П. П. Блонского или в воспоминаниях о нем, чтобы уточнить имя. Но почему-то в биографии пишут, что оба сына профессора Блонского были репрессированы в середине 30-х годов, когда начались гонения на педологию, а против самого Блонского развернулась жесточайшая травля (постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов»). Дескать, одного из сыновей потом выпустили по просьбе Надежды Константиновны Крупской, но затем вновь «арестовали и отправили в Сибирь».

Думаю, все же биографы ученого владеют не всей информацией. Точнее, она утрачена, потому что не осталось тех, кто бы мог ее рассказать. И даже имена сыновей П. П. Блонского стерлись из памяти.

Однако, по крайней мере один из сыновей Блонского избежал репрессий (возможно, тот самый, которого защитила Крупская), был жив и преподавал до войны в Московском педагогическом дефектологическом институте.

Нет, они не были любовниками. Между мамой и Блонским-младшим были светлые романтические чувства взаимной увлеченности, те самые, которые можно назвать прелюдией к серьезным отношениям.

Я думаю, что и Владимир не торопил отношения. После ареста от него ушла жена, он был разведен и, думаю, в любой момент ждал нового ареста.

Летом 1941 года Блонский-младший записался в Московское народное ополчение.

Прощаться он приходил к маме в общежитие, но она была на занятиях курсов военных медсестер. Когда вернулась, соседки по комнате сказали: «Блонский приходил...».

– Я побежала к нему домой. Но дверь уже никто не открыл...

Они не успели попрощаться.

Московское народное ополчение состояло в основном из интеллигенции, совершенно не умеющей воевать. Из двенадцати дивизий Московского народного ополчения, сформированных в июле 1941-го года, девять в полном составе полегли на смоленской земле, десятки тысяч были убиты и пропали без вести.

В начале 1941 года в московской больнице от туберкулеза (по другим данным, зимой 1942 года – в ледяной квартире в полном одиночестве) покинет этот мир и «советский Песталоцци» Павел Петрович Блонский. До 60-х годов его имя не упоминается в советской педагогической науке. Сегодня его труды переизданы и признаны во всем мире.

«Та листи тогочасної провладної інтелігенції...»

Осенью 1941 года в эвакуацию из Украины на Волгу – в Саратовскую область отправляется муж моей бабушки Веры Яковлевны Добрыни, агроном Владимир Лапинский. Вера Яковлевна, конечно же, едет с ним, а мама с приключениями добирается к ним из Москвы.

Два года в эвакуации, мама продолжает учиться на филологическом факультете Саратовского университета, но, как только Красная армия изгоняет фашистов с украинской земли, вся семья возвращается на Украину. Лапинский получает назначение в Сумы.

Будущая учительница, даже не успевшая толком окончить университет, в освобожденных Сумах нарасхват. Маму уговаривают поступить на работу в школу, где ей приходится преподавать: украинский язык, историю, географию, физику и (о, ужас!) даже черчение.

Удивительное совпадение – помните? – директор школы в селе Боровица Григорий Евменьевич Чигирик, мой дед, в разоренном Гражданской войной черкасском селе восстанавливал школу и также вынужден был преподавать сразу несколько дисциплин. Теперь его дочери выпадает та же миссия.

Вероника Добрыня, воспитанная в традиции открытости и доброжелательности к людям, привлекала внимание многих молодых ребят и мужчин. Но многие и быстро отсеивались, встретив в маленькой девушке строгий, можно сказать, железный казацкий характер, унаследованный от черкасских предков. Моего рассудительного отца столь противоречивые качества в одном характере красивой и умной девушки озадачивали и притягивали одновременно. Мама не сразу восприняла его всерьез, хотя, я так думаю, что понравился и он ей с первого взгляда. Папа был красавец! Я не раз спрашивала маму, почему она выбрала папу?

И первым словом, которое я слышала в ответ, было «надежный». Очень надежный, спокойный и интеллигентный человек, не говоря уже об общности и широте совместных интересов, взглядов на жизнь, которые на самом деле в браке являются главными.

Папа ухаживал за мамой терпеливо. Часто заходил к будущей теще «крутить папироски» из старых газет и махорки. Оба были заядлые курильщики. Бабушка Вера курила еще со времен Первой мировой. Мама и не заметила, как привыкла к тому, что каждый вечер у них дома – Леонид.

Сразу же после освобождения Западной Украины молодожены отправляются из Сум в Станислав (ныне – Ивано-Франковск). Теперь папа – собственный корреспондент «Правды Украины» по Станиславской (ныне – Ивано-Франковской) области. Здесь на свет появляется

мой брат Илья. А с 1946 по 1949 год папа работает заведующим отделом пропаганды газеты «Прикарпатская правда».

Уже 16 августа 1945 года в газете «Прикарпатская правда» был опубликован рассчитанный на 20 лет план послевоенного восстановления Станислава. Но город жил двойной жизнью. Днем – это был расцветающий под мирным небом областной центр с приветливыми жителями и уступчивыми, если поторговаться, «жіночками»-торговками на рынках. Они любезно называли маму «пани совітка».

А когда на город опускалась ночная тьма, начинались перестрелки. В Станиславе мои родители впервые услышали слова «Бандера»

и «бандеровцы». Город и область были опутаны сетью явочных квартир, бункеров, схронов с оружием и kryивок. 31 октября 1945 года на город совершила налёт группа УПА и захватила заложников. Одна из пуль пробила окно дома, где жили мои родители. Пулю мама нашла под детской кроваткой, в которой спал мой братик.

Вскоре был объявлен обмен населением между Польшей и СССР. Поляки Станислава были выселены в Ополе, а в Станислав переселились украинцы, ранее проживавшие в городе Крыница-Здруй.

Для мамы это было очень грустное событие, ибо с польской семьей – соседями по дому она сроднилась. Ведь приехали в Станислав работать, не имея ничего, с

одними чемоданами: ни посуды, ни мебели. Соседи-поляки встретили «совітку» радушно, помогали по хозяйству и поделились, чем могли. Видели, как семья питается, как одевается, какая квартирка, почти без мебели, и соседи, верующие-католики, ценили скромную жизнь моих родителей и добродетели семьи очень высоко.

*Леонид Петрович, Илюша
и Вероника Григорьевна Зеленины,
Станислав (1946)*

Папе часто приходилось выезжать в командировки, в села, ехать через Черный лес. Это урочище поблизости Ивано-Франковска, название которого позаимствовал прикарпатский батальон УПА.

Забавную заметку я недавно встретила в одном из местных СМИ под заголовком: «У Франківську показали газету «Прикарпатська правда» 1944 року»:

«Сьогодні в Івано-Франківську розпочався круглий стіл «Районна преса Івано-Франківщини». На ньому, окрім обговорення особливостей

*Заведуючий відделом газети
«Прикарпатська правда» Л. П. Зеленин
и главный редактор газеты Сербин
(конец 40-х гг. XX в.)*

работы друкованих видань та проблем журналістики, влаштували виставку прикарпатської преси. Найціннішим раритетом серед представлених газет була підшивка «Прикарпатської правди», датована 3 кварталом 1944 року.

Цю газету в нашому регіоні почала видавати радянська влада після того, як 27 липня 1944 р. Червона армія остаточно відвоювала місто Станіслав у німецьких військ.

Тодішня «Прикарпатська правда» пропагувала комуністичні ідеї, була наповнена цитатами Сталіна та оперативними зведеннями з фронту від радянського Інформбюро. Попри всю комуністичну риторичку, підшивка 1944 року є цікавою для вивчення – адже вона була видана понад 70 років тому, в ній є чимало фактів з тогочасної історії.

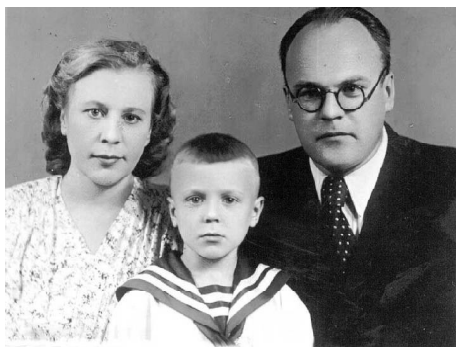
Серед рубрик можна помітити «Герої Карпат». В цих публікаціях друкувалися фотографії прикарпатських героїв Другої світової війни та давався короткий опис їхніх вчинків. Наприклад, на одній зі сторінок подано фотографію саперів, які знешкодили сто протипіхотних мін за один день. Також є сторінки «Партійне життя», «По Радянській країні», телеграми радянської верхівки. А ще в газеті публікувалися вірші та листи тогочасної провладної інтелігенції» (http://kurs.if.ua/news/u_frankivsku_pokazaly_gazetu_prykarpatska_prawda_1944_roku_23453.html).

Махачкала. Оттепель

Мои заметки в проект «Был такой город»

Есть замечательный проект «Был такой город Махачкала». Его уже не первый год ведут дагестанские журналистки Светлана Анохина и Полина Санаева. Они записывали воспоминания старых махачкалинцев и публиковали их в еженедельнике, в котором работали. И неделя за неделей получилось собрание человеческих историй, волнующих каждого, кто жил или живет в этом городе. А затем появилась книга, которую выпустил в свет дагестанский издательский дом «Эпоха» с фотографиями – старого города и портретами авторов и героев воспоминаний.

На газетные материалы цикла «Был такой город» я набрела в Сети, благодаря ностальгической привычке иногда просматривать современную дагестанскую прессу.

*Семья Зелениных: Вероника Григорьевна,
Леонид Петрович и Илюша.
Махачкала (1954)*

Ведь Дагестан – родина моя и моей журналистской юности. Проект продолжается, и Светлана Анохина предложила мне написать воспоминания. Что я сделала с удовольствием в память о моих замечательных родителях и брате. 17 января 2014 года они были опубликованы в дагестанской газете «Черновик»: <http://chernovik.net/content/respublika/byl-takoy-gorod-1>

Поскольку газетный формат ограничен, мои воспоминания при публикации в газете сократили. А в эту книгу я включаю авторский вариант воспоминаний, без сокращений...

На «гриновских» улочках

Мои родители приехали в столицу Дагестана – Махачкалу из Украины в 1954-м. Мой папа Леонид Петрович Зеленин только что

завершил учебу в Высшей партийной школе в Киеве. В ЦК КПСС ему дали направление в «Дагестанскую правду».

Первый наш дом в Махачкале стоит на Привокзальной площади. Мама называла его «портовским», потому что там жили работники Махачкалинского торгового порта, в том числе и главный инженер Осман Юсупович Омаров, выпускник знаменитой «корабелки» – Ленинградского кораблестроительного института. Его жена София Султановна – врач.

Махачкала, дом на Привокзальной площади (начало 60-х гг. XX в.)

Семья Омаровых – были наши соседи и лучшие друзья на всю оставшуюся жизнь.

Омаровы первыми купили телевизор, и мы с их дочерью Калимат по вечерам слушали дагестанские былины в исполнении историка-краеведа Булача Гаджиева. Мне было тогда пять лет, Калимат – шесть.

Осман Юсупович, прихлебывая чай, удивленно вскидывал бровь и спрашивал: «Девочки, это же не мультики, вы хоть что-нибудь понимаете?».

О, мы понимали! И еще как! Скромный учитель истории на маленьком черно-белом экране, говоривший, жестикулируя, с легким акцентом,

завораживал нас на целый час. И вот герой его исторических легенд – удивительный богатырь по имени Шамиль одним махом преодолевает глубокое ущелье, прыгнув со скалы на скалу.

«Истории и легенды Дагестана» в авторской передаче Булача Гаджиева были похожи на страшные сказки с богатырями и красавицами, сражениями не на жизнь, а на смерть, но всегда – со счастливым концом...

В четырехэтажном доме на кухне стояла печка, которую мама топила дровами, на каждом этаже по три квартиры и одна общая ванна на этаж.

Мыться любили ходить в «портовскую» баню за железнодорожными путями. Где-то рядом с баней, в закутке, был «портовский» же продуктовый магазин. Под ним на сыром зимнем ветру, злобно дувшем с моря, мы с мамой как-то простояли целый день в очереди за крупой. Родители называли это время «хрущевским продовольственным кризисом». Если кто-то сейчас рассмеется и скажет, что главному редактору «Дагестанской правды» достаточно было снять телефонную трубку и крупу привезли бы ему прямо в кабинет, значит, этот кто-то никогда не знал моего папу.

Мы сразу влюбились в Каспийское море – левая часть пляжа была огорожена и называлась «Детский пляж». Каждую весну сюда привозили свежий золотистый песок.

Обратно возвращались по улице Буйнакского, свернув сначала в рыбный магазин. До начала 60-х в магазине стоял огромный аквариум, а в нем плавали полусонные усатые сомы!

Улица Буйнакского – наш Бродвей. Написала так и подумала: а ведь точно! Все атрибуты Бродвея, представить который тогда можно было лишь по романам Драйзера, были в наличии.

Театры: Русский драматический, Кукольный, кинотеатр «Темп» (потом его переименовали в «Дружбу») с летней площадкой. Рядом в городском саду – летняя эстрада, где пели все гастролирующие советские знаменитости. Мы с мамой слушали там Эдиту Пьеху.

Здесь же – скромные заведения советского общепита, ближе к вокзалу – кафе «Мороженое» с летней верандой. И раздолье для шопинга на все возрасты и вкусы. «Детский мир» (на углу, у поворота к пляжу); «Ткани» (из купленных здесь штапеля и крепдешина мама шила себе и мне платья на каждый день и на выход); «Фиалка» (если

привозили рижскую парфюмерию, выстраивалась очередь); «Букинистическая книга» с узкой вертикальной витриной, где каждую неделю выставлялись «новые поступления».

Маленькая тесная конурка букиниста даже снится мне иногда. Там были куплены «Золотая цепь» и «Бегущая по волнам» Александра Грина.

Да и сам «старый город», с просоленной близким морем бывшей Миллионной улицей, с темными подворотнями и свежевывмытыми по утрам каменными крылечками, под плеск седых каспийских волн представлялся мне гриновским Зурбаганом.

*Русский драматический театр имени Горького, Махачкала
(конец 50-х гг. XX в.)*

Театрально-литературный дивертисмент

Папа с мамой ходили в Русский драматический театр имени Горького. На премьерах был аншлаги. Начальство присутствовало обязательно: партийные функционеры, руководители республиканских

ведомств и предприятий с нарядными женами чинно кивали друг другу, прогуливаясь в антракте.

Театром руководил народный артист ДАССР Исай Михайлович Сапожников. Мастер, воспитанный на традициях МХАТ, ученик Е. Вахтангова и В. Мейерхольда. Его «булгаковская Маргарита», супруга и муза – народная артистка ДАССР Раиса Мироновна Кулик-Терновская.

Исай Михайлович и Раиса Мироновна организовали театральную студию, в которую принимали всех желающих, независимо от наличия артистического дарования. И каждый студиец мог подышать волшебным воздухом театрального закулисья, поучаствовать в читке пьесы, попробовать себя в лицедейских упражнениях, мизансценах и даже сыграть в студийном спектакле.

По знакомому с детства запаху старого реквизита я узнаю Театр с большой буквы в любой стране и в любом городе.

В городском саду на прогулке можно было встретить молодого поэта Расула Гамзатова, будущего лауреата Ленинской премии. Первые его стихи и поэмы в русских переводах стали появляться в «Дагестанской правде». Папа открыл в газете ежемесячную «Литературную страницу», где печатались отрывки из повестей, рассказы и стихи всех тех, кого мы сегодня называем классиками дагестанской литературы.

Потом на память об этом и в честь папиного 50-летнего юбилея Расул Гамзатович подарит папе антикварный аварский кинжал XIX века: рукоять из

*На строительстве Чиркейской ГЭС
Л. П. Зеленин (второй справа)
с болгарским коллегой Христо
Поляновым и специалистами (1970)*

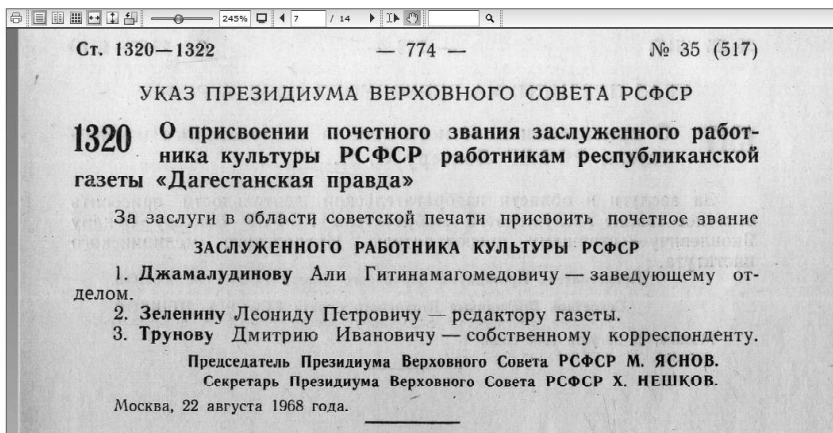
слоновой кости, а ножны инкрустированы золотом и серебром работы кубачинских мастеров.

В городе газету называли «Дагестанкой», чтобы отличать от центральной «Правды». Фельетоны в «Дагестанке» писал отставной офицер спецслужб и член Союза писателей Виталий Горбач. Он же – автор (наверное, первых в истории литературного Дагестана) детективных и «шпионских» романов. Загадочная личность, бывший контрразведчик и первоклассный рассказчик. Когда на экраны вышел приключенческий сериал «Операция «Трест» о фантастической по нынешним меркам операции ОГПУ против террориста Бориса Савенкова и британского разведчика Сиднея Рейли, Виталий Федорович рассказал, что на одном из этапов, еще совсем юнцом, участвовал в ней.

Еще один любимый читателями тех лет газетный жанр, тихо вымерший в наше динамичное время, – художественный очерк. Талантливый выпускник Литературного института, писатель Вацлав Михальский (будущий лауреат Государственной премии России 2002 года за роман о судьбах русской эмиграции первой волны «Весна в Карфагене») написал для «Дагестанки» цикл очерков о людях «Чиркей-ГЭСстроя».

Ведомости Верховного Совета РСФСР

Добавить закладку на страницу

Скан-копия Указа о награждении Леонида Петровича Зеленина почетным званием Заслуженного работника культуры РСФСР.

Это было искреннее и относительно раскрепощенное время, овеванное «оттепелью». У партийной газеты появилось «человеческое» лицо, и тираж ее стал расти вне зависимости от обкомовской «разнарядки» на подписку. За заслуги в области советской печати почетные звания заслуженных работников культуры РСФСР в 1968 году были присвоены трем сотрудникам газеты, включая моего папу.

Среди живых классиков

Ура! Мы едем в новую квартиру на Гаджиева, 3. Это Дом писателей из теплого желтого дербентского камня. Наш новый дом полон знаменитостей и живых классиков дагестанской литературы. Едва успев перевезти шкаф, стол, стулья и ковры, каждый сосед считал своим долгом познакомиться с ближним.

Первой на нашем пороге появилась тетя Хажар – жена кумыкского писателя и переводчика Аткай Аджаматова, протягивая на блюде свежеспеченные лепешки с начинкой – чуду. Сам Аткай – мгновенно и непременно партнер моего отца по шахматным баталиям. За шахматами обсуждаются литературные новинки, опубликованные в «Новом мире» и «Дружбе народов»

Над нами поселился писатель и ученый Абачара Гусейнаев с большой семьей. Его дочери – мне ровесницы и подружки.

В первое же лето после новоселья поэт Мирза Магомедов посадил под своим окном первого этажа виноградную лозу. И она росла и плодоносила после его трагического ухода из жизни еще лет сорок, поднявшись на пятый этаж – до самого балкона Гусейнаевых.

Помню очень древнего старика с длинной белоснежной бородой – это дедушка Казияу Али. Народный поэт Дагестана, бывший красный партизан. Выходя во двор, он одаривал каждого из детей то конфетой, то яблоком и что-то ласково говорил на кумыкском языке.

С нашего балкона на четвертом этаже, я наблюдаю, как поэт Юсуп Хаппалаев двумя этажами ниже играет с кем-нибудь из друзей в шешбеш. Еще дядя Юсуп рано утром уходил с удочкой на рыбалку, а потом на его балконе гордо вывешивались сушиться на солнышко «тарашка» и бычки. Его жена – добрейшая Шамсият Абдурахмановна преподавала у нас в школе физику.

На третьем этаже – квартира народной поэтессы Дагестана Фазу Алиевой. Как же вкусны были медовая халва и урбеч, приготовленные руками ее старенькой мамы! Во время уразы-байрама бабушка Апи славила Бога и обязательно одаривала гостинцами всех соседей.

Советские праздники часто отмечали у нас. Приходили друзья семьи: Омаровы, Виталий Горбач с женой Ниной, Фазу Алиева и ее муж – писатель Муса Магомедов, писатели Ахмедхан Абу-Бакар с женой Фатимой, Хизгил Авшалумов с женой Ершо Асаиловой, которую все называли на русский лад – Таней. Народные писатели Дагестана – украшение советской многонациональной литературы.

Было интересно и весело. Фазу Гамзатовна произносила тосты как маленькие романы:

*Гляжу на пламенный июль, на снеговой январь,
Как первоклассница глядит в раскрашенный букварь.
А как я счастлива стоять в толпе учеников
У лермонтовских родников, у тютчевских стихов!
И если чудится порой, что вечность впереди,
И если вечно молодой огонь в моей груди,
То это, верно, потому, что миру нет границ,
Что буду в нем я лишь одной из вечных учениц...*

Виталий Горбач рассказывал неизвестные подробности о гибели комдива Котовского (лишь спустя 30 лет факты, поведенные им тогда по памяти, были извлечены из секретных архивов и опубликованы). Хизгил Давидович смешил всех байками о дербентском варианте «Моллы Насреддина» – Шими Дербенди. А Абу-Бакар делился подробностями со съёмочной площадки фильма «Адам и Хева».

Из Кисловодска приезжала Мариам Ибрагимова. Удивительная женщина, красавица, врач, написавшая уникальный роман «Имам Шамиль», исторической глубине и документальной основе которого могли бы позавидовать многие историки. Об этом говорилось намеками, но я так понимаю, что доступ к уникальным материалам «спецхрана» ей негласно открыл кто-то из влиятельных высокопоставленных друзей, которые знали ее с детства. Но роман, казалось, навечно был приговорен лежать «под сукном». Друзья читали его в рукописи. Книга увидела свет только во время перестройки.

А вот и первый и единственный личный автомобиль, с фурором прикативший в наш двор! Белая «Волга». Ее купила народная артистка СССР Барият Мурадова. Для машины был сооружен гараж, на крышу которого мы вскарабкивались по горбатой кладке старого забора Лорийских казарм. У юной части обитателей двора считалось особой доблестью прыгнуть с высоты крыши этого гаража на широкое железное покрытие пожарного водоема. Высота для малолетних «сорвиголов» изрядная, под два метра. Кто боялся прыгать, чтобы не сломать ноги, – того не принимали играть в «казаки-разбойники».

На месте нынешнего парка (между площадью и вторым рынком) стояла воинская часть, размещавшаяся в тех самых, еще дореволюционных Лорийских казармах. Перед отбоем солдаты маршировали на плацу и громко пели: «Не пла-А-А-Ачь, девчо-0-0-нка!».

«Солдафоны» и не подозревали, что своим нестройным ором сбивают с лирического настроения выдающихся обитателей Дома писателей...

Иллюзия и дорога

И по сей день, куда бы ты ни пошел в Махачкале, пойдешь мимо нашего Дома писателей по улице Гаджиева, 3.

В жизни, которую я помню по своему детству, мирообразующим началом было общение. Мы жили в городе, где интеллигенция постоянно перетекала друг к другу. Все интересовались всеми. Тебя кто-то приводил в гости к кому-то, а кто-то постоянно приводил новых интересных людей к тебе. Это была живая духовная аура. И вот эта духовная, интеллектуальная атмосфера, может быть, самое ценное, что было. Потому что больше это уже никогда не повторилось. Ни в одном другом городе, на всем оставшемся мне веку...

*Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы...*

Елена и Илья Зеленины (1969)

армии) с разных факультетов, естественно-научных и технических. Их модные подружки с иныза в коротеньких юбочках, на тоненьких каблучках, озорные глазки обведены «стрелками» и сверкают под густыми челками.

Мама жарит картошку на всю ораву. На письменном столе валяются пробки из-под геджухского вина.

Стихотворение Иосифа Бродского «Пилигримы» Илья напел под гитару на рубеже 70-х. И еще поэму Вознесенского «Ave Oza».

Бродский по тем временам – запрещенный автор. Но ведь никто не выдал! Хотя одна половина веселой и находчивой Махачкалы конца 60-х – начала 70-х годов побывала у нас дома, включая даже секретаря горкома комсомола, а вторая половина – слушала катушечную магнитофонную запись, которая передавалась из рук в руки.

Очень точно о стихотворении «Пилигримы» написал русский писатель Егор Холмогоров: «Безудержная, напористая, немного высокомерная версифицирующая романтика: «Глаза их полны заката, сердца их полны рассвета». Продолжая писать так, Бродский мог бы попасть на вечер поэзии, показанный Хуциевым в «Заставе Ильича». Это, право же, было не хуже, чем «комиссары в пыльных шлемах».

Сценарии выступлений самой первой команды КВН Дагестанского университета сочинялись тут же. Все интермедии, вопросы-ответы на разминках, домашние задания придумывались, обсуждались с криками озарения, спорами и дружным хохотом.

Вот друг неразлучный – капитан команды Виктор Швачко, обаятельный, чуть застенчивый эрудит. Шурик из «Кавказской пленницы» в исполнении Александра Демьяненко – его копия.

Под гитарные переливы звучит песня на стихотворение Иосифа Бродского «Пилигримы». В комнате старшего брата Илья яблоку негде упасть. По вечерам здесь собирается «продвинутая» университетская молодежь.

Зеленые юнцы и парни постарше (учатся после

Вот еще имена из этой славной компании: Джабраил Омаров (Жорик), Александр Мелентьев, Александр Александровский, Лев Овдин, Юрий Бычихин, Надежда Абрамова, Эльвина Рысина (Ляля), Евгений Колобов, Владимир Джетере.

Каким же удовольствием было их всех передразнивать! В отместку Борька Костров – по прозвищу Босс однажды посадил меня на шкаф. Валерий Махарадзе – по возрасту самый старший в команде. Он говорит хрипловатым басом, а на свадьбе Ильи с Людой Спицыной так грянул Высоцкого «Парус! Порвали парус!», что дрогнули даже мощные стены Дома писателей. Никто и подумать тогда не мог, что Валерка Махарадзе – Валерий Антонович станет вице-премьером в правительстве Гайдара при президенте Б. Н. Ельцине. Иных уж нет, другие странствуют далече – по разным городами всея планеты.

Мой брат Илья Леонидович Зеленин (1945–2001) защитит кандидатскую диссертацию в Ленинградском электротехническом институте, станет деканом приборостроительного факультета Дагестанского политехнического университета.

Тема его диссертации была засекреченной, так как была связана с космическими и оборонными технологиями. Я знаю лишь то, что сверхчувствительными электронными приборами, сконструированными с его участием, были оснащены советские спутники «Венера-9» и «Венера-10».

И могу уверенно предполагать, что без его разработок не обошелся и так называемый «асимметричный ответ» СССР на американскую программу «звездных войн» – Стратегической оборонной инициативы (СОИ).

Не все помнят, что «асимметричный ответ» – термин, впервые применённый Михаилом Горбачёвым как раз после оглашения Соединёнными Штатами своей программы «звездных войн».

И если наш дед Григорий Евменьевич Чигирик, награжденный георгиевской саблей с надписью «За храбрость», на поле боя пользовался обычным стрелковым и даже холодным оружием, на долю его внука выпали высокие технологии: способы радиотехнической разведки для защиты от высокоточного оружия и для контроля над воздушным пространством противника.

Сегодня его вдова Людмила Яковлевна Зеленина (Спицына) живет

в Москве, бывшая завуч в школе и инспектор-методист Министерства образования Республики Дагестан, а ныне – пенсионерка, пошла работать смотрителем в Государственный исторический музей (Москва).

Там она подружилась с коллегой, которая ранее была заведующей отделом Государственной научно-технической библиотеки России. В ее отделе хранились тексты «закрытых» диссертаций и научные статьи по технологиям так называемого «двойного назначения». В том числе диссертация, монография и учебник, написанные моим братом.

Так вот, узнав от моей невестки, что ее покойный муж – ученый, она воскликнула:

– Зеленин Илья Леонидович!!! Как же, как же! Его книги часто спрашивают...

Прошло 15 лет после преждевременной смерти Ильи, а то, что создал мой брат, до сих пор не устарело!

И я прихожу к выводу: МЫ – ЕСТЬ ТО, ЧТО МЫ СОЗДАЕМ.

...Когда я думаю о превратностях судьбы моих предков, я невольно сравниваю их жизнь с горной рекой. Вот она течет, то быстро, перескакивая с камня на камень, то спокойно разливаясь в долинах, то обрушиваясь водопадом, ускоряя свой бег. Но бывают обстоятельства, которые никак не зависят от нас, когда нашу биографию и наше будущее меняют силы, нам не подвластные. Как камнепад в горах, который перекрывает русла рек. Но каждый раз река находит силы нести свои воды дальше, к новым берегам...

Никому не дано знать, что ждет его впереди, одно лишь минувшее – постоянно, одна лишь память остается с нами, пока мы живы.

И, мне кажется, только теперь, когда наступило время невыносимой неопределенности, я понимаю, о чем пел мой брат, когда исполнял под гитару песню на стихи Бродского:

*И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
И, значит, остались только
иллюзия и дорога...*

Леонид Зеленин. Письма к дочери

*Зеленин Леонид Петрович, главный редактор «Дагестанской правды»
(60-е гг. XX в.)*

Эти письма мой папа Леонид Петрович Зеленин (1917–1993) писал мне, когда я училась на 1–2 курсах факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова и, спустя несколько лет, когда я уже приехала в Харьков и стала работать в газете “Красное знамя”. Разумеется, это не все папины письма. Но, как хорошо, что тогда, в молодости, я сохранила некоторые из них, потому что эти письма – чудесные свидетельства и родительской любви, и образцы того, как следует общаться отцам и взрослым детям. А сейчас я вижу, что эти письма – исторические примеры теории и практики советской журналистики, в них – особенности эпохи, 70-х годов минувшего века. Той эпохи, время которой ушло безвозвратно, лучших ее помыслов с романтическим вниманием к человеку и гуманитарным ценностям.

Итак, в первом письме мы обсуждаем учебник незабвенного российского социолога и филолога, создателя советской, а затем и современной российской теорий журналистики Евгения Павловича Прохорова “Введение в журналистику” (1976 года издания). Звучит эпистолярный голос моего папы...

Родная!

Если ученый пишет: «... необходимыми признаками сообщения, действительно несущего информацию, являются качества декодируемости, небанальности и релевантности». С другой стороны, «сообщение, несущее информацию, в тех или иных пропорциях содержит четыре группы элементов – дескриптивные, волюативные, прескрептивные, нормативные», – повторяю, если ученый пишет именно так, то я убежден, что это следствие разлада у него мировоззрения с мироощущением.

Поясняю: наука должна вырастать из практики, из новых потребностей практики. Если у ученого мироощущение в газетной практике равно нулю, то мы имеем дело с чистой схоластикой.

Любому жанру можно давать архинаучные определения, но даже без «архи» – просто научные, но уровень и качество информации, репортажа, отчета, зарисовки, интервью, фельетона, статьи и, наконец, очерка, будут целиком зависеть от навыков и способностей газетчика, его умения работать над словом. И никакая «валюативность» и прочая чертовщина «релевантности» ему не помогут. Вот так, дорогая дочка. Я скорее съем свою капроновую шляпу, чем поверю во всю эту абракадабру.

Но раз в МГУ информацию пытаются превратить в науку, то ее надо изучать, хотя бы для того, чтобы сдать экзамен на приличную оценку, а затем выбросить все из головы.

Если информация не отвечает на вопросы (где, что, кто, когда, зачем), это уже неполноценная информация.

Советская журналистика накопила огромный опыт в информации (если рассматривать ее как жанр). Этот опыт можно обобщить, подразделить на виды, группы, категории, классы, определить взаимосвязь между ними, наконец, даже выработать методологию. Такой опыт достоин изучения и обобщения. Ну, Бог с ними, с учеными!

Жизнь в институте ставит студента перед нравственным выбором

во всех сферах его существования – и в учебной, и в общественной, и в личной жизни.

Становление коллектива, группы только началось, всякое еще будет, тем более, что люди собрались, как говорится, от южных гор до северных морей. Но в любом случае всегда надо оставаться товарищами.

Сейчас в Москве уже холодновато, мы выслали тебе посылку с пальто и некоторыми теплыми вещами, послали 70 руб. денег, получила ли ты все это?

Напиши, как у вас распределяется почта, далеко ли почтовое отделение. Получила ли книги? Они должны быть у Анны, в том числе книга Фазу «Дагестанские тосты» с автографом Голякову (*Голяков Сергей Михайлович – знакомый журналист, на тот момент – заместитель главного редактора журнала «Новое время», – Е. З.*).

Напиши, по каким числам у вас будут выдавать стипендию.

Пиши обо всем «релевантно».

Целую, твой шеф-папа.

20 сентября 1976 г.

Родная!

Случаются в жизни периоды (я не говорю, события), которые имеют особый смысл. Такой период наступает у тебя в связи с практикой. Если отбросить чисто тщеславные и самолюбивые соображения (оправдаю ли я чьи-то или собственные надежды), сейчас все дело в практике. Наступает момент, когда знания должны превращаться в практику, оживляться и исправляться практикой. Этот процесс естественный для студента.

Конечно, лучше всего проверять знания практикой в

287

Л. П. Зеленин с дочкой Леночкой (1965)

той газете, которая имеет лучшие партийные традиции в нашей печати. Тебе повезло, что дают возможность выбора издания для практики. Я бы советовал тебе идти на практику в «Правду». Бояться нечего, ты – студентка, даже если ни строчки не напечатаешь – не беда, зато почувствуешь пульс старейшего издания.

В «Известия» идти не следует. В этом году я даже не выписал ее и потерял к ней интерес, даже чисто читательский. А если говорить о профессиональном интересе, то газета странным образом делает шаги назад. Я не знаю, чем это объяснить, может быть, «сменой кабинета» – там год назад появился новый редактор и, наверное, новый ответсекретарь. Иначе чем объяснить, что газета внешне стала серой и в постановке проблем сплошной стандарт? Чего нельзя сказать о «Правде», которая все время ищет «максимум истины», даже в самом простом факте ищет общественное звучание, особенно это умеет делать Новоплянский (*Давид Новоплянский – специальный корреспондент «Правды», фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны, коллеги называли его «великим журналистом», – Е. З.*).

Огромное значение будет иметь, к кому ты попадешь, кто будет твоим шефом и наставником (это имеет значение в любой газете). От этого будет зависеть коэффициент полезного действия практики. Из своего опыта я знаю, что если Абрамов, Коликов учили студентов, то Вахман их просто «эксплуатировал», использовал их «подсобниками» (*речь идет об известных журналистах газеты «Дагестанская правда» 60-х гг. прошлого века, – Е. З.*).

Надо попасть к такому человеку, который почувствовал бы твои потенциальные возможности, а они у тебя есть. Ленин как-то говорил, что статью напишет лучше тот, кто больше революционер. Если это перевести на современный язык, то будет означать, кто с партийных позиций лучше разберется в проблеме, в вопросе; кто лучше почувствует дух времени; кто лучше покажет человека в сочетании с его духовной и трудовой деятельностью, кто технологию производства рассматривает не как самоцель, а как результат деятельности разума человека. В наши дни это и есть революционность журналиста, все показывать через противоречия и неизбежность победы нового.

Я звонил в Ростов Марлену (*Марлен Сергеевич Крюков – друг семьи, корреспондент «Правды» по Ростовской области, – Е. З.*) – он уже

работает, но у него что-то случилось с телефоном: я его слышал, а он меня – нет. И у нас произошел такой разговор:

– Ты меня слышишь, а я тебя нет. Давай встретимся завтра, а, если хочешь, приходи сегодня. Телефон действует односторонне.

На этой фразе я положил трубку на рычаг. Но на днях я с ним свяжусь, какой отдел он посоветует для практики. Конечно, хорошо будет, если ты придешь в редакцию и положишь на стол свой «опус». Об этом следует подумать. Я тоже поковыряюсь в темах, кое-что подберу, а приедешь на зимние каникулы – напишешь материал.

Таким образом, «Правда» в творческом плане, мне кажется, тебе принесет больше «чистой прибыли», чем любая другая газета. Если такая возможность представится, надо воспользоваться ею. Надо идти туда с мыслью и любопытством, что тебя все интересует, что все для тебя – «белый лист», что ты не собираешься сразу хватать с неба звезды, претендуешь только на хорошую практику. А для студентки второго курса – это самое естественное самочувствие. Итак, без страха и сомнения – в атаку! На разведку! На поиск! Танька (внучка) отняла ручку.

Осенью наш комитет (*Дагестанский государственный телерадиокомитет*, – Е. З.) принял на работу трех выпускников МГУ с исторического факультета – чету Рязановых и Наримана из Курахского района. Сергей Рязанов работает у нас в промышленной редакции, а его жена и Нариман – на телевидении. Конечно, Сергею трудно, историк по образованию, знает английский и французский языки, вынужден заниматься вопросами сельского строительства, о которых он раньше не имел ни малейшего представления. Сейчас постепенно начал различать управления от трестов, ПМК от участков. Главное, пишет хоть грамотно. Приехал он в Махачкалу с женой, у которой предки (фамилия вроде Кронштенц) живут давно в Махачкале.

Практика в «Правде» будет иметь для тебя еще один немаловажный аспект личного порядка – положительный оттенок для вступления на третьем или четвертом курсах в партию. Ну, это так – для цели, для перспективы.

Пиши.

Целую, твой шеф-папа

Мама целует и остальные передают привет. Что тебе послать?

20 ноября 1977 г.

Репортаж, опубликованный в газете «Правда», автор — студентка 2-го курса факультета журналистики МГУ Елена Зеленина

Родная!
 «Солдаты свободы» (киноэпопея из четырёх полнометражных фильмов о Великой Отечественной войне, снятая совместно несколькими странами, режиссёра Юрия Озерова. Продолжение киноэпопеи «Освобождение», — Е.З.) я не смотрел, поэтому ничего сказать не могу. Такой фильм ставить, даже коллективно, очень трудно. Плакатности здесь не избежать и, наверное, фильм так и надо воспринимать. А что касается, для кого он сделан — «для правительства» или «для народа», то такой домysel полпахивает снобизмом, высокомерным пренебрежением уже к одному названию фильма. Со стороны тех, кто так думает, может быть, это просто задиристость, склонность к эффектной фразе, по молодости, убеждений-то своих еще маловато. Писарев в статье

Генрих Гейне писал: «Готовых убеждений нельзя ни выпросить у добрых знакомых, ни купить в книжной лавке. Их надо выработать процессом собственного мышления, которое непременно должно совершаться самостоятельно в вашей собственной голове».

Насчет отдела информации. Я придерживаюсь той точки зрения, что информация во всем многообразии жанров (интервью, репортаж, беседа, собственно информация вместе с хроникой, маленькая рецензия, типа «книжные новинки» и т.д.) ни одному, самому опытному журналисту, не противопоказана. На этом он оттачивает свою оперативность, наблюдательность, точность формулировок, умение видеть за фактом явление.

Может быть, я слишком широко смотрю на это, но мой собственный опыт убеждает меня в этом.

На днях я прочитал в «Правде» статью Ученовой «Грани народо-властия» (*Виктория Васильевна Ученова – доктор филологических наук, профессор факультета журналистики МГУ, – Е. 3.*). В целом полезная, добротная статья, написана со знанием дела. Но меня больше заинтересовал ее рассказ о том, как алтайские журналисты опробовали новую систему планирования – вариант сетевого графика. Термин «сетевой график» позаимствован у строителей. Но дело не в этом. Автор преподносит это, как некую новинку, открытую алтайскими журналистами. Но благими намерениями вымощена дорога в ад. В 60-х годах (примерно 63–64 гг.) я с ответственным секретарем Абрамовым провел эксперимент с недельным и месячным планированием. От алтайской системы оно отличалось тем, что мы не требовали указывать жанры сдаваемых материалов. Отделы определяли жанры сами, в процессе подготовки материалов. На основе месячных планов составлялись недельные, уже более точные, ведь жизнь продолжалась, она вносила коррективы.

Были противники среди тех, кто хотел спокойной жизни и плыть по течению и вдохновению, которое, кстати, может посетить, а может – нет.

Чего мы добились таким планированием? Большей целеустремленности и боевитости газеты. В секретариате появился «толстый портфель», обнаружилась возможность макетировать и верстать две внутренние страницы на 2–3 дня вперед. Внешние страницы (1 и 4) ввиду их

особой оперативности верстали в день выхода газеты. Теперь полиграфисты не жаловались на нас, а мы на них. Традиционная перепалка приутихла, так как был заново отработан весь технологический процесс. Газета стала выходить точно по графику и даже раньше. Преимущество такого планирования еще и в том, что в секретариате был всегда солидный запас материалов, из которых можно отбирать лучшее и делать газету интереснее.

Конечно, приходилось иногда и переверстывать какую-то из внутренних полос, но это уже были мелочи.

В такой обстановке появилось настоящее, а не формальное соревнование между отделами. Каждый стремился попасть на полосу, а не «отлеживаться» в портфеле секретариата.

Все это сейчас предано забвению, осталась только верстка запасных полос.

Конечно, со сменой поколений иногда хорошее уходит бесследно. Те, кто моложе, думают, что они делают лучше, чем их предшественники. В общем, это правильно. Но потом с годами вдруг обнаруживаешь (как в случае с алтайцами), что старое кто-то заново открывает и, подняв голову, заявляет – вот мы сделали открытие, следуйте за нами.

Рад, что твои «Страницы памяти» получили одобрение на кафедре. Напиши, как все это было. Смотри, чтобы головокружения в голове не было, чтобы не упала в волны тщеславной пены – это страшное дело. «Кадеты» (*редакция газеты «Комсомолец Дагестана, – Е.З.»*) не дали твоего материала (*что за материал – не помню, – Е.З.*). Я спрашивать не стал, слишком много чести. «Кадетские девки» поступают просто непорядочно. Ну, бог с ними, с этим еще не раз встретишься в жизни. Ты сидишь на своем коне, теперь – крепко держись в седле и погоняй своего «пегаса». А дороги будут разные – тропинки и проселочные, но все они выводят на магистральные трассы.

Сохранился ли у тебя «кадетский» черновик? Над материалом еще можно подумать. Следует поразмыслить и над командировкой редакции журнала «Молодой коммунист». Кстати, какое тут соотношение: кафедра и «Молодой коммунист»? Мне это не ясно. Куда послать, какие у них требования, так сказать, ГОСТы, в какой постановке темы?

В начале января Осман Юсупович (*Омаров – многолетний друг семьи, – Е. З.*) поедет в Москву, выхлопотал себе путевку на ВДНХ.

Что тебе передать с ним? Ну, мама что-нибудь сообразит. Как идут твои зачеты, сколько и чего надо сдавать?

Пельту (*Владимир Данилович Пельт – профессор факультета журналистики МГУ, в конце 40-х гг. они с моим папой вместе работали на Юге Украины, – Е. З.*) послал новогодние поздравления.

Целую, твой шеф-папа.

23 декабря 1977 г.

Родная!

Ты совершенно права: пропаганда не исключает проблемности, а проблемность – пропаганды. Пропаганда в печати никогда себя не изживет – потому что это – функция и сама сущность печати. Проблемная статья – это также одна из разновидностей жанра пропагандистской статьи – дело лишь в том, кто на каком уровне и как пишет. И главное – с каких позиций.

Уровень публицистичности в том и другом случае присутствует обязательно. Ибо публицистичность – это не просто изложение фактов (будь это проблемная или пропагандистская статья), а, прежде всего, жизненная позиция автора.

Нельзя противопоставлять проблему и пропаганду в журналистике. Недавно я прочитал в «Правде» (от 7 февраля) статью Виля Липатова «Все мы, все – незаменимые» под рубрикой «Время, люди, мораль». Он развенчивает расхожую теорию: мол, нет незаменимых людей. Статья публицистична своей полемичностью и принципиальной позицией автора и проблемна своей постановкой вопроса об отношении к человеку. Прочитай эту статью.

Будущее журналистики за публицистикой, а в каком жанре она будет выражена – в проблемной, пропагандистской статье, очерке или полемическом интервью, боевом репортаже или в письмах-раздумьях – уже другое дело. Движение идет к тому, что беспроблемные очерк или статья будут вообще немислимы. Всегда будет присутствовать человеческая или, если тебе угодно, нравственная тема.

Рубрики в «МК» (*журнал ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунист», – Е. З.*) – не новы. Только в «МК» они являются целью журнала, основными.

Возьмем, к примеру, «Человек и производство». Изображение

*Елена Зеленина,
студентка МГУ (1977)*

человека в производственном коллективе не может быть сведено к показу производственного процесса, приправленного для «оживляжа» сценами личной жизни. С другой стороны, за любым производственным конфликтом и процессом стоит человек со своими взглядами на жизнь и этическими нормами поведения, поступками, наконец, со своим характером, своей нравственностью, которая, однако, не стоит особняком сама по себе, а вытекает из соучастия человека в коллективном, общественном труде.

Для иллюстрации этой мысли советую прочитать статью «Мера нормы – рабочая честь» в газете «Комсомольская правда» 3 февраля. На письмо рабочего-литейщика, который считает легендой, чтобы рабочий просил повысить ему нормы, отвечает токарь другого завода и приводит пример из своей практики, когда он сам попросил повысить ему норму. Чисто производственный вопрос сразу же вылился в нравственный.

Такова уж диалектика жизни. Человек в коллективе и коллектив в человеке. Эта взаимосвязь вечна. Газеты часто «мудрствуют» на тему «Человек в коллективе» и забывают, что коллектив воздействует тысячами нитей и на самого человека – зримо и незримо. Вот тут и вырисовывается тема: портрет коллектива. Очень непросты сегодня люди. И как они – разноликие – абсолютно вписываются в коллектив и как каждый из них – маленький и подчас незаметный – проявляется как личность в труде, в производственном процессе, в отношениях с товарищем.

Как проявляется личность в труде? У каждого по-разному и часто – не без конфликтов. Уметь увидеть все это – половина успеха для газетчика. Дается это не сразу и не слету. Путь к этому лежит через наше обычное «стрелковое оружие» – корреспонденцию, зарисовку, информацию, статью, интервью, то есть все то, что нужно ежедневно в «бою» применять оперативно, иногда прямо в номер – на полосу, и, чтобы «стреляло» оно в цель.

Кстати, к портрету коллектива. Вот факт с завода имени Гаджиева.

В прошлом году квалификацию повысили 411 человек, в том числе на производственно-технических курсах – 110, на курсах обучения двум профессиям – 16 и курсах целевого назначения – 43, в школах передовых методов труда – 82 и в экономических школах – 160. Новым профессиям обучено 326 человек. Более 200 человек занимаются в высших и средних специальных учебных заведениях, 140 – в школах рабочей молодежи, около 100 человек занимаются в 9–10 классах при заводском учебно-консультативном пункте. Это всего лишь цифры. Весь завод учится. Откуда такая тяга к знаниям? Какие мотивы двигают людьми? В чем здесь нравственный импульс? Легче всего сказать: так, без знаний и «ни туда, и ни сюда». Нравственное начало, видимо, заложено в труде – импульс к знаниям, к совершенствованию мастерства идет оттуда. Конкретно: в условиях НТР (*научно-технической революции* – Е. З.) – это проблема преодоления различий между умственным и физическим трудом.

Цифры, которые я тебе привел, это лишь внешнее выражение этой проблемы, а как все это влияет на развитие личности рабочего? Иногда в конфликтах и противоречиях очеркист обязан показать. Это и будет человеческая сторона в производственной тематике. К этому следует добавить: если писать портрет молодого рабочего, вовсе не обязательно, чтобы он был выдающимся ударником или общественником. Но какой он – этот рабочий? Какие положительные тенденции в противоборстве с отрицательными определяют его движение вперед – разве это не интересно? Будь он рабочий, колхозник или служащий. Все это очень трудно. Не каждый способный литератор охотно берется за такие очерки о молодых. Даются такие темы только в результате глубоких исследований жизни. А пока... Пока надо внимательно слушать своих героев и пытаться понять строй их мысли, движение характера, поступков и находить средства для выражения.

Но обязательно в центре должен возвышаться человек в его социальной и нравственно-психологической сущности. А это требует умения находить общее в единичном, типическое в конкретном человеке, отделять существенное от шелухи в его характере, поступках, так, чтобы герой оставался «простым смертным», которого читатель воспримет как идущего рядом с ним, то есть улыбнется и скажет: таких людей я знаю!

Я затрудняюсь показать тебе это на примере, поэтому советую прочитать в «Знамени» № 6 за 1973 год очерк Анатолия Злобина «Послесловия к портрету». И то, что я тебе здесь толкую так многословно, тебе сразу все станет ясно. Достань тот номер журнала в библиотеке.

Я бы советовал тебе сначала написать штрихами маленькие, но поучительные истории из жизни без претензии на большие философские обобщения. Такие «мазки» могут быть очень яркими и для читателя интересными. Я понимаю их как эскизы к хорошему портрету. Взять, например тему «Первый коллектив» и показать, что жизнь молодого рабочего не обманула, он действительно попал в хороший коллектив, который дал ему все. Он послужил в армии и вернулся в свой коллектив, потому что он дорог ему.

Тематика, направленность статьи или очерка должна определяться теми задачами, которые сегодня решает народ. На 1978 год – это письмо о соревновании, где сконцентрировано все, что нам предстоит делать. Появятся какие мысли – подкину быстро. Письмо получилось скучное, но что поделаешь...

Пиши.

Целую, твой шеф-папа.

(Дата не указана, но можно определить, что это февраль 1978 г.)

P.S. Поздравь Фазу (*Фазу Гамзатовна Алиева – народная поэтесса Дагестана – Е. З.*), она получила премию Министерства обороны.

Родная!

Никакой паники, разочарований! Слышишь! Твой Карлсон (*шутовское прозвище, данное мною Николаю Ивановичу Петрову заведующему отделом информации газеты «Правда», – Е. З.*) – самоуверенный сноб и его язык плетет авансом в адрес молодых все, что положено плести опытному. Я тоже говорил студентам: ходите в театр, читайте Флобера, Джером Джерома, Тургенева, Стендаля – великих стилистов. Студенты-практиканты таращили на меня глаза. Что ж, такова логика взаимоотношений старых и молодых. Ну, а насчет стихов – это уже из области газетных хохм. Скорее наоборот, кто в молодости писал стихи, из того не получится газетчика. За исключением особых случаев. То, что ты в 21 год не написала еще повести –

это тоже хорошо. Быть хорошим журналистом – лучше, чем серым писателем, так что не торопись. Ты встретила в «Правде» с другой мерой требовательности – только и всего. Прошло время журналистов – «на все руки мастеров», наступило время газетчиков-аналитиков. Ну, а язык появится, как только ты больше будешь сталкиваться с жизнью. Он у тебя еще польется, как в весеннее половодье поток, придется задумываться над тем, как его остановить. Все проявится в жизни. Всем бы так начинать практику! Ты пишешь, что ранние успехи ничему хорошему не учат. Кто это тебе внушил? Твои успехи учат свежести восприятия, юного восприятия факта, стремлению к обобщению его. Этого никогда не забывай и постарайся не растерять, а из года в год управлять и так – лет до ста.

Горький Максим как-то говорил, что надо «быть эхом мира, а не только няней собственной души». А это значит, что личность журналиста должна оттачиваться о кремниевый камень общественной и трудовой жизни.

Каждый прожитый год оставляет отметину в сокровищнице жизненного опыта. И опыт, который ты получила в 17 лет (*речь идет о том, что я работаю в журналистике с 17-летнего возраста, – Е. З.*), ты будешь помнить всю жизнь. Вычеркивать его, значит, четвертовать себя. Недаром говорится: крылья крепнут в полете, а творчество газетчика – это и есть полет, полет непрерывный и высота набирается по законам аэродинамики против встречных ветров.

Вот так! Конечно, от тебя многое зависит. Но у тебя есть воля преодолений. Это уже немало. Ты у меня – умница. Ты рано выбрала себе дело и это уже на всю жизнь. Слушай внимательно своих «карлсонов» и «гамаюновых» – они, видимо, неплохие парни (*речь об известных советских журналистах – Е. З.*), а юмор их пропускай мимо ушей.

Мама посылает тебе тляратинские фотографии (*Тлярата – высокогорный райцентр в Республике Дагестан, куда я поехала на летних каникулах за журналистскими впечатлениями, – Е. З.*). Капитан железнодорожной милиции пришел к нам и вывалил на стол целую кипу снимков, часть из них ты имеешь возможность лицезреть.

Целую, будь добра.

Твой шеф-папа.

23 марта 1978 г.

Дорогая Лена!

Поздравляю тебя с первым «последекретным» выступлением в печати, на этот раз в областном масштабе (*первая статья была о госприемке на Харьковском механическом заводе, как испытание при поступлении на работу в газете «Красное знамя», 1987 год, Харьков, – Е. З.*).

Если учесть, что ты два года была оторвана от жизни и всякого общественного общения и для тебя «перестроечная тематика» явилась «лукавой незнакомкой», то эту статью можно считать успехом.

По какой-то ассоциации я подумал, что статья эта – добросовестно выполненная работа для семинарского занятия на факультете журналистики. Мало фактического материала, много рассуждений начальствующего персонала и твоих собственных. Проблемы, вызванные госприемкой, чуть очерчены. Отсюда рыхлость. Режет слух некоторая назидательность тона (*назидательный абзац был дописан заведующей отделом промышленности «Красного знамени» Н. И. Шеховцовой, – Е. З.*), от него надо отказываться решительно в больших и малых материалах. Но это между нами. А вообще статья – нормальная.

Попробуй свои силы, показывая людей перестройки, тех, кто работает хорошо, невзирая на консерваторов и бюрократов, кто в борьбе идет вперед. Всякая революция начинается с низов и пока эти низы не почувствуют на себе нравственную очистительную силу перестройки, дело будет скрипеть.

Суть перестройки не в трех «с», а в четырех «с»: самокупаемость, самофинансирование, самостоятельность, самоуправление. Если все «четыре колеса» на марше перестройки будут с хорошими подшипниками, прошедшими госприемку, то дело пойдет.

У нас все в порядке. Олеся с бабушкой, если хорошая погода, ходят на море, иногда даже два раза. Весь режим построен на гулянии и кормлении. Илья, Люда и Таня 9 июля двинулись в отпуск – в Москву и Ленинград. Илья говорит: походим по выставкам, театрам, а Таня: «Прям, нам с мамой надо по магазинам ходить!».

Газеты со своими публикациями не забудь посылать мне. Привет Борису, Тимуру – поцелуй.

Целую, твой шеф-папа.

11 июля 1987 года.

Дорогая Лена!

То, что ты после двух лет оторванности от живой жизни, сразу четко вступила на стезю перестройки – это тебе в похвалу, а не в упрек. Об этом свидетельствует и тот переполох в редакции, о котором ты пишешь. Хорошего работника, имеющего журналистскую хватку, в сложившемся коллективе всегда встречают настороженно, видя в нем конкурента. Как вести себя в такой ситуации. Сохранять профессиональное достоинство. Ни в коем случае не поддаваться эмоциональным группировкам, не давать себя втянуть в амбициозные распри.

Амбиции одних, вторых, третьих создают в коллективе нервную обстановку, иногда приводят к такому взрыву, что ни профсоюз, ни парторганизация, ни редколлегия сразу не разберутся.

Лучшее средство против этого – умение редактора, редколлегии сплотить коллектив на творческой основе.

Работай спокойно в том отделе, где работаешь. Могут быть задания тебе и по другим отделам. Это в интересах газеты могут делать ответственный секретарь, зам. редактора или сам редактор. Не отказывайся! Редактор вправе использовать кадры, совершая маневры в интересах тематической конъюнктуры. Ну, на эту тему можно много говорить.

Ну, в отношении оплаты и т.н. «отработки». В каждой областной газете может быть разный подход. Я, например, в редакции установил такой порядок. Всем собкорам установил норму отработки 600 строк в месяц (авторских материалов) и своих – неограниченное количество. Для работников аппарата (кроме зав. отделами) – 500 строк, и не для всех, а только для «нерадивых», кто не любит работать с авторами. Например, был у нас такой литработник, сейчас они называются корреспондентами, Петя Косогоров. Он гнал свои строки для гонорара. Я попросил ответсекретаря дать мне справку, сколько Косогоров дал авторских строк за месяц. Оказалось, всего 100 строк, а своих – более двух тысяч. Пришлось ему срезать гонорар. Он в амбицию. Я ему сказал: будешь больше работать с авторами, будешь больше зарабатывать. В следующем месяце он дал две хороших авторских статьи постановочного характера (*«постановочная» статья – материал, в котором ставится общественно значимая проблема, – Е. З.*). Я его похвалил на летучке. И инцидент был исчерпан.

Собкоры, чтобы выполнить «отработку», гнали строки, давали по 600–800 строк авторских статей (по 300–400 строк – каждая). Но эта

хитрость не прошла. В «отработку» засчитывались только те строки, которые публиковались, а не те, что в оригинале. В отделе, а затем в секретариате «выжимали воду» и строк оказывалось меньше, чем делал собкор. «Отработка» не была вечной, но постоянно действующим механизмом. Если сотрудник сознательно работал с авторами, «отработка» приказом редактора (по представлению зав. отделом или ответсекретаря) отменялась. Ты знаешь, как это подействовало на создание запаса материалов в секретариате! Секретарский портфель всегда был пухлым. Должен быть выбор материалов – только так можно делать хорошую газету. И правильно ответили в вашем секретариате: не ваша, мол, забота, когда выйдет статья, ваше дело – давать.

Новое в зарплате состоит в том, что, если раньше редактор не имел права выходить за рамки ставок штатного расписания, то теперь он может за счет сокращения штатов устанавливать ставки по минимуму или по максимуму в зависимости от опыта и профессиональной подготовки работника. Одному он может дать 200–220 рублей, а другому – 16–170 рублей и т. д. И это справедливо.

Ты пишешь, что старшему корреспонденту установлена норма 2200 строк, но не уточняешь, каких строк (*норма была 60 % авторских материалов и только 40 % – своих, – Е. З.*) – в оригинале или напечатанных (*только напечатанных – Е. З.*), своих или авторских или тех и других вместе. Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Норма «отработки» в строках сама по себе может превратиться в бессмыслицу, если она не будет работать на качество и материальную заинтересованность. Ведь и гонорарные расценки «от» и «до» работают на это, а сейчас и зарплата по-новому.

Насчет того, чтобы нескольким сотрудникам давать одно и то же задание – это бестактно. Конечно, они могут выполнить их по-разному, и это разнообразие не мешает опубликовать статьи под одной рубрикой или в разных номерах.

У нас жарко. Мама с Олесей ходят на море. Олеся хорошо поправилась. И не удивительно – культ питания и культ гуляния торжествуют, и тут ничего не поделаешь.

Я выеду с Олесей 27–28 августа, билеты еще не брал. Что вам привезти? О выезде дам телеграмму.

Целую всех, твой шеф.

3 августа 1987 г.

IV. Моя туркестанская история

Трава сохнет – корни остаются.
Восточная мудрость

Эта история достойна романа-эпопеи или сценария хорошего историко-приключенческого сериала.

Но в силу того, что весь мой журналистский опыт связан с опорой только на факты и документы, роман или сценарий, требующий изрядного художественного вымысла, у меня вряд ли получится. Не хватит знания множества особенностей местного колорита, на что требуется опыт жизни в Средней Азии, хотя бы несколько лет. Да и фантазировать я не умею. А какой же роман без вымысла, который мы называем «художественным», то есть без того, чего не было на самом деле, но вполне могло бы быть?

Очень хотелось еще в молодые годы написать документальную повесть. Но за недостающими архивными материалами и фактами нужно ехать очень далеко – в Андижан, Ташкент (Узбекистан), Ош (Киргизия), Санкт-Петербург (Россия), и проделать труд, достойный целой научной монографии. Живя в Харькове, работая в газете, воспитывая детей, это условие, увы, выполнить невозможно. А ныне, когда на огромной территории, которая еще четверть века тому назад была нашей общей родиной, пролегли границы, и подавно. Да и денег на такие путешествия и скрупулезную работу в архивах нет!

Поэтому в этих записках о среднеазиатской ветви моей семьи я буду опираться, как на семейную легенду, так и на те сведения, достоверность которых подтверждается опубликованными источниками. Оказывается, даже с помощью Интернета таковых можно обнаружить не так уж и мало!

У меня нет оснований сомневаться в том, что в основе романтической семейной легенды – реальные исторические персонажи, события, люди. Конечно, устное предание, пройдя через несколько поколений и субъективное восприятие, может в чем-то быть не совсем точным, но только не в своей сути. Я лишь позволила логически

установить определенные связи - «мостики» между опубликованными фактами и устным семейным преданием.

Речь пойдет об удивительных людях – предках моего мужа Бехбуди (Бориса) Ариповича Маруфийа, родившегося 30 декабря 1924 года в Андижане.

Сочинение по картине Верещагина

Семья Маруфий (1925)

В сентябре 1983 года мы с Борисом поехали из Москвы к его среднеазиатским родственникам на «смотрины» в «южную столицу» Киргизии – город Ош.

Очень древний город, сакральное место, в котором легендарные мусульманские пророки удостоивались божественных откровений, лежит у подножья Сулейман-горы.

В незапамятные времена эта гора получила название Трон Соломона. Многие и теперь верят, что библейский царь Соломон посещал эту гору.

В раннее средневековье гора приобрела культовое значение для язычников, особенно – огнепоклонников. По преданию, сам Заратустра, жил в одной из ее пещер и знаменитая «Авеста» была написана именно здесь.

Затем гора стала святыней для правоверных мусульман. Говорят, на вершине горы молился пророк Сулейман. Встав на колени, он поклонился лбом Всевышнему, и в камне на века запечатлелись следы от его коленей и лба. С тех самых пор почитается эта каменная плита на горе священной и называется – следы Сулеймана.

Во время посещения святыни, Бабур – потомок Тамерлана, основателя империи Великих Моголов, приказал построить над этим местом небольшую красивую хужру (беседку) с михрабом (нишей), чтобы люди могли приходиться и беспрепятственно молиться.

Вот сюда, в город Ош, из Андижана после революции 1917 года переехала семья моего мужа. Его отец и мать покинули богатые дома в Андижане, чтобы скромно поселиться в домике с небольшим тенистым двориком на кривой улочке у подножия Сулейман-горы.

До Великой Отечественной войны Ош был городом, населенным преимущественно узбеками. Здесь мой муж провел детство. Здесь на одном из камней у подножья горы они с братом, будучи подростками, выбили большими буквами имя своей матери «Саодат» и, спустя полвека, эта надпись еще была там.

В 80-е годы прошлого века на месте дворика его детства уже стояли многоэтажки, в одной из которых мы остановились у родственников.

Надо было видеть многочисленную семейную делегацию, которая состояла из двух сестер и брата моего мужа, его племянников с их женами. Перед завтраком нарядное «посольство» торжественно внесло в гостиную на серебряном подносе старинную фотографию, размером с обычную почтовую открытку.

На этом снимке, сделанном в 1925 году, особенно впечатляет молодая женщина. Она привлекает к себе внимание прямым и открытым взглядом, гордо вздернутым подбородком и двумя роскошными длинными косами. На ней – европейское платье, довольно простое, но явно пошитое у отличного портного, на ножках – парижские ботиночки на шнуровке. Это мама Бориса – Саодатхан. Родственники вспоминали, как хорошо она играла на дутаре (струнный инструмент, распространенный в Азии).

Высокий красавец с густыми усами – муж Саодатхан и отец Бориса – Арипжан. Подросток, который стоит во втором ряду, – дядя Бориса, младший брат отца – Камилжан, который спустя много лет после того, как был сделан этот снимок, станет первым ректором Наманганского учительского института в Узбекской ССР.

А на руках у Арипжана – крепкий жизнерадостный малыш, мой муж во младенчестве, ему только 6 месяцев от роду. Первый ребенок в семье. Одна из сестер Бориса – учительница Инабатхан объяснила

необычное для узбекской женщины тех времен европейское платье матери. Оказалось, что красавица Саодат – узбечка не простая, по ее словам, это – внучка «самого Назарова – русского генерала, царского наместника в Андижане».

Назаров? Да еще «наместник»? Был ли такой? Эта фамилия мне ровным счетом ничего не говорила. Из героев русских туркестанских походов у тех, кто хорошо учил школьный курс истории, на слуху были имена генералов Ермолова, Скобелева. Даже о фон Кауфмане слышали далеко не все.

Еще, помню, в школе на уроке русского языка и литературы мы рассматривали картину Василия Верещагина под названием «Пусть войдут» и писали по ней сочинение. На этом хрестоматийном полотне выдающегося художника-баталиста изображены русские воины во главе с офицером во дворе Самаркандской крепости, под самыми воротами. Настороженные и готовые к бою, они ждут вторжения штурмовавших крепость местных мятежников.

Изучение картины входило в школьную программу.

Ошские потомки даже имени–отчества своего предка уже не помнили. «Назаров», «Назаров», «Назаров» – эту фамилию прадеда называли мне муж и его сестры. Еще они знали точно, что он был

Василий Верещагин. «У крепостной стены. Пусть войдут» (1871)

«соратник Скобелева». И уехал с ним освобождать Болгарию от турецкого ига. Все! Но ведь это не так уж и мало, не правда ли?

К сожалению, загруженность работой и повседневными семейными заботами, не оставляли мне возможности серьезно заняться поисками сведений о Назарове в научных библиотеках. Прошло немало лет и, научившись пользоваться интернетом, я стала применять тот же прием, который со временем помог мне многое узнать о моих предках со стороны матери. Периодически набирала в сетевом поисковике слова «Назаров, генерал».

Я делала это еще при жизни моего мужа. Но долгое время не было ничего.

Сведения обнаружились, буквально спустя пару месяцев после смерти Бориса. Мои ощущения не передать словами: восторг, восхищение, острое желание вскочить из-за компьютера, закричать «Нашла!» и скорее обнять, рассказать мужу...

Увы, того, кто порадовался бы этим сведениям еще больше, чем я, уже не было среди живых.

Итак, что я нашла в конце ноября 2007-го года на интернет-портале «Военная литература» http://militera.lib.ru/h/lyko_mv/index.html? Там появилась оцифрованная книга «Очерк военных действий 1868 года в долине Заравшана. С планами дел на Самаркандских и Зерабулакских высотах» (Составил М. Лыко. СПб., тип. Деп-та Уделов, 1871).

Офицер Генерального штаба Мартин Викентьевич Лыко, участник Туркестанских походов русской армии, по горячим следам фактически написал подробнейшую их историю в репортажном стиле. И вот в этой книге впервые встречается имя Николай Николаевич Назаров и называется его чин на 1868 год – подполковник.

Что же все это означает? Речь идет о событиях, когда «наш генерал» Назаров – еще только подполковник. Зовут его Николай Николаевич. И он участвует в усмирении туземного населения во времена Туркестанских походов русской армии.

Долгое время, кроме этого «Очерка...», больше ничего не было. В 2011 году в издательстве «Вече» увидела свет книга В. Бондаренко «100 великих подвигов России». Отдельная глава в ней посвящена Фридриху фон Штемпелю и Николаю Назарову, а также событиям 2–7 июня 1868 года в Самарканде. Из нее мы уже можем узнать

подробности биографии нашего прадеда, кстати, перекочевавшие в Википедию.

Николай Николаевич Назаров родился 4 февраля 1828 года. После окончания Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса 13 января 1848 года получил чин прапорщика.

А дальше сразу началась полная военных приключений жизнь. Офицерская биография этого человека поразительна!

Венгерская кампания

В 1848 году Европа стала ареной многочисленных восстаний и революций. Наиболее острая ситуация сложилась в Венгрии, армия которой вполне могла уничтожить Австрийскую империю, тем самым свергнув в войны и руину весь континент.

Военная акция русских экспедиционных войск была предпринята ради союзнических обязательств. С целью умирения Венгрии летом 1849 года на ее территорию была введена русская армия.

Николай Николаевич Назаров участвовал в Венгерском походе – из Польши, через Галицию и Карпаты, в Венгрию – на Будапешт, где главным театром военных действий для русской армии послужили южные склоны Карпатских гор и долина реки Тисы.

Жаль, что в биографической справке не говорится, под чьим началом воевал наш предок: на главном направлении – под командованием князя Паскевича, либо на второстепенном – Трансильванском под командованием генерала Ридигера.

Кампания длилась всего два месяца. Власть австрийских Габсбургов была спасена. По свидетельству современников, в ходе кампании не было ни одного крупного сражения. По данным Большой Российской Энциклопедии, в ходе Венгерского похода российские войска потеряли свыше 700 человек убитыми, около 2,5 тысяч человек ранеными и до 11 тысяч человек умерло от... холеры, виной чему плохое питание, «дурная» вода и ночлег на сырой земле на бивуаках.

О том, что мог чувствовать выпускник кадетского корпуса прапорщик Назаров, оказавшись за полторы тысячи километров от родных мест, в первой в своей жизни военной экспедиции, хорошо описал в своих «Записках о походе в Венгрию в 1849 году» такой же молодой

офицер Михаил Лихутин , который находился при штабе 4-го пехотного корпуса под командованием генерала от инфантерии М.И. Чеодаева:

«Кому было взвешивать и оценивать массу слез и крови, проливаемых в подобных столкновениях враждующими сторонами!?!.. Судьба идет тяжелыми каменными стопами и равнодушно давит свои жертвы, случайно ли или для какой-то отдаленной цели. А, мы военные, орудие этой судьбы, невольно проникнутые ее равнодушием, идем вперед вместе с нею, увлекаемые слепым порывом битв и разрушения, и слушаем спокойно стоны и ликования, раздающиеся по сторонам» («Записки о походе в Венгрию в 1849 году», Москва, 1875).

В Большой Российской Энциклопедии находим краткую ремарку по поводу Венгерского похода: «сравнительно лёгкие успехи, достигнутые в борьбе со слабым противником, отсутствие критических выводов из опыта проведённой кампании сказались в Крымской войне 1853–1956 годов».

На Крымский полуостров из центра Европы и отправляется наш герой Николай Назаров уже в чине поручика. В кровопролитной Крымской войне Николай Николаевич впервые отличился, был ранен и награжден орденом святой Анны III степени с бантом. За что именно он получил эту награду – я пока подробностей не нашла. Из доступных мне источников известно только, что он воевал на Дунайском театре военных действий.

Объявив войну России, Турция выдвинула против Дунайской армии под командованием генерала Михаила Горчакова, насчитывавшей 82 тысячи человек, почти вдвое превосходящую 150-тысячную армию под командованием османского военачальника албанского происхождения Омера-паши. И здесь состоялось несколько крупнейших жестоких сражений, в которых мог участвовать наш предок.

Оправившись от ранения, Назаров получил перевод на Кавказ, где быстро вырос по службе: стал штабс-капитаном (1858), капитаном (1861) и майором (1863). Судя по датам службы на Кавказе, он был там со времени штурма Гуниба и пленения имама Шамиля вплоть до покорения Черкессии, когда официально завершилась Кавказская война.

«Бесподобный матерщинник...»

В своих мемуарах бывший военный министр А. Н. Куропаткин, молодым подпоручиком после окончания Павловского училища прибывший осенью 1866 года на службу в Туркестан, подчеркивает: «Основная тяжесть среднеазиатских походов легла на плечи пехоты. Она решала участь боя, а после победы на нее же возлагались главные работы по созданию нового русского опорного пункта. Пехота строила укрепления, временные казармы и помещения для складов, проводила дороги, конвоировала транспорты. Завоевание Средней Азии главным образом дело русской пехоты. На ее долю выпадали и главные потери убитыми и ранеными...» («Из воспоминаний генерала А. Н. Куропаткина. 1867–1882 гг». // Исторический архив, № 1. 1994).

Целью военных действий являлось занятие стратегически важных населенных пунктов, большинство из которых были сильно укреплены. «Приблизившись ускоренными осадными работами ко рву крепости, начинали штурм, чаще всего перед рассветом, – продолжает Куропаткин. – Роты, назначенные для штурма, скрытно собирались против выбранного пункта... со своими лестницами и по сигналу... вылезали из окопов, вытаскивали лестницы и вместе с ними бежали к стене крепости...Требовалось добежать до рва, спустить толстым концом лестницы в ров, раскатать лестницу и перебросить тонким концом на стену. Затем надо было спуститься в ров и, карабкаясь по этим лестницам, стараться овладеть участком неприятельской стены. Лестниц становилось сразу несколько и наши герои, оспаривая друг у друга место, лезли по лестницам в то время, когда против них противник принимал свои меры. На атакующих сбрасывали камни, бревна, куски от стены, лили кипяток, смолу, поражали ружейным огнем, а наверху стены встречали батиками, копьями, шашками. Картина такого боя совершенно переносила зрителя к средним векам...».

Н. Н. Назаров в воздаяние за отличие, оказанное при штурме бухарской крепости Ура-Тюбе, 2 октября 1866 года, где под убийственным огнем неприятеля, овладел несколькими барбеттами (*защитное сооружение*, – *Е. З.*) с орудиями», был награжден орденом Святого Георгия IV степени. 14 марта 1867 года офицер был произведен в чин подполковника.

Командующий войсками Туркестанского военного округа генерал Константин Петрович фон Кауфман телеграммой Императору Александру II от 2 мая 1868 года докладывал: «Имею счастье поздравить Ваше Императорское Величество с новым торжеством: древнейший и знаменитейший город Средней Азии, центр мусульманства Самарканд, гордый своею историческою славой, без выстрела пал к стопам Вашего Величества, отворив ворота храбрым и честным войскам Вашим...».

«Утром депутаты от города явились в лагерь с выражением преданности. Генерал Кауфман не мог нахвалиться молодецким и честным поведением войск. Каждый исполнил свой долг и явил собою пример... увлекательной храбрости в бою и великодушия и честного поведения с мирными жителями» («История 4-го Туркестанского линейного батальона с картой за период с 1771 по 1882 год как материал к описанию движения русских в Среднюю Азию», составленная поручиком В.Н. Зайцевым, Ташкент, 1882).

Из Самарканда генерал-губернатор посылает эмиру Бухарскому новые условия мира, но ответа не получает. Более того одному из гонцов, доставивших письмо, отрубили голову, другой был брошен в яму. Историки полагают, что, по всей видимости, настойчивость Кауфмана в предложении мира, а также его отказ преследовать разбитого противника, в Бухаре были восприняты как слабость. А в это время эмиру приходилось воевать на два фронта (против него восстали беки Шахризязбского оазиса во главе с его старшим сыном Абду-Маликом), но мира с русскими он не желал.

Убедившись, что мирного диалога с эмиром наладить не удастся, Кауфман, оставив в Самарканде гарнизон, выдвинулся на юг, где 18 мая нанес поражение бухарцам при Катта-Кургане, а затем 2 июня в жестоким бою на Зарабулакских высотах армия эмира потерпела окончательное поражение.

В этот же день к Самарканду подошли войска шахризязбских беков, которые одинаково непримиримо относились и к русским, и к эмиру, мечтая посадить на бухарский трон его сына Абдул-Малика. В городе вспыхнуло восстание, подстрекаемое духовенством.

Как описано в «Энциклопедии военных и морских наук» под главной редакцией генерала от инфантерии Леера (Спб. 1897 г. т. VIII),

«уход основных сил из города должен был послужить к общему поголовному восстанию мусульман в русских владениях. Кокандский хан участвовал в заговоре; выставленные им к границам значительные силы, по получении известия об отнятии Самарканда, должны были двинуться к Ташкенту, соединиться с его восставшим населением и вырезать русских в городе. Положение было весьма серьёзное».

В это время в Самарканде оставался лишь небольшой отряд. Гарнизон состоял под командою майора Штемпеля и представлял силу в 658 штыков, учитывая в том числе больных и слабых (раненых).

Жители Самарканда, видя малочисленность оставленного русского гарнизона, воспрянули духом. Уже утром 1 июня на базаре шумела толпа и летели с крыш камни в сторону русского гарнизона, а за городскими стенами собирались толпы мятежников, число которых, как потом посчитали, простиралось до 65 тысяч человек.

Добровольные информаторы пробирались в цитадель, где расположился русский отряд, и, дрожа от страха, сообщали, что самаркандцы замышляют вооруженный мятеж против русских, грозят при этом вырезать еврейские и персидские семейства. Под защитой цитадели стали прятаться беженцы – множество еврейских семейств и русские купцы. Купцы, а также известный художник Василий Верещагин, путешествовавший по Средней Азии, принимали деятельное участие в обороне цитадели.

Интересно, что в составе самаркандского гарнизона Назаров остался не по своей воле. Он должен был отправиться в поход вместе с Кауфманом, но умудрился поссориться с полковником А. В. Пистолькорсом.

Эту историю Василий Верещагин описал в своих воспоминаниях «Самарканд»: «Пистолькорс, бравый кавказский офицер, послан был с отрядом поколотить массы узбекского войска Шахриябза и Китаба, придвигавшихся с юго-восточной стороны. Побить-то он их побил и по праву всех победителей даже ночевал на поле битвы, но, когда двинулся назад, неприятель снова надел на него, и, как говорится, на его плечах подошел к Самарканду. Генерал Кауфман и мы за ним выехали навстречу возвращавшемуся отряду, но уже в предместье города нас встретили выстрелами, а в окружающих садах завязалась такая живая перестрелка, что пришлось часть бывших с нами казаков тут же послать в атаку, чтобы отвратить опасность от самого командующего войсками; мы

с некоторым конфузом воротились. Многие из офицеров отряда выражали неудовольствие на эту победу, смахивавшую на отступление. И я слышал, что подполковник Назаров, храбрый офицер и большой кутила, громко называвший последнее движение к Самарканду бегством, вдобавок ослушавшийся Пистолькорса, был посажен Кауфманом под арест с воспрещением участвовать в будущих военных действиях» (В. В. Верещагин. «На войне в Азии в Европе», М., ЛЕНАНД, 2016).

Вот как современник, военный историк и востоковед Михаил Терентьев описывает Пистолькорса: «Первым, кто стал выезжать в бой на белом коне и во всем белом, был известный и на Кавказе, и в Туркестане полковник кубанского казачьего войска Александр Васильевич Пистолькорс, бывший несколько лет начальником кавалерии в туркестанских войсках. Ростом без малого в сажень, в высокой белой папахе, увеличивавшей его рост, в длинной белой черкеске и на белом коне, он представлял только одну черную отметину: длинную крашеную бороду. Человек замечательного хладнокровия и храбрости, истыканный кинжалами в рукопашных схватках с черкесами (с пульными и шашечными ранами он имел всего 11 «особых примет»), он, однако же, не желал преждевременной кончины. И, сообразив, что самое неуязвимое место в мишени всегда её центр, решил сделать из себя мишень, что при его богатырском росте, увеличенном еще полуаршинной папахой, удалось ему вполне. Мушка винтовки на белом отлично видна... белый богатырь с конвоем, среди которого красуется цветной значок его – лестная приманка. Неприятельские стрелки стараются. Но пули их летят мимо. Однако сам Пистолькорс заметил, что он «несчастлив на адъютантов и ординарцев» – это боковые полосы мишени, центром которой был он... Поэтому он советовал им или держаться за ним или подальше отъезжать во время перестрелки» (Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1–3. – СПб., 1903).

Пистолькорс был непосредственным начальником М. Д. Скобелева в первый период его пребывания в Туркестане, и Терентьев отмечает, что манеру поведения под вражеским огнём «белый генерал» завёл под явным влиянием Пистолькорса.

Впрочем, и эти два офицера Александр Васильевич Пистолькорс и Николай Николаевич Назаров характером были – два сапога пара.

На сайте «Военная история» также можно найти книгу доктора

исторических наук, профессора Андрея Михайлова «Битва с пустыней» (вышла в издательстве «АСТ» в 2003 году).

Ученый пишет о Николае Назарове: «Этот офицер имел репутацию человека храброго, но очень дерзкого, заносчивого, не признававшего никаких авторитетов, словом, «истинного туркестанца». Ну, а Василий Верещагин отмечал, что Назаров «был отчаянным и бесподобным матерщинником», и характеризовал его следующими словами: «Этот человек был храбр какой-то особенной, залихватской храбростью».

«Пусть войдут»

...2-го июня 1868 года бухарцы, потрясая воздух воинственными криками, под звуки зурн и барабанов, несметными толпами бросились на стены цитадели, цепляясь железными крючьями, которые надевались непосредственно на руки и на ноги.

*В. Верещагин. Пусть войдут
(фрагмент, 1871)*

Толщина стен цитадели достигала в отдельных местах 12 метров, и пробить её нападавшие явно не могли. Первый приступ отбили легко, но в тот же день стало ясно, насколько ненадежны полуразвалившиеся крепостные стены, к которым с внешней стороны прилепились домишки горожан.

Слабым местом обороны были ворота: Бухарские – в южной стене и Самаркандские – в восточной. Штурмующие трижды пытались выломать ворота и перебраться через стену, но каждый раз их отбивали метким ружейным огнем.

Продолжаем читать записки офицера Генерального штаба Мартина Лыко.

«При известии об опасности, воодушевление гарнизона было полное. Все офицеры, чиновники, купцы и приказчики, оставшиеся в Самарканде, выздоравливавшие из больных, числом около 140 человек, изъявили добровольное желание принять участие в обороне». Наказанный Кауфманом подполковник Назаров, не обращая внимания на старшинство в чине, добровольно стал в ряды защитников, охотно подчинив себя младшему по чину коменданту – майору фон Штемпелю. Охранение Бухарских ворот тот возложил на подполковника Назарова.

Атаки неприятеля на ворота были непрерывны. Неприятель, отбитый огнем ручных гранат и штыками от ворот, отступал, но потом, собравшись в улицах, закрытых от наших выстрелов, снова бросался на ворота....

В. В. Верещагин так описал те бои:

«И жутко, и смешно отчасти вспомнить: только что повернулись отсюда, и Николай Николаевич Назаров стал уже поговаривать о том, что не худо бы поесть борща, как бегут опять разыскивая его, с нашего старого места:

– Ваше высокоблагородие, пожалуйста, наступают!

Мы опять бегом. Сильный шум, но ничего еще нет, шум все увеличивается, слышны уже крики отдельных голосов: очевидно, они направляются к пролomu недалеко от нас; мы перешли туда, притаились у стены, ждем.

– Пойдем на стену, встретим их там, – шепчу я Назарову, наскучив ожиданием.

– Тсс, – отвечает он мне, – пусть войдут».

Вот оно! Именно этот эпизод запечатлен на знаменитой картине Верещагина «Пусть войдут»!

Назаров, Верещагин, фон Штемпель и... Борис Васильев

Когда Бухарские ворота загорелись, Назаров, по оценке очевидцев, совершил ошибку, приказав выстрелами из батарейного орудия разрушить их окончательно.

Как проанализировал Мартин Лыко, «Бухарские ворота потому и служили главным пунктом атаки, что были открыты более, чем каждый

из других пунктов. Большая половина убитых и раненых была убита и ранена в Бухарских воротах. Презрение к неприятелю и невнимание к пособию искусства были оплачены ценою напрасных, невознаграждаемых потерь».

Поняв свою ошибку, для ободрения солдат Назаров приказал поставить у ворот свою походную кровать, подчеркивая, что и ночью не оставит позиции. Спать Назарову, однако, не пришлось, в течение ночи ему пришлось отражать еще три приступа.

«Нет худа без добра, – вспоминает Верещагин, – как только ворота прогорели, Черкасов (*командир саперов. – Е. З.*) устроил отличный, совершенно правильный бруствер из мешков (*с песком. – Е. З.*), к которому поставили орудие, заряженное картечью. Тут разговор пошел у нас иной».

Утром штурмующие, сломав обгоревшие остатки ворот, разобрали сооруженную русскими баррикаду и захватили одну пушку. Солдаты бросились в штыки, причем впереди всех оказался художник Василий Верещагин.

В течение семи суток сражался Верещагин в рядах защитников крепости как простой солдат. Поначалу солдаты называли его «ваше степенство», но потом когда подполковник Назаров, человек дерзкой отваги, назвал его Василием Васильевичем, то все это подхватили, и скоро весь гарнизон стал звать Верещагина по имени и отчеству.

Художник так описал один из драматических эпизодов обороны крепости: «В это время начальник крепостной артиллерии бравадный капитан Михневич, всюду поспевавший, раздал нам ручные гранаты для бросания через стены в неприятельские толпы. Между тем шум что-то затих, так что мы не знали, куда бросать их, да к тому же подозревали, не затевают ли какой особой каверзы – надобно было посмотреть через стену, где неприятель и что он делает. Офицеры посылали нескольких солдат, но те отнекивались, один толкал вперед другого – смерть почти верная.

«Постойте, я учился гимнастике». И прежде чем Назаров успел закричать: «Что вы, Василий Васильевич, перестаньте, не делайте этого», – я был уже высоко.

«Сойдите, сойдите», – шептал Назаров, но я не сошел, стыдно было, хотя, признаюсь, и жутко. Стою там, согнувшись под самым гребнем,

да и думаю: «Как же это, однако, перегнушь туда, ведь убьют!». Думал, думал – все эти думы в такие минуты быстро пробегают в голове, в одну-две секунды, – да и выпрямился во весь рост! Передо мной открылась у стен и между саклями страшная масса народа и в стороне кучка в больших чалмах, должно быть на совещании. Все это подняло головы и в первую минуту точно замерло от удивления, что и спасло меня; когда уже опомнились и заревели: «Мана! мана!», т. е. вот, вот! – я уже успел спрятаться – десятки пуль вlepились в стену над этим местом, аж пыль пошла.

«Сходите, бога ради, скорее», – вопил снизу милейший Назаров, и, конечно, повторять этого не нужно было; я указал место, где были массы народа, и наши гранатки скоро подняли страшный переполох и гвалт, т. е. достигли цели».

«Команда подполковника Назарова, осыпанная ружейным огнем через ворота и камнями с гребня стен, отвечала сначала огнем картечи и ружей; когда же неприятель вскочил на завал, встретила его молодецким ударом в штыки, – описывает дальнейшие события подполковник Мартин Лыко. – После свалки, продолжавшейся около четверти часа, подполковник Назаров опрокинул неприятеля и преследовал по улицам города, несмотря на фланговый огонь, направленный из окон и с крыш саклей.

Не подозревая того, что командующий войсками фон Кауфман уже двигается на выручку, гарнизон начинал терять терпение. Хладнокровный, спокойный характер коменданта был недостаточен для возвышения духа гарнизона и поднятия нравственных его сил. В таком положении подполковник Назаров оказался совершенно незаменимым. Храбрый кавказский рубака, обладая умением обращаться с солдатом, не оставляя ни днем ни ночью своего опасного поста, он скоро сделался опорой всего гарнизона, поддерживая в нем дух бодрости и геройского самоотвержения до последней минуты блокады».

И далее: «Высоко цена заслуги подполковника Назарова при обороне цитадели города Самарканда, мы, тем не менее, видим их исключительно в той нравственной поддержке, которую он оказал всему гарнизону умением обращаться с солдатом, верившим в него, потому что, ни днем, ни ночью не сходя со своего поста, он был всегда впереди и бросался на неприятеля первый, увлекая солдата столько же словом,

сколько примером неустрашимости и отваги. Молебен, отслуженный благодарными солдатами Николаю Угоднику за здоровье подполковника Назарова, служит доказательством того несомненного нравственного значения, какое имел на гарнизон Назаров».

Читаю исторический роман Бориса Васильева «Скобелев. Есть только миг». И мурашки бегут по коже...

Писатель упоминает героического офицера Николая Николаевича Назарова. Эпизод касается драматической обороны Самаркандской крепости, в котором участвует выдающийся художник Василий Васильевич Верещагин:

«Отчаянный штурм продолжался восемь дней и восемь ночей без единого перерыва; силы защитников были уже за пределом человеческих возможностей, и на военном совете решено было взорвать крепость в случае прорыва противника. Против решительно выступил только Василий Васильевич:

– Взорвать всех – проще простого и как-то уж очень по-военному. Но в крепости Самарканда не только военные и не только русские. Здесь укрылись и армяне, и мирные киргизы, и евреи, и Бог весть, кто еще, но все – с семьями. С женами, детьми, стариками. Вправе ли мы жизнью их распоряжаться? Думаю, что нет у нас такого права.

– Да их все равно перережут, Василь Васильич! – вздохнул полковник Назаров. – Нет, не прав ты. Ради чести воинской, ради знамен и пушек, которые потом по нашим же стрелять будут, мы должны взорвать всю крепость, когда своей крепости не хватит.

– Всех перережут? – тихо спросил Верещагин, и все примолкли. – Откуда уверенность такая, полковник? Да если хоть один мальчонка, хоть девочка одна крохотная уцелеет, и то – благо великое. Нет таких крепостей, чтобы ради их взрыва, ради чести, знамен да пушек хотя бы один безвинный ребенок погиб!».

Конечно, наш предок был отчаянный рубака и матерщинник, но до такой ли степени «обезбашенный», чтобы взрывать себя и окружающих?

Понятно, что писатель лично не мог быть свидетелем событий более, чем столетней давности. Основным источником, которым он мог пользоваться, работая над романом, мемуары самого Василия Верещагина «Туркестанская кампания».

Откроем мемуары Верещагина. Что же вспоминает художник?

«Мне рассказывали потом, – не знаю, верно ли это, – что после сильного приступа второго дня комендант (*майор фон Штемпель*, – **Е. З.**) собрал военный совет, на котором решено было драться до последней крайности, и если одолеют, т.е. войдут в крепость, то собраться всем в ограду эмирова дворца, еще защищаться, сколько будет возможно и затем взорваться – вот спасибо! Назаров, как тоже рассказывали, был не согласен с этим решением и брался, коль придется уступить крепость за невозможностью защищать ее, пробиться с остатками гарнизона до главного отряда. Хотя мнение его не было принято, он говорил будто после, что так бы и поступил, т.е. на свой страх стал бы пробиваться. Что касается Штемпеля, то с этого тщедушного, морщинистого, любезного, но молчаливого русского немца, едва, впрочем, владевшего немецким языком, стало бы исполнить решение и отправить нас всех сначала на воздух, а потом туда, откуда никто еще не возвращался».

В книге – биографическом исследовании «С мольбертом по земному шару. Мир глазами В. В. Верещагина» (автор Лев Демин, Москва, «Мысль», 1991) этот эпизод тоже изложен верно! Назаров возражал против взрыва крепости:

«В первый же день осады комендант крепости отправил гонца из местных жителей к генералу Кауфману с донесением и просьбой о подмоге, посылал он гонцов и в последующие дни, но ответа все не приходило. Вскоре стало известно, что все они, кроме одного, были схвачены людьми эмира и казнены. Одному все же удалось добраться до штаба Кауфмана. А тем временем потери защитников крепости росли день ото дня. Комендант, не получая ответа от командующего, начал совещаться с офицерами гарнизона. На тот случай, если враг войдет в крепость, он предложил запереться во дворце эмира и сражаться до последней крайности, когда же эта последняя крайность наступит – взорваться. Назаров не соглашался с таким планом и настаивал на том, чтобы прорываться через кольцо нападающих и идти на соединение с главными силами, а крепость оставить противнику».

Я не думаю, что выдающийся писатель ошибся намеренно. Конечно же, он читал мемуары Верещагина, когда готовился к работе над романом, который, кстати, является частью большой серии исторических произведений «История рода Олексиных» (художественной

интерпретации жизни его собственных предков). И мне тоже хорошо знакома эта волнующая ситуация, когда текст, что называется «сам идет», отвлекаться невозможно, и ты полагаешься на свою память и невольно можно кое-что перепутать.

Писателю было недосуг сверять написанное с источником. Но тема, которую он поднял, очень острая – моральный человеческий выбор в отчаянной ситуации вообще и на войне, в частности!

Я читаю и чувствую кожей, как Борис Васильев назидательно представляет Назарова человеком фанатично негуманным, даже в отношении сослуживцев, достойным порицания, даже негодования. Таким он его видит в этом эпизоде. Хотя на самом деле он таковым не был!

Николай Николаевич Назаров незамедлительно вызвал бы писателя на дуэль. А я могу восстановить справедливость, написав эти строки. Светлая память обоим!

Впрочем, очень высокую оценку дал двум главным героям обороны Самарканда – майору фон Штемпелю и подполковнику Назарову автор книги «100 великих подвигов России» Вячеслав Бондаренко: «В дни осады эти офицеры составили очень удачный тандем, дополнявший друг друга – спокойный и хладнокровный фон Штемпель и горячий, храбрый Назаров, который, кстати, безоговорочно подчинился младшему по чину коменданту. Штемпель был мозгом обороны, Назаров – ее душой».

Интерлюдия. Правило рукопожатий

Я верю в «правило рукопожатий», согласно которому любые два человека на Земле разделены в среднем лишь пятью уровнями общих знакомых (и, соответственно, шестью уровнями связей). Если речь идет только о твоей стране, то рукопожатия сужаются до двух-трех. И все же я не устаю удивляться тому, что это правило действует не только в настоящем, но и в прошлом. Станным образом судьба не раз сводила меня с людьми, предки которых сто лет назад знали моих предков. И это было в разных городах и в разное время...

1965 год. Кисловодск. Мне восемь лет. Наша семья здесь отдыхает. С утра, пока папа принимает процедуры в санатории, мы с мамой гуляем в парке.

Вот мама идет к тележке с надписью «Эскимо», чтобы купить мне мороженое, я сижу на лавочке. Рядом присаживается древний старик благороднейшей наружности с длинной седой бородой. Смотрит на меня с улыбкой и спрашивает, как меня зовут. А вот и мама с пломбиром! Мы сидим на лавочке, едим мороженое, старик и мама начинают разговаривать, слово за слово и я слышу: «Скобелев», «Москва», «Санкт-Петербург». Потом мы не раз встречались в парке. Человек с бородой был очень стар и практически все время отдыхал на лавочке. Мы садились с ним рядом, и они с мамой беседовали. Конечно, в 8 лет я не знала, кто такой Скобелев, но я запомнила это имя и необычного старика.

2008 год. Я привезла маме в Махачкалу распечатку «Очерка военных действий в долине Заравшана 1868 года» Мартина Лыко. Маме почти 90 лет, она плохо видит и читать самостоятельно уже не может. Я читаю ей вслух о Назарове. Среди героев обороны крепости Самарканда звучит имя подпоручика Черкасова. Тут мама восклицает:

– А ты помнишь дедушку, с которым мы подружились в Кисловодске?

Конечно же, помню! Разве можно было забыть его белоснежную сказочную бороду! И мама вспомнила имя случайного собеседника на лавочке в Кисловодске. Оказалось, благородный старик – сын Константина Семёновича Черкасова (1846–1894) – военного инженера, генерал-майора, героя Самаркандской обороны 1868 года, соратника М. Д. Скобелева.

Константин Семенович тогда, во время обороны цитадели Самарканда, фактически спас от неминуемой гибели Николая Николаевича Назарова. Когда сгорели Бухарские ворота, несмотря на сильный неприятельский огонь, он успел со своими саперами устроить завалы, что помешало повстанцам ворваться в крепость.

Самарканд в огне

На следующий день утром, как свидетельствует Мартин Лыко, командующий войсками фон Кауфман лично повел свой отряд с пехотой и барабанным боем в Самарканд, и, разделив его на три колонны, двинул по улицам города. Гарнизон сделал вылазку, а колонны разошлись по разным направлениям, обращая в бегство толпы вооруженных

самаркандцев, встретивших русские войска ружейным огнем с фронта и пальбой из садов и саклей.

Во все время очищения города, жители продолжали стрельбу по войскам и цитадели и не снимали фальконетов с мечетей Самарканда.

Командующий войсками направился в цитадель, к ханскому дворцу, и, наблюдая, оттуда за ходом дела, послал подполковника Назарова, с двумя ротами и взводом батареи, выгнать мятежников из мечети.

«Подполковнику Назарову для исполнения возложенного на него поручения следовало пройти через базар, занятый мятежниками, производившими пальбу из укрытий, лавок и с вышек, – пишет Мартин Лыко. – Не желая подвергать людей опасности, подполковник Назаров зажег базар и сакли между базаром и цитаделью, по дороге, ведущей к Самаркандским воротам... К двенадцати часам колонны обошли город по главнейшим улицам и очистили их от мятежников. Пальба во всем городе утихла, но город представлял груды развалин и пепла, над которым угрюмо возвышались облака дыма и пламени горевшего базара. Цитадель и эспланады, расчищенные впереди Бухарских и Самаркандских ворот, имели вид могилы; множество обгоревших трупов, скелетов и человеческих костей валялось во всех направлениях; ядра, картечь, оружие и изорванная одежда дополняли остальное в этой печальной картине».

В своих воспоминаниях «Самарканд» Василий Васильевич описывает множество эпизодов, в которых ему удалось наблюдать Николая Николаевича.

«Я видел, как одному из валявшихся трупов солдат воткнул штык в глаз, да еще повернул его, так что в черепе скрипнуло... я только хотел сказать: «что ты делаешь!», как слышу – трах! – звук здоровой оплеухи и голос Назарова: «Ах, ты, подлец, убитому-то!».

Интерлюдия. Николай – внук Каразина

В этой военной кампании, кстати, отличился еще один выдающийся человек, которого, конечно же, близко и хорошо знал как однополчанина наш прадед. Это Николай Николаевич Каразин (1842–1908) – русский художник-баталист и писатель, участник Туркестанских походов. Как харьковчанка, я не могу пройти мимо того факта, что он – внук осно-

вателя Харьковского университета Василия Назаровича Каразина и известного русского историка, автора «Деяний Петра Великого» Ивана Ивановича Голикова.

Командуя ротой, Николай Каразин отличился в боях при аулах Ухум и Хаят, при штурме Чапан-атинских высот под Самаркандом, под Ургутом и при Кара-Тюбе.

За эти дела Каразин получил орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, чин штабс-капитана и денежную награду.

Но особое мужество он проявил в бою на Зерабулакских высотах (2 июня 1868 года), где, во главе своего полубатальона, по приказу генерала А. К. Абрамова, повёл наступление и стремительными атаками задержал главные силы бухарцев. В этом упорном и трудном бою Каразину пришлось участвовать в рукопашной схватке, во время которой ударом приклада у него была сломана сабля. Когда, по окончании боя, генерал К. П. Кауфман увидел у Каразина в руке только один эфес от сабли, то сказал ему: «Вы испортили свое оружие; хорошо, я пришлю вам другое». На следующий день Каразин получил Золотое Георгиевское оружие с надписью «За храбрость». В 1870 году Каразин был переведён в 4-й Туркестанский линейный батальон и в том же году

Николай Каразин. «Вступление русских войск в Самарканд 8 июня 1868 года» (1888)

вышел в отставку с чином капитана и мундиром. С этого времени начинается литературная и художественная деятельность Николая Николаевича Каразина, которой он и посвятил затем всю свою жизнь. Тогда он и написал свою знаменитую картину «Вступление русских войск в Самарканд 8 июня 1868 года».

И беснование Англии

Большая игра (англ. Great Game, другое русское название «Турниры теней») – такое образное название в политической истории получило соперничество между Британской и Российской империями за господство в Центральной и Восточной Азии, а также на Дальнем Востоке (1856–1907).

Выражение the Great Game впервые использовал Артур Конноли, офицер на службе Ост-Индской компании на полях копии письма, отправленного британским политическим представителем в Кабуле губернатору Бомбея в 1840 году. В широкий оборот он был введён британским писателем Редьярдом Кипплингом в романе «Ким».

Как отмечает историк Андрей Михайлов, отмена в 1861 году крепостного права в России дала мощнейший толчок развитию отечественной промышленности и торговли. В города, на фабрики и заводы хлынули многие тысячи получивших свободу крестьян. Рост производства товаров с особой остротой ставил задачу расширения рынков сбыта. Предприниматели буквально засыпали правительство прошениями, в которых ходатайствовали об увеличении возможностей сбыта своей продукции, в том числе в Средней Азии.

Интересно, что дискуссии о том, зачем «России Средняя Азия», велись и тогда не только в аристократических салонах, но и очень часто вызывали разногласия в российских правительственных кругах. Как правило, за активные действия выступали военные и местные, сибирские и оренбургские, власти, которые заботились о безопасности своих границ, а против – Министерство финансов, «оберегавшее» бюджет.

В 1868 году Бухара признала за Россией все завоевания, сделанные ею в пределах Бухарского ханства с 1865 года, русским купцам предоставлено право свободной торговли во всех городах Бухары, дозволено иметь своих торговых агентов и караван-сарай для склада товаров.

Затем из завоеванной части Заравшанской долины, на которой располагались два бекства (княжества) – Самаркандское и Ката-Курганское, был образован временный Заравшанский округ, с двумя отделами: Самаркандским и Ката-Курганским; назначена местная администрация; устроена военно-народная администрация, а для поддержания ее и для фактического владения округом, оставлены четыре батальона пехоты, три дивизиона артиллерии, пять сотен казаков и ракетная батарея.

Первым генерал-губернатором края стал опытный политик и администратор, инженер-генерал Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882).

Успехи России вызвали целую бурю в Англии, там были собственные виды на Среднюю Азию. Кроме того приближение границ России к индийским владениям Британии, стали главным кошмаром для англичан.

В Петербурге, главным образом в Министерстве иностранных дел, возник переполох. Англичане, беспокоить которых глава русского внешнеполитического ведомства при Александре II, последний канцлер Российской империи Горчаков, весьма опасался, сделали русскому правительству представление. Горчаков, в свою очередь, восстановил царя против «самовольного» генерал-губернатора фон Кауфмана.

В августе 1868 года, когда Кауфман выехал из Ташкента в Петербург для личного доклада, его встретил в степи на одной из почтовых станций фельд-курьер с категорическим высочайшим предписанием немедленно вернуть Самарканд и Катта-Курган бухарскому эмиру Музаффару. Константин Петрович прочитал предписание и, не сделав никакого распоряжения, продолжил свой путь. Он сознательно пошел на грозу. «Высочайший гнев был велик, но Кауфман стоял на своем: отдать Самарканд и другие завоеванные города и кишлаки – значит резко уронить престиж России в глазах местных правителей и населения; всерьез после этого ни к каким российским требованиям относиться не будут и всегда будут сравнивать Россию с Англией, которая никогда так себя не ведет. Император внял и смягчился; приказал: «Пойди и скажи все это Горчакову». Канцлеру ничего не оставалось, как принять к сведению монаршую волю и скрыть свою досаду, – констатирует историк Евгений Глущенко (Е. А. Глущенко. Россия в Средней Азии.

Завоевания и преобразования», М.: Центрполиграф, 2010 г. <http://statehistory.ru/books/Rossiia-v-Sredney-Azii-Zavoevaniia-i-preobrazovaniia/>).

Константин Петрович Кауфман на этот раз победил и в Петербурге. Вернувшись осенью в Ташкент, он говорил в кругу соратников: «Наша дипломатия, да и все правительство поддались угрозам и беснованию Англии; выяснилось же главное – полное непонимание положения России в Средней Азии... Да, это бюрократическое невежество наше поразительно. Само беснование Англии должно было не пугать наше правительство, а радовать его. Если наше движение в Азии приводит англичан в такое неистовство, то, значит, оно верно попало в цель, для кого-то опасную, следовательно, непременно полезную нам».

Бесконечные геополитические интересы, закручивающиеся с каждым новым витком истории, как спираль. Но каков Кауфман! Своим весьма рискованным непослушанием он изменил ход истории, причем не только в этой точке мира.

Пирамиды отрезанных голов

История Туркестанских походов довольно подробно была описана еще в дореволюционное время, привлекала внимание беллетристов и документалистов в последующее, так что изучить многие источники у меня не хватит сил. Да я и не ставила такой задачи. В общем потоке доступных текстов я выхватывала лишь заветное имя «Н. Н. Назаров». И все же профессиональный журналистский глаз невольно цеплялся за какие-то факты, фразы, ситуации, заставляя ненадолго задержаться, прочесть, так сказать, «лишнее». Понятно: «цепляло» то, что откликалось сегодняшним мыслям и настроению, в глубинах времени обнажало корни современных геополитических раскладов.

После того, как я разместила первые главы этой истории в Живом журнале, появились и первые отклики читателей. Среди них недоумевающие: зачем, мол, «нужна была России эта Средняя Азия, и к чему эти имперские завоевания?! Далёкие и чужие народы – по вере, языку, культуре. Пусть бы жили в Самарканде и Бухаре, как хотели. А в итоге они попали в состав СССР и пережили массу репрессий и притеснений

при советской власти. Да и вообще, произошел слом уклада жизни огромного количества людей...».

Тут уместно заметить, что советская власть для той эпохи – это совершенно фантастическое будущее, такое же, как для нас, скажем, освоение Марса. А в тот период весь мир переживал бурное развитие капитализма, нуждающегося в расширении рынков сбыта и освоении все новых и новых ресурсов. С одной стороны – расцвет предприимчивости, технологий, наук и промышленности; с другой – конкуренция, колониальные войны.

Нравится нам это или не нравится, но могущество всех цивилизованных европейских держав построено на завоеваниях. И народы этих держав до сих пор, спустя почти два века, пользуются плодами этих завоеваний: мегаполисы с шедеврами дворцовой архитектуры, высокие технологии и наука, транспортные пути сообщения, индустрии и искусства, – все это и многие другие блага цивилизации основаны на богатствах, возросших на основе капиталистической экспансии той эпохи.

И еще немного подробностей. Константин Петрович фон Кауфман – выходец из знатного австрийского рода, но с русским имперским мышлением, в столице своего генерал-губернаторства Ташкенте вдали от имперского центра создал для того времени орган вполне демократической власти – Городскую думу, а также основал Публичную библиотеку (сейчас – Национальная библиотека Узбекистана имени Алишера Навои). Кауфман и его сподвижники не только запретили рабство и работорговлю в Средней Азии, но и следили за соблюдением этого запрета.

Выпускник Харьковского университета, путешественник, писатель, дипломат, востоковед Е. П. Ковалевский, путешествовавший по Туркестану в 1849 году, собственными глазами видел в Ташкенте пирамиды отрезанных человеческих голов, видел казненного человека, умиравшего на колу посреди площади, а за городом – «несколько пирамид отвратительно гниющих» человеческих голов.

Как пишет Е. Л. Марков, «да, несомненно, что и Верещагин, посетивший Туркестан лет на 25 позднее, рисовал и свои пирамиды голов, и головы, торчащие на кольях, и головы, разбросанные в мечетях, как жертвы к подножию святынь, – тоже с натуры» (Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самар-

кандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. – СПб., 1901.). С этими материалами можно познакомиться в ЖЖ на странице «Русский Туркестан. События, люди, нравы» (<http://rus-turk.livejournal.com/360052.html>). С приходом русских запрещены были такие виды казни, как перерезание горла виновного ножом и разного рода членовредительства.

Впрочем, из-за океана уже тогда раздавался «голос Америки». Не обошлось без секретаря американского посольства в Петербурге Юджина Скайлера. Дипломат написал книгу «Туркестан», собрав материал в поездках по Средней Азии в 70-х гг. XIX в. Он пишет о коррупции и плохом управлении на завоеванных территориях. Среди российской либеральной элиты книга имела значительный успех.

...Любуясь архитектурным ансамблем одной из центральных площадей, скажем, в Харькове, основу которой составляют величественные современные здания банков эпохи имперского капитализма, например, Русско-Азиатского, или, взглядываясь в полотна Василия Верещагина в Национальном музее русского искусства в Киеве, мы можем проклинать имперскую экспансию или строить сослагательные версии развития истории, но мы уже не можем ничего изменить в нашем прошлом, богатствами которого, несмотря на последующие исторические катаклизмы, как оказывается, пользуемся до сих пор.

Другое дело, что несли на своих штыках завоеватели? Развитие ремесел, образования, культуры взамен работорговле и средневековому варварству? Либо еще большую нищету, распад и мракобесие? И какие уроки извлекает из этого человечество? Продолжается ли до сих пор захватническая конкуренция, грозящая новыми реками крови, достигли ли мы того уровня осознания хрупкости мира, который ведет к взаимному уважению прав и свобод, стабильному развитию стран и народов, к божественному предназначению человека-Творца?

Тверская родословная: Назаровы и князья Енгальчевы

Ну, раз личность Назарова столь примечательна, то я решила поискать его среди дворянских родов Российской империи. Может, мне станут известны еще более дальние предки?

Из дворянских родов Назаровых два восходят ко 2-й половине

alfavitnym-ukazatelem-i-prilozheniem-tver-1869#mode/grid/page/1/zoom/1), в записи под № 790 находим коллежского асессора Назарова Ивана Николаевича с пометкой «происходит из обер-офицерских детей, получил орден святой Анны 3 степени в 1820 году». Имеются сведения о его супруге и детях.

Жену Ивана Николаевича Назарова зовут Агафья Ивановна (девичья фамилия не указана). У них есть дети: сын Николай (1800) и дочери Елизавета (1804), Александра (1806) и Мария (1811).

А вот в супругах у его сына Николая, тоже коллежского асессора, в этом же генеалогическом списке значится – Авдотья Ивановна, урожденная княжна Енгальчева.

Кто такая? Енгальчевы – знаменитые княжеские роды. Один из них, согласно сведениям энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, происходит от выходца из Золотой орды, князя Мамы, внук которого, Янглыч (Енгальч) Бедышевич, был назначен в 1580 году князем кадомской мордвы. Потомки его в конце XVII века перешли в православие. Этот род внесен в V, VI и I части родословной книги Пензенской, Тамбовской, *Тверской*, Московской, Владимирской, Казанской и Рязанской губерний (Гербовник, XI, 31).

Вот, что сообщается о них в той же тверской «Генеалогии господ дворян...» Михаила Чернявского:

Учитывая, что не все, особенно молодые люди, сегодня могут прочитать рукописные буквы старого правописания, хотя почерк у Чернявского очень старательный и аккуратный, набираю этот текст на компьютере: «№ 377. Енгальчевы. Князья Татарские. Предок этого рода князь Мама вышел из Золотой Орды. В Грамотах царя и В.Князя Иоанна Васильевича (*Грозного – Е. 3.*) 1539 и 1580 гг. значится, что Янглыч Бердышев в царствование Иоанна был князем над мордвою Кадомскою и Тяльдемскою (*вероятно, имеются в виду земли Талдомские, ныне – Московская область, – Е. 3.*) и признан во княжеском титуле самим царем. В Грамоте царя Федора Иоанновича, данной в Кадоме мурзе Мамлюеву, значится, что для прекращения спора между Кадомским князем Янгильдеем Енгальчевым и родными его братьями князьями: Уразаем, Акмаметом и Керимом велено, жалованное им поместье Мещерского уезда разделить между ними и отмежевать по Кадомским писцовым 1649, 1650 и 1651 годов книгам за Исламом

мурзою Уразаевым состояло отца его поместье Кадомского уезда. В 1742 году жене князя Фрола Степановича Марье Тихоновне дано имение матери в Бежицком уезде. Род этот внесен в Родословную книгу Тамбовской губернии – Указы Деп(артамента) Гер(ольдии) от 16 июня 1853 г. за № 4529, о перенесении рода Енгальцевых из 5 в 6 часть родословной книги Тверской губернии, со присоединением к фамилии этой титула Князей Татарских».

В подробном генеалогическом древе, корнями уходящему к Малкею Уразаевичу Князю Енгальцеву, автор указывает Авдотью – дочь Ивана Енгальцева. Кстати, Авдотья (по этой же схеме Чернявского) – внучка Феклы Кондратьевны, урожденной Языковой. Это еще один очень древний русский дворянский род, происходивший также из золото-ордынского корня, от Енгулея-мурзы Языка (XV век), принявшего крещение с именем Алексей. И на протяжении нескольких веков потомки Енгулея-Алексея Языка внесли богатейший вклад в воинскую славу, науку, культуру и литературу России. Среди его потомков насчитывается несколько видных военачальников.

Таким образом, если сопоставить даты рождения тверских Назаровых, весьма правдоподобно, что наш предок Николай Николаевич Назаров, родившийся в 1828 году, является сыном Николая Ивановича Назарова и Авдотьи Ивановны (урожденной Енгальцевой), внуком коллежскому ассессору Ивану Николаевичу Назарову.

На сайте Государственного архива Тверской области есть список документов, описывающих имения Назаровых: «Назаров Николай Иванович, коллежский ассессор. Усадьба – ЗЕНЦЕВО Климовская вол., Новоторжский уезд, описание имения. 1858 г.– ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1095. 16 л.; усадьба – ПОЛЯНИХА Павлиховская вол., Осташковский уезд, описание имения. 1858 г.– ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1232. 16 л.». Тексты этих описаний, к сожалению, недоступны в интернете. Но это уже и не так важно.

Учитывая, что имения находятся в разных волостях, не исключено, что, как минимум, одно из них получено в качестве приданого за княжной Енгальцевой.

В общероссийском гербовнике есть описание герба татарских князей Енгальцевых: «В золотом щите поднимающийся черный орел, с червлеными глазами и языком и обращенною головою, держащий

в клове зеленый миртовый веноч. Щит украшен княжескою мантиею, увенчанною княжескою же короною».

В «Российском гербовнике» есть родовой герб Назаровых. Там сказано, что «Лев Семенович Назаров, находясь при Всероссийском Императорском дворе камер-фурьером 6 класса, 1799 года Марта в 25 день Всемилостивейше пожалован во дворянское достоинство и на оное дипломом, с коего копия хранится в герольдии».

Пришлось искать в энциклопедии, кто такой камер-фурьер (нем. Kammerfugier). Оказалось, «в Российской империи это придворный чиновник 6-го класса. Вел запись дворцовых церемоний и быта царской семьи (камер-фурьерский журнал)». Надо же, чуть ли не руководитель царской пресс-службы!

Является ли этот почтенный камергер предком нашему Николаю Николаевичу? В интернете в сетевой группе «Назаровы» под этим самым «гербом Назарова» собралось несметное количество обитателей, и каждый тешит свое самолюбие тем, что примеряет на себя его герб. Мне бы не хотелось им всем уподобляться.

Здесь интересно вот что: Иван Николаевич Назаров, семья которого упомянута в записках тверского генеалога Чернявского, скорее всего, не является уроженцем Тверской губернии. Чернявскому известно о нем только то, что он «из обер-офицерских детей». О предках Назарова, в отличие от предков Енгальчевых, издревле владевших тверскими землями, автор ничего не написал. Оставлю и я эту тему открытой.

Кстати, и генералов с фамилией Назаров вместе с нашим героем в Российской императорской армии в XIX – начале XX века насчитывается... девять. Судя по отчествам, все они – не прямые родственники, хотя двоюродных-троюродных не исключаю (энциклопедия «Генералитет российской армии и флота» (http://rusgeneral.ru/general_n.html)).

Без лести предан...

Итак, получается, что воинская служба и доблесть для Николая Николаевича – явление наследственное. С оружием в руках служили империи его предки Назаровы (даже гражданский чин «коллежский ассессор» его вероятных деда, а также отца соответствовал воинскому званию «майор») и татарские князья Енгальчевы.

Не случайно юный Николенька Назаров был отдан на воспитание в Новгородский кадетский корпус.

Статей об этом корпусе в Интернете немало, и на кадетских ресурсах, и в Википедии. Наиболее подробные материалы я нашла на сайте «Открытый текст» (Нижегородского отделения Российского общества историков – архивистов) <http://www.opentextnn.ru/history/familisarchives/memoirs/suvorovtsy/?id=1111>.

В начале 1830 года, по желанию императора Николая I, был составлен проект учреждения губернских кадетских корпусов. Их предполагалось создать для того, чтобы доставить возможность малолетним дворянам различных губерний воспитываться недалеко от их семей. Финансирование кадетских корпусов должно было производиться за счет пожертвований губернского дворянства. Открытие Новгородского кадетского корпуса было значительно приближено, когда, в 1833 году, генерал от артиллерии граф Алексей Андреевич Аракчеев внес 300 000 рублей ассигнациями в Императорскую сохранную казну. На проценты с этих денег должны были воспитываться дети дворян Новгородской и Тверской губерний.

При открытии кадетского корпуса в числе почетных гостей находился А. А. Аракчеев, запомнившийся нам по учебникам истории как олицетворение самодержавной реакции и деспотизма. Большой любитель «муштры и фрунта», он, действительно, жестоко выполнял указ Александра I о военных поселениях, но зато не принял участия в подавлении восстания декабристов, за что и был отправлен в отставку Николаем I.

Грешен, видимо, был на самом деле, ибо перед Всевышним готов был оправдать все свои земные деяния. После того, как он скончался, по духовному завещанию графа в пользу кадетского корпуса поступило и все остальное богатство графа: имение в селе Грузино, движимое и недвижимое имущество, библиотека, насчитывающая более 10 тысяч томов книг, редких вещей, медалей, портретов и рескриптов Павла I и Александра I.

С 1834 по 1908 годы в Новгородском/Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе (в 1864 году заведение перевели в Нижний Новгород) было подготовлено более 5 тысяч воспитанников. Девизом корпуса стали слова, высеченные на здании аракчеевского дворца: «Без лести предан».

Воспитанник кадетского корпуса поэт Н. И. Сергиевич так незамысловато описал время кадетства:

*И, несмотря на мрачность места,
Средь вековых густых лесов,
В гнездо со всех концов России
Слеталось множество птенцов...*

Итог кадетского воспитания: 25 «аракчеевцев» стали георгиевскими кавалерами за героическую оборону Севастополя, освобождение

Болгарии от турецкого ига, за отличия на полях Маньчжурии, в степях знойной Туркмении, в горах Кавказа.

На сайте Нижегородского отделения Российского общества историков – архивистов есть интересные подробности учебы и быта кадетов (например, что и как они изучали), но моя повесть – не об этом. Нам следует покинуть новгородские леса и поспешить дальше, чтобы узнать, кому Николай Николаевич Назаров отдал свое сердце.

Дерзкая девчонка Сары

Каким он был внешне – Николай Назаров? Судя по картине Верещагина, сильным, жилистым блондином с пшеничными усами. Дошли до нас и воспоминания сына художника – Василия Васильевича Верещагина, где дан словесный портрет нашего героя при описании совместной поездки по железной дороге:

«...Я стоял с отцом в коридоре, когда на одной из больших станций в наш вагон вошел отставной генерал, очень бодрый, плотный, среднего роста. Как сейчас помню необыкновенно свежий, розовый цвет его лица с большим румянцем, который контрастировал с его совершенно белыми волосами. Отец и генерал одновременно увидели друг друга. Раздались радостные восклицания: «Василий Васильевич!» – «Николай Николаевич!» С этими словами они бросились друг к другу, обнялись и крепко поцеловались. Отец схватил меня за руку и радостно сказал: «Помнишь мою картину в Третьяковской галерее, где у крепостной

стены во главе солдат стоит офицер с саблей в руке, говоря: «Тссс! Пусть войдут!», так вот ты теперь видишь этого офицера!».

Познакомив Назарова с женой, отец уселся с ним в купе, и они несколько часов беседовали с таким увлечением, что генерал чуть было не пропустил станции, на которой должен был выйти» (Верещагин В. Воспоминания сына художника, Л. 1982).

Ни в воспоминаниях, ни в энциклопедии, ни в монографиях мне не удалось найти официальных сведений о личной жизни Николая Николаевича Назарова. Был ли Николай Назаров холост или, может, в Петербурге или Твери его ждали жена и дети? Я могу лишь предположить, что при столь насыщенной боевой биографии – из похода в поход! – у него просто не было возможности завести семью.

Да и была ли сама семья в классическом смысле этого слова? Тоже не знаю, но можно умозрительно прикинуть, что нашему герою было уже далеко за 40, когда он стал отцом деда моего мужа. По тем временам – вполне такой себе «старый генерал» из романа «Евгений Онегин».

Все, что я пишу далее – и есть семейная легенда, которую я обнаружую впервые. И пересказываю ее так, как услышала от людей, отдаленных от тех событий двумя-тремя поколениями.

Наш путь лежит в Андижан. Читаем у Е. Л. Маркова: «Андижан, по своему официальному положению, является лишь уездным городом Ферганской области, но жизни в нем куда больше, чем в Скобелеве, да и по количеству населения (50000) он превышает его. Это, конечно, происходит от того, что Андижан является центром земледельческого района с могучими полосами леса и, кроме того, в его уезде находятся лучшие хлопковые плантации края. Азиатская часть города никакого значения не имеет. Туземцы почти все живут рядом и вместе с русскими. Как достопримечательность, стоит осмотреть братскую могилу и мавзолей над воинами, павшими во время туземного восстания 1898 года. Но главная, настоящая достопримечательность Андижана – это его невероятная, чисто легендарная грязь.

Уже с вокзала начинается она, жидкая, желтая, в аршин глубины. Весь город тонет в ней, и о хождении пешком не может быть и речи. Были случаи, когда лошади тонули буквально вместе со своими седоками... И надо думать, что конюшни Авгия, сравнительно с андижанскими улицами, представляли собой, по чистоте, операционные залы

берлинской клиники! И живут же люди в таких клоаках!» (Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. – СПб., 1901.).

Другой автор В. П. Вошинин описывает Андижан более благожелательно: «Лучше всего и поэтичнее всего был воспет Андижан – теперешний уездный город Ферганской области и конечный восточный пункт Среднеазиатской железной дороги – еще в XVI веке знаменитым султаном Бабуром, завоевателем Индии и основателем империи Великих Моголов, сделавшим этот город даже столицей для всей Ферганы.

В самом деле, подумайте: по словам султана Бабура, Андижан, помимо общих прекрасных условий, славился дивными фруктами, особенно грушами – «лучшими в мире», а также дынями и виноградом; дичи в окрестностях водилось огромное множество, особенно жирных фазанов; последние были так велики, что четыре человека не могли справиться с одною ногою фазана!.. Не без некоторого священного трепета подъезжал я к столь чудесному месту... Но, да простит мне Бабур: Андижан – городишка прескверный, по крайней мере, с точки зрения современного европейца-туриста.

Пыль, жара страшная. Ищу хваленые фрукты – пожалуйста на туземный базар, где грязь до того возмутительна, что сначала отказываюсь от всякой покупки. Постепенно, однако, привыкаю и к этому, слегка утешаясь сознанием, что палящее солнце хоть немного дезинфицирует, и в результате накупаю и груш, и винограду, и персиков. Любопытная подробность: купили вы фруктов и несите, как знаете; в лучшем случае вам дадут «листик» бумаги. За бумажный мешок плата особая...» (Очерки нового Туркестана: Свет и тени русской колонизации. – СПб., 1914).

...Жаркий день. Солнце палит невыносимо, на улицах Андижана пустынно, и я представляю себе щегольский тарантас, еле передвигающийся из-за того, что его колеса вязнут в густой городской пыли. В тарантасе едет блондин-офицер с седеющими висками. Офицер дает кучеру указание притормозить у лавки богатого андижанского купца.

Зачем блестящий русский офицер Николай Николаевич Назаров заглянул в купеческую лавку? Ведь все покупки для него мог сделать денщик. Возможно, Николай Николаевич возвращался с прогулки и у него было хорошее настроение, и он лично решил выбрать что-нибудь для себя или в подарок сослуживцу?

В лавке, низко кланяясь, его встретил сам хозяин, стал показывать товар. Отцу помогала дочка, девочка лет пятнадцати. Нежный, только распутившийся бутон экзотического цветка, но по тем временам и нравам – уже невеста. В вышитой золотом тюрбетейке, с многочисленными косичками и огромными черными глазами-маслинами юная купеческая дочка была, чудо, как хороша!

Назаров накупил больше, чем намеревался. Товар, среди которого – две хрупкие антикварные вазы китайского фарфора, погрузили в повозку. Трудно поверить, но, по легенде, хозяин лавки вроде как добровольно в знак особого доверия отправил девочку сопровождать повозку с покупками. Назаров пожелал подольше пообщаться с этой девчонкой, которая оказалась к тому же еще и сообразительна, и любопытна!

Девушку звали Сары. Среди богатых купцов в Андижане были, надо полагать, и армяне, и татары, и бухарские евреи. Местное тюркское городское население называли «сартами», что в переводе с древнетюркского означает «купец» и на санскрите «купец, водитель каравана».

Во Всероссийской переписи (1870), если речь шла о населении Туркестана, кочевников «именовали киргизами, горожан – сартами,

а крестьян – узбеками». В 1871 году военный востоковед Лев Феофилович Костенко так прокомментировал слово «сарт»: «...Так как все оседлые жители правого берега Сыра (равно как и в Хивинском ханстве) называются сартами, то и заключили, что это название есть местное наименование племени таджиков. В действительности не так. Мои наблюдения привели к следующему: слово таджик означает название племени, слово же сарт – название рода жизни, занятий, в переводе оно значит торгаш, человек, занимающийся торговлею, горожанин, мещанин. Это название дано кочевниками Средней Азии людям, живущим в городах, какого бы происхождения они ни были (узбеки, татары, персы, все равно). Таким образом, название сарт как бы противопоставляется кочевнику, а также земледельцу (земледелие и оседлость в Туркестане не все равно)».

Словарь тюркских имен дает имени Сары свое толкование. Оно распространено у тюркоязычных народов, например, у татар, и означает «золотистая», «золотоволосая». Назаров показал гостю свой «дворец» (откуда в Андижане дворец, какой дворец? – но так по устному преданию), угостил сладостями и щербетом. Особенное впечатление на юную красавицу произвел красивый сундучок с «двигающимися картинками». Надо было крутить ручку и заглядывать в окошко, в котором сменяли друг друга виды Парижа с гуляющей публикой, среди которой девочку особенно поразили диковинные женщины – дамы в красивых европейских платьях по фигуре и шляпках, украшенных цветами.

Когда тарантас доставил Сары домой, девчонка оказалась с характером – под стать нашему герою, своенравной и даже дерзкой! Отдав выбежавшему ей навстречу отцу деньги за товар, вдруг громко крикнула вознице: «Вези меня обратно! К урусу, во дворец!».

Поразительное поведение для девчушки, воспитанной в мусульманской традиции! Это как же ей должно было быть душно в отцовской лавке, чтобы она решилась на такое? Может, юная красавица прельстилась богатством и таинственной жизнью свободных европейских женщин? Или все-таки «храбрый кавказский рубака» дерзко украл девчонку, а той от стыда не оставалось ничего, как сделать вид, будто ей понравился удивительный «белый офицер»?

Если верить тому же Евгению Глущенко, автору монографии «Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования», который опи-

рается на свидетельства того времени, местные «девушки и женщины охотно шли на содержание к русским. В одном из городов Ферганы, спустя всего несколько месяцев после прихода русских войск, дочь бывшего раиса (начальника) вступила в сожителство с русским чиновником. Жены уходили от мужей, а дочери от родителей, издеваясь над теми, кто за непослушание мог вывести их за город и побить камнями». Но, чтобы так поступить, надо быть очень решительной особой!

Так или иначе, но на следующее утро в лавку купца якобы опять пожаловал Николай Николаевич Назаров собственной персоной с подарками, желая объясниться. Но там хозяйничали и пересчитывали товар совершенно чужие люди! Рассказывают, будто бы всего за одну ночь купец продал лавку вместе с товаром, собрал жену, остальных детей и уехал из Андижана восвояси. За одну ночь! Говорили, он уехал, чтобы никто не попрекал его страшным позором, который навлекла на весь его род непокорная дочь Сары.

Во «дворце уруса»

...Осенью 1983 года поезд «Москва-Андижан» после трех дней пути прибыл вечером на станцию назначения. Нас с мужем встречали дальние родственники, с вокзала мы пешком пошли к ним в гости, ужинали, часа через два-три, уже глубокой ночью, вышли прогуляться. Минут через десять очутились на просторной гулкой в поздний час площади. Один из родственников показал на двухэтажное старинное здание и сказал мне: «Вот дом Сары». И почти сразу же мы уехали на машине из Андижана в Ош.

Недавно я пыталась найти этот дом на андижанских фотографиях в Интернете. Нашла эту площадь. Теперь она носит имя Бабура – тимуридского правителя Индии и Афганистана, полководца и поэта, основателя империи Великих Моголов (1526).

На фотографии вы видите площадь Бабура. За памятником властителю средневековой империи под зеленой крышей стоит комплекс домов дореволюционной постройки, не очень-то ухоженный, за исключением свежееотремонтированной левой части с интересными арочными окнами. Думаю, я его узнала! Но, чтобы не ошибиться, я пытаюсь с помощью узбекских родственников уточнить дом и получить его фото.

Андижан. Площадь Бабура. Узбекистан (современный вид)

Что же касается взаимоотношений Николая Николаевича и Сары, то об этом в семье тоже ходят легенды. Генерал по-своему решил воспитывать юную подругу. Нанял русских учителей, она училась языкам, математике и хорошим манерам. Значит, очень хотела учиться! К точным наукам Сары проявляла большие способности. В шахматы она не раз обыгрывала Николая Николаевича. Или это он, пряча улыбку в пшеничные усы, ей поддавался?

Мы с мужем также спрашивали себя, а вот, как они решили матримониальный вопрос? Не так давно в Интернете я встретила статью под названием «Потомки Ермолова». Автор – священник Русской православной церкви о. Сергей (Разумцев) так описывает женитьбу генерала Ермолова на одной из кавказских княжон: «Гражданский закон того времени позволял вступление в брак по правилам мусульманского закона и по принятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или Христианского духовного правительства. Брачный договор (кебинный акт) составлялся с согласия родителей мусульманским духовенством по правилам шариата в присутствии свидетелей

и вносился в метрические книги. Не решаясь на церковный брак, Ермолов поступил в строгом соответствии с обычаями, господствовавшими среди мусульманского населения, чем внушал к себе уважение горцев. В ноябре 1819 года, после разгрома Ахмед-хана Аварского у Балтугая, Ермолов прибыл в дружественную к России Тарку. Шамхал Тарковский восхищался Ермоловым (...). Пытаясь угодить царскому наместнику и вместе с тем знатному жениху, он представил ему местных красавиц. Здесь ему понравилась молодая черкешенка Сюйда, дочь Абдуллы. Ермолов обсудил с родителями денежные условия (калым), те пригласили муллу, свидетелей и заключили кебин. На будущее он все-таки надеялся привести жену в православие и узаконить христианским венчанием. О чем не раз говорил с владыкой Кавказским Феофилактом».

Очень удивилась, когда об этом прочитала, но хотя бы стало понятно, каким образом можно было в те времена узаконить отношения и права наследования, обойдя разницу в вероисповедании. Впрочем, кому до этого было дело вдаль от Петербурга?

Женщина из Бухары. Фото конца XIX века (фрагмент)

У Николая Назарова и Сары родился сын, которого назвали Сахибом. Обитательницу «дворца» в Андижане местные стали называть не иначе, как Сары-байхатын (байхатын – женщина-бай, властительница). До сих пор в этой истории для меня остается загадкой, когда встретились Николай Назаров и Сары? В известной мне биографии Николая Николаевича есть «пробел» 1868–1874 годы, когда я не знаю, что он делал после самаркандских событий. Мог он находиться в гарнизоне в Андижане или быть военным губернатором? Военным губернатором точно не мог, вопреки семейной легенде. А вот бывать, например, по каким-то делам, связанным со взаимоотношениями с Худояр-ханом, – вполне. Вероятно, в Андижане находилась даже некая военно-административная миссия (отсюда семейная легенда о «наместнике»), как же без этого?

В эти годы Андижан входил в состав Кокандского ханства, в котором правил Худояр-хан, принявший в 1868 году предложенный ему генерал-адъютантом фон-Кауфманом торговый договор. В силу этого договора русские в Кокандском ханстве и кокандцы в русских владениях приобретали право свободного пребывания и проезда, устройства караван-сараев, содержания торговых агентств (караван-баши), обе стороны пользовались льготными пошлинами.

В течение нескольких лет правитель Кокандского ханства Худояр послушно исполнял волю туркестанских властей. По настоянию Кауфмана, он прекратил военные действия против Бухары. И даже, по донесениям дипломата Струве, «строил дворцы, базары, караван-сарай, разводил сады, задавал большие пиры для угощения народа». Хану были вручены бриллиантовые знаки ордена святого Станислава I степени и титул «светлости». То есть до 1874–75 годов в Андижане царили мир и спокойствие, приезжали русские предприимчивые люди и русские военные чувствовали себя вполне комфортно.

Мир и покой оказались недолговечны. В Андижане вспыхнул мятеж, и город в 1876 году пришлось усмирять войсками под командованием Михаила Скобелева. Тогда же состоялось высочайшее повеление о присоединении всей территории Кокандского ханства и образовании Ферганской области, в которой Андижан получил статус уездного города, а пост первого военного губернатора занял Скобелев.

Но в 1876 году Назаров уже не мог быть в Андижане. Поскольку еще в 1874-м он получил назначение командовать Зарайским полком, расквартированным в Костроме. И в то же самое время, когда Скобелев взял Андижан, закончилась и спокойная тыловая жизнь воинов Зарайского полка: был получен приказ о мобилизации на Балканы.

Прочитав предыдущие главы повести, моя однокашница по МГУ, работающая в агентстве Рейтер в Бишкеке Ольга Дзюбенко вспомнила, что известный киргизский писатель Толеген Касымбеков (ныне покойный) в романе «Сломанный меч» упомянул русского генерала и его жену-узбечку. Оля сообщает, что это был очень тщательный исторический романист, который в своем творчестве опирался на архивы. Что ж, возможно, историки Андижана могли бы добавить новые детали и подробности к этой романтической истории...

Под звездами Балканскими

П. Ковалевский. «Привал 140-го пехотного Зарайского полка 35-й пехотной дивизии. 1877 год» (1880)

И вновь Николай Николаевич Назаров оказывается героем живописного полотна. Это картина П. Ковалевского под названием «Привал 140-го пехотного Зарайского полка 35-й пехотной дивизии. 1877 год». Сначала я подумала, что вот командир полка – в эполетах присел на камень и устало расстегивает ворот кителя! Но по возрасту Николай Николаевич Назаров старше. Так вот он где! Слева: прилег в изнеможении, подперев голову рукой, отдыхая. Ну, конечно же, это он – этого рыжеватого блондина, героя туркестанских походов, спутать ни с кем невозможно, благодаря неподражаемым пшеничным усам. Это тот самый бесшабашный офицер, которого написал В. Верещагин в своей картине «Пусть войдут» у ворот Самаркандской крепости, только здесь нашему герою уже без малого пятьдесят лет. И он еще воюет!

Зарево над Зараево

Летом 1875 года в Боснии и Герцеговине началось восстание против турецких захватчиков, которое в конечном итоге спровоцировало восстание и в Болгарии весной 1876 года.

В отместку турецкие войска жестоко расправились с населением, это был настоящий геноцид: погибли свыше 30 тысяч человек; в особенности свирепствовали – башибузуки, частные парамилитарные формирования (если выражаться современной лексикой).

План войны против Турции был составлен ещё в октябре 1876 года генералом Н. Н. Обручевым. К марту 1877 года проект был исправлен самим императором, а также военным министром, главнокомандующим, великим князем Николаем Николаевичем-старшим, его помощником генералом А. А. Непокойчицким, помощником начальника штаба генерал-майором К. В. Левицким.

Существовало два возможных театра боевых действий: Балканы и Закавказье. Ключевыми были Балканы, так как именно тут можно было рассчитывать на поддержку местного населения.

И Николай Николаевич Назаров отправился воевать на Балканы во главе 140-го Зарайского полка.

На краеведческом сайте «Забытая Кострома» гвардии подполковник в отставке, заведующий военно-историческим отделом Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Михаил Белоус поместил статью об истории Зарайского полка и его участии в войне на Балканах. Он пишет: «12 сентября 1874 года командиром полка назначен герой Туркестана, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени и Золотого Георгиевского оружия «За храбрость», полковник Назаров Николай Николаевич. С этим добрым и храбрым командиром зарайцы готовились к войне и он же водил их в бой. Все боевые отличия за войну 1877–1878 годов также заслужены полком под его началом» (<http://starina44.ru/140-y-pehotnyy-zarayskiy-polk>).

Как отмечает М. Белоус, мирная жизнь зарайцев закончилась 2 ноября 1876 года, когда был получен приказ о мобилизации. При этом полк выделил офицеров для формирования 140-го запасного пехотного батальона, который на протяжении всей войны дислоцировался

в Муроме Владимирской губернии. Полк заготавливал сухари, принимал по воинской повинности лошадей, нагружал обоз и патронные ящики. Затем стали прибывать партии нижних чинов, призываемых из запаса для пополнения полка до штатов военного времени. В манеже проводилась разбивка по ротам, а в ротах выдавалось оружие, производилась подгонка обмундирования и снаряжения. Словесные занятия, а также одиночное, шереножное и ротное учение приходилось проводить максимально быстро.

23–25 ноября 1876 года полк поэшелонно выступил пешим порядком в Ярославль, а оттуда поездом через Москву прибыл в Житомир.

После объявления войны Турции, в апреле 1877 года, полк выступил из Житомира и двинулся на театр военных действий. Несмотря на весеннюю распутицу, полк 14 июня прибыл к Дунаю. 16 июня полк переправился черед Дунай и вступил на землю Болгарии.

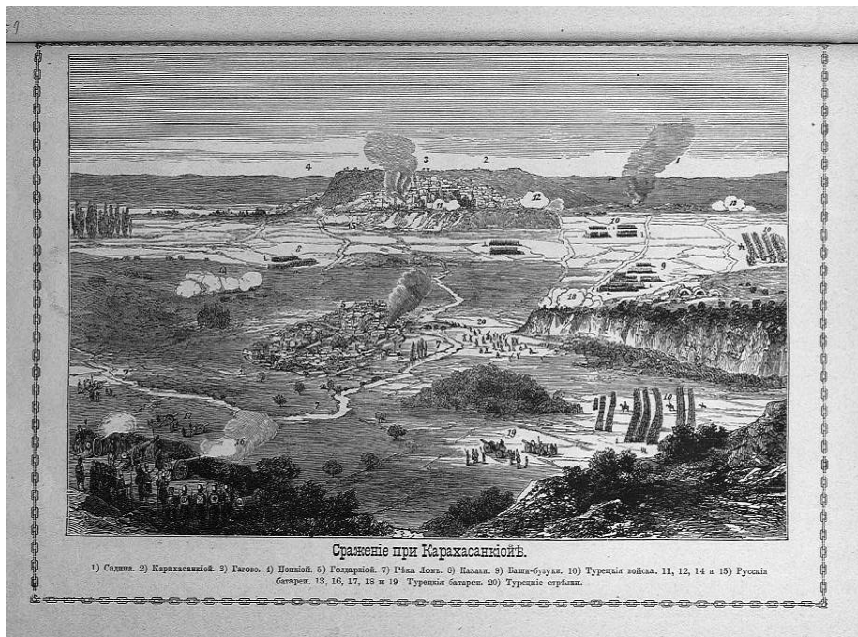
Дунай – крупнейшая река Центральной Европы – была избрана турецкой стороной в качестве передового рубежа обороны. Здесь неприятель намеревался устроить русским войскам поистине «горячую» встречу. Османский главнокомандующий Махмед Али-паша дал клятву султану, что не позволит русским вступить на правый, турецкий берег и в случае попытки форсирования утопит армию неверных в Дунае.

В слагаемых успеха русской армии специалисты и по сей день числят отменную подготовку войск, выработанную у каждого солдата привычку к самостоятельности, у каждого офицера – к инициативе.

Военные авторитеты признали форсирование Дуная и последовавший бой классикой военного искусства. Этот опыт преодоления большой водной преграды вскоре станут изучать во всех военных академиях Европы. Ведь до сих пор военная история не знала подобных примеров того, чтобы крупное соединение под огнем неприятеля с ходу взяло такой водный рубеж, как Дунай, да еще и с почти символическими потерями.

17 июня великий князь отдал приказ по армии, которым воздавал должное войскам за совершённую переправу. «Не моим заслугам», – говорилось в приказе, – а Вашему самоотвержению и мужеству приписываю я награду, которой Государь Император удостоил меня пожаловать. Не я, а вы заслужили эту награду. Сердечное спасибо моё всем, от старшего начальника до рядового».

За этот успех главнокомандующий – великий князь Николай Николаевич был награждён орденом Святого Георгия 2-й степени, о чём объявил ему лично император Александр II, провозгласивший «ура!» главнокомандующему и войскам.

После переправы зарайцы в течение четырех дней оборудовали спуск к создаваемому через Дунай мосту, а после этого были включены в состав Рушукского отряда, предназначенного для блокады турецких крепостей вдоль Дуная.

18 августа 1877 года Назаров действовал в отряде генерал-майора Леонова 2-го, с двумя ротами Зарайского полка и двумя орудиями Донской конной № 9 батареи атаковал турецкие позиции у Садины и вытеснил оттуда неприятеля. Затем Леонов приказал Назарову отойти от Садины назад и на позициях у деревни Карахасанкой прикрывать левый фланг его отряда.

Это трудно представить, но зарайцы совместно с дивизионом Лубенских гусар (всего около 3000 человек) остановили наступление

12 тысячного турецкого войска, то есть противник превосходил их по численности в четыре (!) раза.

«К концу дня противник бросил в бой новые силы, – сообщил корреспондент английской «Дейли ньюс». – На подмогу зарайцам из села Гагово прибыл батальон 39-го Моршанского пехотного полка. Соединенными силами русским удалось штыковой атакой прорвать кольцо окружения».

В заключение корреспондент «Дейли ньюс» отмечает: «За весь день я не видел ни единого случая проявления страха кем-либо. Единственное, что можно было услышать время от времени, это: «Их много». (Источник: Генев Ц. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. – София: София Пресс, 1979. <http://militera.lib.ru/h/genov/index.html>).

В этом бою полк потерял 12 офицеров (из них троих убитыми) и 365 нижних чинов (из них 90 – убитыми).

Память о славном сражении зарайцев у Карахасанкое сохранилась не только на страницах полковой истории и в других документах. Жители села в память о зарайцах ходатайствовали о переименовании села в Зараево (и в настоящее время посёлок под этим названием существует в Болгарии).

Сражение при Мечке и Трестенике

Следующим большим делом, в котором пришлось принять участие зарайцам, был бой 30 ноября при Мечке и Трестенике. Турки большими силами атаковали русские войска, и после упорного боя были остановлены. Под звуки музыки и с развёрнутыми знамёнами двинулись зарайцы на противника и турки побежали.

«Утром 30 ноября турки атаковали нас по всей линии с замечательной отвагой, но повсюду были отражены усиленным огнем. Переход русских войск в наступление довершил расстройство неприятеля, часть войск которого обратилась в бегство, причем сам генерал Сулейман-паша с его штабом едва не попал в плен. Особенно большие потери понесли турки во время обратной переправы через реку Лом, под огнем русских батарей. В обоих сражениях под Мечкой у нас вышло из строя более 50 офицеров и 1500 нижних чинов; потери турок превышали 4 тысяч. Вторичный бой под Мечкой, предпринятый турками, подобно

первому, для отвлечения русской армии от Плевны, оказался с их стороны бесплодным кровопролитием, так как уже 28 ноября Осман-паша сдался; но Сулейман-паша узнал об этом лишь в конце сражения» (Энциклопедия Брокгауза Ф. А. и Эфрона И. А. 1890–1916 гг.).

Во время сражения 28 ноября под Мечкой Назаров командовал 2-й бригадой 35-й пехотной дивизии.

«Голова колонны 2-й бригады 35-й дивизии полковника Назарова подошла к Трестенику. Тогда Великий князь приказал ей и Украинскому полку идти вдоль шоссе на Руцук и, зайдя правым флангом, ударить на левый фланг турок, а барону Дризену с кавалерией содействовать этому наступлению».

В это время, когда вполне сказалось успешное наступление Назарова и на действиях турок, атаковавших Мечку, было приказано перейти в наступление всем остальным войскам Мечкинского участка. Великий князь приказал наступать самым энергичным образом, но вскоре наступление обратилось уже в преследование, закончившееся лишь с наступлением темноты.

«Сражение под Мечкой – Трестеником, закончившееся нашей блестящей победой, представляет собой последнюю наступательную попытку армии Сулеймана против нашего Восточного фронта. В продолжение пяти месяцев войска Руцукского отряда, под начальством и руководством наследника российского престола и затем императора великой России Александра III, выдерживали почти непрерывные бои и сражения с противником, постоянно превосходившим их числом (иногда в несколько раз), имевшим выгоды наступательного образа действий, опиравшимся на сильные крепости, располагавшим хорошими путями сообщения и предводимым считавшимся лучшим из турецких военачальников. Своей невидной, но чрезвычайно важной службой Руцукский отряд не только облегчил, но и дал возможность всей русской армии одержать победу на других, более важных пунктах театра войны» (История русской армии. Том 3., Восточная война 1853–1856 гг. Авторы: Андрей Медардович Зайончковский и другие).

С тех самых пор и по сей день в Болгарии во время литургии в православных храмах поминаются Александр II и все русские воины, павшие на поле боя за освобождение Болгарии в Русско-турецкой войне 1877–1878 года.

Все боевые отличия за войну 1877–1878 годов заслужены Зарайским полком под началом Николая Николаевича Назарова. Будучи произведён в генерал-майоры, полковник Назаров был высочайше награждён орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами, мундиром Зарайского полка и отчислен от должности командира полка с назначением состоять при штабе Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-старшего.

На картине профессора батальной живописи Николая Дмитриева-Оренбургского «Въезд великого князя Николая Николаевича в Тырново 30 июня 1877 года» не генерала ли Назарова мы вновь видим в свите великого князя?

Интерлюдия. Александр Семенович Гурьев – однополчанин

*Александр Семенович Гурьев
(1841–1877)*

После публикации этой главы в Живом журнале, пришел интересный отклик из Москвы. Написал Игорь Гурьев. Его предок Александр Семенович Гурьев служил в 140-м Зарайском полку подпоручиком.

«Был убит 30 ноября 1877 года в сражении при Мечке и Трестенике, – пишет Игорь. – Его имя есть на мемориальной плите в храме-памятнике на Шипке. В моем семейном архиве имеется документ подписанный Назаровым и скрепленный полковой печатью».

Игорь любезно прислал мне его копию!

Благодаря потомку подпоручика Гурьева, у меня теперь есть и автограф нашего героического предка. Вот он – с собственноручной подписью.

Документ, подписанный Назаровым, представляет собой свидетельство жене прапорщика (на тот момент) Евгении Васильевне Гурьевой, выданное в Костроме, ровно за год до гибели мужа. На документе видны карандашные исправления. Он, видимо, послужил черновиком для нового свидетельства – уже для вдовы погибшего офицера.

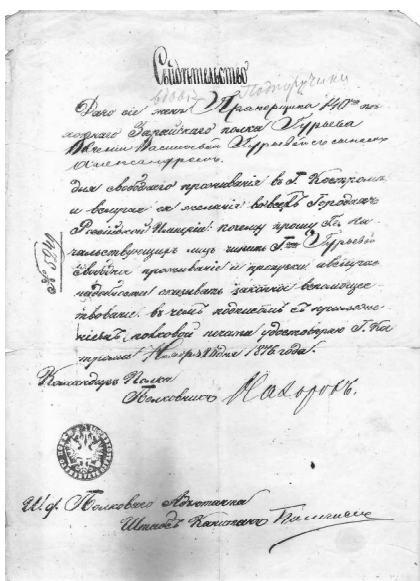
Сколько лет прошло, а память, действительно, вечна!

И еще Игорь любезно прислал мне текст письма А. С. Гурьева, в котором упоминается Н. Н. Назаров в день отправления полка к театру военных действий в апреле 1877 года.

Орфография сохранена (но я все-таки расставила знаки препинания – Е. З.):

«...16-ого апреля я был в Канцелярии и там начали офицеры фехтовать между собой, я тоже стал с Толстиковым; а он, забыв, что у нас отпущены (заточены) сабли, нечаянно ударил меня по большому пальцу правой руки так, что разсек мне кость, за такую неосторожность полковник (Назаров), который при этом был, арестовал Толстикова на семь дней, палец-же мой так сильно болел, что его в госпитале, куда я

ходил показать его, хотели отрезать, но я не согласился, 20-го числа я собрался в поход и, хотя не мог надеть перчатки, но все таки хотел идти с полком; но во время напутственного молебствия начальник дивизии, заметив, что я очень бледен и весь в поту, посоветовал мне через Назарова остаться до выздоровления в Житомире; а потом догнать полк, тем более, что он знал, что я был в госпитале сильно болен и также о моей ране, я все таки не соглашался остаться, тогда он сам подъехал ко мне и сказал, что я рискую заболеть дорогой и по неимению на пути хороших госпиталей могу без всякой помощи остаться и умереть без пользы для себя и семейства, тогда я остался».

Документ, подписанный
Н. Н. Назаровым

Позже А. С. Гурьев догнал свой полк. Его потомок Игорь называет этот случай «незначительным эпизодом живой истории наших предков».

Ну, каков подпоручик! Храбрый офицер готов был с серьезной травмой отправляться в поход. Правильно распорядился Николай

Николаевич – в походе рана могла нагноиться. Жаль чудесного парня погибшего за свободу Болгарии. Так наша история проступает в образах простых людей и воспринимается совсем по-иному, чем когда читаешь скучное описание событий в учебниках.

Женщина-бай

Итак, генерал Назаров, оказывается, попал в ближайшее окружение великого князя Николая Николаевича – брата государя императора! Оказался приближенным самого царя. И тогда становится понятным утверждение его потомков о том, что перед Сары-байхатын трепетал весь Андижан.

Это было нечто неслыханное! Сары, родив сына, и живя практически в постоянном отсутствии своего покровителя, тем не менее, быстро осознала свою силу.

Рассказывают, что к началу XX века она практически стала верховодить в Андижане местными аристократами (баями) и купцами, председательствовала на городском байском хурале (что-то типа местного дворянского собрания), где ее словам внимали и решениям подчинялись влиятельные мужчины. Ее превосходительство Сары-байхатын вела «дворцовое» хозяйство, судила и рядила туземный «олигархат», совершала выгодные коммерческие сделки, приумножая благосостояние семьи. Перед ней заискивали, ее боялись и ее верховенство признавали.

Земельные угодья и сады, стада овец и верблюдов, счета в банках Российской империи. Пока муж добывал военную славу России, всем этим с купеческой сметкой распорядилась она, Сары-байхатын.

Но и характером она была этим задачам под стать! Удивительно, как такую «железную леди» могло породить азиатское общество того времени. Тем не менее, судя по рассказам, передающимся в семье из поколения в поколение, это было так. Известно множество случаев, когда в домах видных российских военных, постоянно пребывающих в походах и связанных неофициальными брачными узами, любимые женщины находились в статусе управительниц (кстати, подобного рода личная жизнь была у генерала артиллерии, графа А. А. Аракчеева).

Устная история семьи не оставляет сомнений, что Назаров заботился о Сары, беспокоился о воспитании сына Сахиба.

Ну, а по окончании военных действий на Балканах генерал Назаров был переведён на должность командира 3-й пехотной дивизии (штаб в Калуге). В генерал-лейтенанты произведён 30 августа 1888 года. В конце 1891 года Назаров вышел в отставку и поселился в Санкт-Петербурге.

В справочной книге «Весь Петербург» за 1907 года указан его адрес: ул. Фурштатская, 48. На картинках в Интернете на современной Фурштатской числятся два дома под № 48. С правой стороны изящный особняк Петелина. Слева – фешенебельный доходный дом. И вот я в раздумьях: а в каком именно из них жил наш предок?

Практически все хозяева в начале прошлого века уже сдавали свои дома внаем, целыми этажами. Например, сами могли жить на 2-м этаже, а первый сдавать и т.п. Так что Николай Николаевич мог себе позволить как снимать этаж в особняке Петелина, так и в доходном доме.

В Списке генералам по старшинству, составленном по 1 сентября 1891 года (С.-Петербург, Военная типография в здании Главного Штаба), указано его внушительное годовое содержание.

Генерал-Лейтенанты.		299
888 30 Авг.	НАЗАРОВЪ <i>Николай Николаевич.</i>	Полк. образ. Новгор. Гр. Авагчева кэд. Корп.
		Занимал должности:
	По арм. пѣх.; нач. 3 пѣх. див.; числ. въ 140 пѣх. Забайск. П.	Ком. есаулр. 1 г. 7 м.; 9 Туркестанск. элч. 6 98 Янв. — 1 Ян. 888; 140 дѣл. Забайск. и. 12 Сѣн. 874—45 Янв. 877; 1 бр.; 15 дѣл. авст. 19 Мая 878—19 Авг. 889; 15 пѣх. див. 9 Авг. — 31 Ян. 889.
	Род. 4 Фев. 828.	Числ. должн. 31 Ян. 889.
	Вприсп. прав.	Числ. 849, 854, 857, 859, 861, 862, 866, 877—878.
	Женатъ.	
	Въ сл. вст. . . 13 Ян. 848.	Награды:
	Пр. — — —	Кав. 382; с.Ср. 2 М., с.Ср. 2 Имп. кор., с.Львур. 4 и Полк. 867; Полк. 868 и др. с. В. 3 м. 889; Панаг.-Бр. 877; с.Ср. 1 м. 878; с.А. 1 880; с.В. 2 883; Тавар.-Кав. 888.
	Пор. 28 Ян. 858.	
	Пл.к. 12 Янв. 868.	
	Маяр. 9 Мая 861.	
	М-ры 17 Янв. 863.	
	Подплк. 14 Янв. 867.	
	Полк. 6 Ян. 868.	
	генер.-М-ры . . 18 Авг. 877.	
	Содерж.: Жилое 1.356 р. Служб. 2.400 „ Добав. 1.800 „ Наския по орд. с. Госуд. 690 „ 5.886 р.	

Список генералам по старшинству (1891)

В отставке он прожил еще долго. В Списке генералам по старшинству за 1891 год отмечено его семейное положение: женат.

Кто имелся в виду в качестве супруги? Сары-байхатын? Или в Санкт-Петербурге наш храбрый вояка нашел себе симпатичную вдовушку и обвенчался с нею, чтобы она украсила его старость в столице? Мог ли он иметь еще детей? Вполне, если супруга была молодая. Как было бы интересно узнать! Но в Списке генералам по старшинству дети не указаны, хотя у других персоналий в этом документе есть такие данные. Его сын Сахиб к тому времени уже был совершеннолетним. В общем, загадки еще остаются.

...Удивительная биография и судьба у Николая Назарова. Вся жизнь – в непрекращающихся военных походах!

Перечень его наград впечатляет: орден Святой Анны 3-й ст. (1855), орден Святого Станислава 2-й ст. (1867), орден Святого Георгия 4-й ст. (1867), Золотое георгиевское оружие «За храбрость» (1869), орден Святого Владимира 3-й ст. (1869), орден Святого Станислава 1-й ст. (1877), орден Святой Анны 1-й ст. (1880), орден Святого Владимира 2-й ст. (1883).

Обладая безумной храбростью, надо было умудриться выжить во всех этих передрягах. Он воевал, словно заговоренный.

Скончался Николай Николаевич Назаров 27 июня 1907 года на 80-м году жизни, пережив очень многих своих соратников, его похоронили на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге.

*Великий князь Николай Николаевич и генерал Гурко
со штабом армии и иностранными военными наблюдателями,
Сан-Стефано 19 февраля 1878 г.*

И когда я читаю стихотворение Николая Гумилева «Туркестанские генералы», я знаю, что оно посвящено и ему:

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мирное сверканье балов,

Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.
Приветный голос, ясный взгляд
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы.

И кажется, что в вихре дней,
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.
Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: «К оружию»,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;

Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.
Забыли? – Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,
Напоминает им о прежнем.
«Что с вами?» – «Так, нога болит».
– «Подагра?» – «Нет, сквозная рана».
И сразу сердце защежит
Тоска по солнцу Туркестана.

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов
Средь копий Греза и Ватто
Средь мягких кресел и диванов,
Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Вспоминаньем о невзгодах.

Красные крестины

Ученики русско-туземного училища в отделе начальной школы (1909)

Империю долго поднимало на дыбы: от единичных, все учащающихся терактов, которых общество в массе своей сначала не понимало, затем опасалось, а потом – фатально к ним привыкло, до Первой русской революции 1905 года, свершившейся еще при жизни генерала Николая Николаевича Назарова.

Сахиб – острый язык

Сахиб Назаров – сын Николая Николаевича и Сары в 1918 году принял Советскую власть. Он, учившийся в университетах Санкт-Петербурга и Парижа, приобщился к вольнодумству и народничеству среди петербургского студенчества, восхищался в Лувре картинами

Эжена Делакура, читал марксистскую литературу. Николай Николаевич отправил сына из Санкт-Петербурга учиться в Париж, подальше от студенческих беспорядков, но получилось наоборот. Сахиб Назаров во Франции еще больше укрепился в убеждении: государственный строй в царской России необходимо менять. Как и многие обеспеченные и образованные люди своего времени, он был недоволен царским режимом и консервативными порядками в обществе, в котором разночинная образованность и бурная молодая капиталистическая энергия рвались на волю.

Сары-байхатын долго держала судьбу сына в своих властных руках. Она сама выбрала Сахибу жену.

Билькабу – честно говоря, не знаю – это имя или ласковое семейное прозвище? Когда наши дети болели, мой муж обязательно вспоминал, как любимая бабушка Билкабу умела делать малышам массаж животика и целебные «растирки» от простуды. Такой осталась в его памяти узбекская бабушка, первая жена деда Сахиба – воплощением кроткого добра и хлопотливой заботы.

А вот Сахиб во время революционных событий в Андижане воспользовался возможностью избавиться от диктата постаревшей, но все еще властной матери. Влюбился в одинокую русскую женщину, работавшую машинисткой в уездном правлении, где Сахиб работал переводчиком, и уехал с ней в Ташкент, оставив первую семью. В Андижане его уже ничто не держало: единственная дочь Саодат – выросла и вышла замуж. Впрочем, он любил навещать и ее, и внуков, приезжая к ним вместе с «русской бабушкой».

Сахиб характером пошел в отца-генерала. Такой же смелый и заносчивый, он слыл острым на язык. Приезжая в гости к дочери и внукам, он располагался в чайхане, в тени громадной чинары, где собирались все его старые приятели, и под тихое журчание арыка громко ругал Советскую власть. События в стране, по его мнению, развивались не так, как должно. Разочарование в революции, похоже, раздирало его душу.

Удивительное дело: Сахиб Назаров ни разу не был арестован. Ни разу! Хотя тогдашний Ош, куда из Андижана переехала семья его дочери, по сравнению с нынешним областным центром – просто маленький городок. И тираду, произнесенную в чайхане на южной его

оконечности, через минуту, словно ветром принесенную, слышали на северной.

Приемыш из Ташлака

Для своей внучки Саодат Сары-байхатын также кропотливо подыскала жениха, исходя из практичной логики: семейное богатство должно приумножаться. Неважно, какого происхождения жених, важно, чтобы он был богат. В самый канун революции, не ожидая, что смута зайдет слишком далеко, она решила объединить свои капиталы с капиталами одного из самых богатых андижанских баев.

Тому баю, сколько бы жен он ни приводил в свой дом, ни одна не могла родить наследника. И тогда он привез в Андижан из Ташлака, воспитал и объявил наследником подростка Арипжана, старшего сына своих дальних и бедных родственников.

Ташлак – дальний кишлак в Ферганской области. Оттуда родом многочисленный род Маруфий (Маруфи). Мужчины в роду были арбакешами. По современному – экспедиторами. Лошадь и арбу (повозку) арбакеша арендовали, а тому, кто имел свой собственный такой транспорт, завидовали соседи.

Целыми днями арбакеш в дороге. В эпическом романе узбекских писателей Хабиба Нугманова и Ахмада Шарахмедова «Отец», в котором художественно описывается жизненный путь первого президента Советского Узбекистана Юлдаша Ахунбабаева, в юности бывшего арбакешем, описывается труд этих людей: «Всякий базарный день привозит в Узгень чужой товар. Владелец товара, ожиревший от обильной еды и безделья торговец, платит за это несколько таньга. На них и кормит арбакеш свою семью. Опоздай он к базару, не видать таньга, не будет в доме даже черствой лепешки...» (Ташкент, Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1984).

И оттуда же не могу не процитировать яркое описание базара в Узгене: «Шум, гомон. Одни торговые ряды чего стоят! Всего в изобилии, торгуют всякой всячиной. Диковинный народ собрался. Киргизы в бараньих шапках-треухах, с перекинутыми через плечо хурджинами. Жара адская, а киргизы по несколько чапанов напяливают. Ходят – обливаются потом, отдуваются. Довольны. Говорят, потные

чапаны холодят. Уйгуры – те в харчевнях и пекарнях жарят, пекут, варят. Любопытно на них поглядеть. Работают сноровисто. Чуднее всех дунгане. Одежды на них длинные, на женские платья смахивают, волосы на голове сплетены в длинную толстую косу. И язык непонятный, совсем чужой язык... Дворы, дворики, словно игрушечные. Много в Нижнем Узгене мельниц и маслобоен. И все в зелени: урюк, яблони, инжир, айва. У подножия холмов изумрудятся разлинованные межами рисовые поля, за ними – золотое пшеничное море».

*Арбакеш.
Фото С. М. Прокудина-Горского
(начало XX века)*

В этих живописных местах, гоня грузные арбы по пыльным и каменистым дорогам к узгенскому базару, семья арбакешей Маруфий познакомится с юным арбакешем Юлдашем Ахунбабаевым. И Арипжан, которому суждено будет стать мужем генеральской внучки, и человек, который из бедного арбакеша достигнет вершин государственного управления в Советском Узбекистане, эту дружбу пронесут с подросткового возраста через всю жизнь.

Арипжан Маруфий, попав в дом богатого бая, получил образование и хорошее наследство. Как было тогда модно среди местной элиты, он учился в русско-туземной школе. История этих учебных заведений заслуживает отдельного внимания.

В XIX–XX веках, после вхождения Туркестана в состав России, народное образование в этой части империи начиналось с русско-туземных школ. Генерал-губернатор Туркестана Константин Кауфман понимал, что нужно было найти связующее звено в общении молодежи с русскими сверстниками. Выручил известный российский просветитель Николай Ильминский, который посоветовал, «постепенно, с большой осторожностью в плотно населенных поселениях для обучения молодежи открыть русско-туземные школы с русским языком обучения. Далее с помощью выпускников этих школ открывать такие же школы в других населенных пунктах».

Туркестанский генерал-губернатор принял решение построить 92 русско-туземные школы: в Ферганской (20), Сырдарьинской (32), Самаркандской (15), Каспийской (11) областях и в Семиречье (14).

Разрешение на изучение местных языков в русско-туземной школе исходило от фон Кауфмана, который таким образом сделал более привлекательной учебу в этой школе и заложил основы билингвизма.

Об этом подробно написал Г. А. Агасарян, экс-генеральный консул Российской Федерации в городе Ош (Киргизия).

Саодат жених понравился сразу же, как бабушка Сары показала ей сначала фотокарточку претендента на руку и сердце.

Саодат Назарова и Арипжан Маруфий были самые видные и богатые молодожены в Андижане.

Ординарец «кызыл генерала»

Однако зять на оправдал надежд старой Сары-байхатын на удвоение семейного капитала. Арипжан, муж ее любимой единственной внучки Саодат, встал на сторону большевиков и с надеждой воспринял преобразование Туркестанского края в Туркестанскую Автономную Советскую Социалистическую Республику, вошедшую тогда в состав РСФСР.

Живя в байских хоромах, Арипжан не терял связи со своими ташлакскими родственниками и друзьями, среди которых и Юлдаш – сын Ахунбобо.

Будущий советский президент республики Юлдаш Ахунбабаев с началом революционных событий успел побывать в полицейской каталажке за участие в антиправительственных беспорядках. С 1916 года волнения все ширились и катились по всей Ферганской области, словно огонь, раздуваемый ветром в бескрайней степи. А к весне 1918 года красное знамя Советской власти развевалось над основными районами Средней Азии – от Кушки до Аральского моря, от Ферганы до Каспия.

По своей территории Советский Туркестан превосходил все европейские страны, вместе взятые. Его границы в годы Гражданской войны охватывали территорию нынешних Туркменской, Узбекской, Таджикской и Киргизской республик, а также южную часть Казахской республики.

Когда сегодня наблюдаешь смену привычного миропорядка, как

причудливо сплетаются множество самых изощренных технологий и поступков политиков; когда обнаруживаешь, что при этом невозможно предугадать даже самый ближайший ход событий; только теперь понимаешь, что пережили твои предки сто лет назад – во время революции и Гражданской войны. Голова кругом идет от многочисленных «автономных правительств», банд, их предводителей и бесконечной череды предательств.

Ничто не ново под Луной: противоборствующие стороны норовили использовать в своих интересах криминалитет и незаконные вооруженные формирования.

Пытаясь уяснить для себя перипетии Гражданской войны в Средней Азии, я все чаще встречаю современные материалы, в которых авторы-историки называют количество истребленных «красными» людей в ходе Гражданской войны. Дескать, жертвы – никакие не «басмачи», а «правовверные воины ислама». И думаю: господа, ну, если уж вы пишете про «красный террор», напишите тогда про «белый», «зеленый» и «басмаческий», чтобы потомки могли составить объемное представление о происходящем.

В 1925 году в Париже вышла в свет книга Ж. Кастанье «Басмачи» («Les basmachis»). Ее автор в 1918 году занимался в Туркестане археологическими раскопками. Однако не это было его главным делом. Поэтому в написанной им книге содержится немало сведений о туркестанской контрреволюции, прежде всего о басмачах. «Кокандское автономное правительство, – пишет Кастанье, – опасаясь угрозы большевиков, начало переговоры с басмачами и пригласило их к себе на службу... Иргаш первым откликнулся на этот призыв: бандит с большой дороги, когда-то осужденный, собрал внушительную банду, организованную из профессиональных воров».

В 1920 году ликвидацией ферганского басмачества вплотную занялся Михаил Васильевич Фрунзе. «Кызыл генерал» («красный генерал») стали называть его в среде местного населения.

Известны воспоминания, оставленные старшим адъютантом (секретарем) М. В. Фрунзе Сергеем Аркадьевичем Сиротинским. В своей книге «Путь Арсения» он так писал о басмаческих отрядах: «Легкие, подвижные, быстрые в своих маневрах, басмаческие отряды держали в страхе и трепете население всего Туркестана. Они захватывали города,

истребляли советских работников. Казалось, они были вездесущи и неуловимы. Их тактика – нападать на мелкие отряды Красной армии и отступить перед крупными частями – на первых порах применялась успешно. Фрунзе, тщательно изучив эту тактику, выработал специальный план борьбы с басмачами. Он создал подвижные, быстро перебрасываемые с места на место военные отряды. Организовав систему гарнизонов в тех районах, где басмачество было развито наиболее сильно» (Сиротинский С. А. «Путь Арсения», Воениздат, 1956. <http://www.litmir.info/br/?b=236927&p=39>).

В доме Инабатхан – сестры моего мужа хранилась фотография Михаила Фрунзе, где рядом с полководцем был запечатлен Арипжан Маруфий и другие красные командиры.

В семье говорили, что Арипжан был ординарцем, советником Михаила Васильевича, когда Фрунзе командовал Туркестанским фронтом, и участвовал в борьбе с басмачами.

1921 г. Переговоры с главарями басмачей – Куширматов и др. в Фергане

Выстрелы на площади

В Андижане располагался бывший отряд басмачей, преобразованный в кавалерийский полк. Командовал им недавний курбаши Ахунджан, перешедший на сторону большевиков и даже удостоенный ордена «Красного Знамени». Его джигиты стали притеснять дехкан (крестьян), но он смотрел на это сквозь пальцы. Разведка донесла о каких-то его недозволенных переговорах с басмачом Кривым Ширматом. Наконец он не подчинился приказу выехать со своим полком в Троицкие лагеря под Ташкентом. Назревала ситуация, которая в Семиречье вскоре обернулась мятежом.

Командующий Туркестанским фронтом Михаил Фрунзе не мог мириться с такой анархистской стихией и решил разоружить полк Ахунджана.

Комиссар Якуб Чанышев хорошо запомнил этот день – 25 мая 1920 года: операцию проводила его татарская бригада.

На площади был назначен парад всего гарнизона, ахунджановские кавалеристы оказались в кольце татарских бойцов. Все выходы с площади перекрыли повозками. Самого Ахунджана Фрунзе вызвал в штаб бригады для «последних указаний».

«А мне на площади предстояла своя роль: я должен дать сигнал, по которому красноармейцы отберут оружие у непокорных».

«Но мы многого не предусмотрели: во-первых, того, что басмачи могут явиться на парад с оружием, заряженным боевыми патронами, во-вторых, что поглазеть на парад придет много штатского народа. Когда я верхом подъехал к площади, то действительно увидел, что вся она запружена женщинами в нарядных платьях, мужчинами в шляпах и с тросточками. Никакие уговоры отойти в сторону, на тротуар, не действовали. Мужчины делали вид, что не слышат, а дамы в ответ мило улыбались. Еще бы – ведь каждому хотелось посмотреть на бойцов в торжественном строю и послушать музыку...», – читаю в воспоминаниях Якуба Чанышева «О Михаиле Фрунзе. Воспоминания, очерки, статьи современников» (Москва, Издательство политической литературы, 1985).

И как будто вижу: в толпе, нарядные, стоят Билькабу и Саодат. Женщины прикрываются от солнца зонтиком. Ведь их дом («дворец»)

стоял на самой площади, им стоило только выйти за порог. А старая Сары наблюдает за происходящим прямо из окна...

Секундную тишину разорвал выстрел. Второй, третий. Это басмачи при первой же попытке отобрать у них винтовки открыли пальбу. В ответ со всех перекрестков затрещали пулеметы. Ошеломленные конники пытались вырваться с площади, но повсюду наталкивались на заслоны. В конце концов, их заставили смириться, хотя не обошлось без жертв.

После этого полководец сменил тактику: «за басмачами не гоняться – они легко укрываются в горах. На всех станциях железной дороги и в волостных центрах поставить сильные гарнизоны пехоты. Связь с ними должны держать летучие кавалерийские отряды, у которых две задачи: очищать горные районы от бандитов и приходить на помощь гарнизонам, когда они втянут в бой басмачей. При этом Михаил Васильевич особенно подчеркивал, что в высшей степени надо усилить службу разведки и охранения и стойко выполнять все требования полевого Устава...» (Владимир Архангельский, «Фрунзе» из серии «Жизнь замечательных людей», http://royallib.com/read/arhangel'skiy_vladimir/frunze.html).

Летучие кавалерийские отряды! Вот и сам Арипжан на обороте фотографии, впоследствии подаренной сыну Бехбуд-Камалу, написал о себе.

В дословном переводе с узбекского написано: «1917, 18, 19, 20, 21, 22 годы, участник Гражданской войны, политрук 4-й национальной конной дивизии Туркестанского фронта Маруфий Арифджан (так в собственноручном тексте, хотя его дети по документам АриПовичи), Бехбуд-Камалу на память».

Здесь есть еще один интересный и загадочный момент: Арипжан отсчитывает свое участие в революционных событиях и Гражданской войне с 1917 года.

Не исключено, что когда Николай II в 1916 году объявил указ о привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, Арипжан был мобилизован. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 19 до 43 лет.

Множество исследований посвящены последовавшему за этим

1917. 18. 19. 20. 21. 22. Чуби
Илларийда. Эрафеланлар
Чурушда Катташуги
ташхир руйи Чуби
Наил Самал Ний Каней дивизи
Эйв. Турк фронт
Маршуби. Арифиджан.
- Саглар ва. Эсдалик.
Ариф
22/11 1958г.
Бобур Кашир. Валаханов

*Надпись на обратной стороне
старой фотографии,
собственноручно сделанная
Арифжаном Маруфием*

*Арифжан Маруфий
(30-е гг. XX века)*

восстанию местного населения в Семиречье, которое было подавлено царскими войсками с многочисленными человеческими жертвами. Но, похоже, никто не поинтересовался, а что же происходило с теми, кто уехал далеко на запад на тыловые работы?

Не доверять датировке, указанной самим Арифжаном, у меня нет оснований. Скорее всего, он отправился на тыловые работы, а с 1917 года добровольцем присоединился к революционным большевистским отрядам.

Красноармейцы из местных в Гражданскую войну сослужили командующему Туркестанским фронтом Михаилу Фрунзе незаменимую службу, будучи проводниками, разведчиками, личной стражей, при этом оставаясь за пределами книг мемуаристов и исследований историков, но не больших исторических событий.

В 1920 году М. В. Фрунзе покидает Туркестанский фронт, а командиры дивизий Туркестанского фронта остаются. Дивизионный

политрук – серьезная должность, ее в национальной дивизии могли доверить только грамотному и проверенному человеку.

Как Камал стал Бехбуди

В окрестностях Оша (1926)

В Гражданскую войну Сахиб Назаров и Арипжан Маруфий утратили свое наследство, добровольно отдав его Советской власти. Их имущество было национализировано. Семья была вынуждена уехать из Андижана в Ош к родственникам Арипжана.

Саодат встала рано утром и в последний раз прошла босиком по деревянному полу внутренней крытой галереи «дворца», где она провела лучшие дни детства и юности. Постояла в одиночестве, любуясь рассветным садом. Наверное, она понимала, что не вернется сюда больше никогда.

Не спалось и Сары-байхатын. Она еще накануне распорядилась

погрузить самую необходимую мебель, одежду, посуду, что уместились на три арбы, пригнанные из Оша.

И только две очень древние китайские вазы Сары предпочла везти лично, поставив на колени и обняв, чтобы не разбились, когда повозка будет подпрыгивать на дорожных ухабах. Это были те самые антикварные вазы, которые Николай Николаевич много-много лет тому назад купил в лавке ее отца.

Нежный, салатного цвета фарфор с редкими, некрупными розовыми пионами. Две китайские вазы были старыми, как мир. Их краса была неброской, не похожей на то, что я когда-то видела на картинках, и оттого загадочной.

Муж говорил, что им много веков. И цены им – нет! В Оше, в малогабаритной квартирке его брата Шавката они стояли на телевизоре как украшение. К концу минувшего века это было все, что оставалось в семье потомков от несметных богатств Сары-байхатын.

Рассказывают, в семье были еще необыкновенные серебряные с позолотой тяжелые пояса и конская сбруя. Но их, отщипывая драгоценные пластины по одной, еще в начале 30-х годов отнесли в Торгсин. Была в то время такая организация (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами), где можно было семейные драгоценности обменять на продукты питания или другие потребительские товары.

В 1931–1933 годах всеобщая коллективизация и смертоносный голод коснулись и теплых туркестанских краев.

Правнук генерала Назарова – Бехбуди был старшим сыном в семье, отец все время проводил в командировках, и девятилетний мальчик оставался за «мужчину», то есть его обязанностью было ходить за покупками. По поручению матери он носил драгоценные пластины в Торгсин. Седой работник в засаленном чапане отмерял ему за это несколько килограммов муки, наливал в кувшин хлопковое масло. А потом мальчик протягивал ему свою тубетейку, и в нее летела горсть липких от жары конфет-подушечек.

– А – братику?! – твердо и громко, налегая на вопросительную интонацию, говорил правнук генерала Назарова.

И работник, пряча улыбку, бросал в тубетейку еще несколько конфет...

Бехбуди родился 30 декабря 1924 года и был первым выжившим

ребенком Арипджана и Саодат. До него были мальчики-близнецы, скончавшиеся при родах. И ему, такому долгожданному, сначала дали имя Камал.

А тем временем, стремясь ослабить происламские силы, советские руководители приняли решение осуществить в Средней Азии национально-государственное размежевание. Осенью 1924 года ЦИК СССР постановил образовать Узбекскую Советскую Социалистическую республику. В начале февраля 1925 года на Первом съезде Компартии Узбекистана выступил всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин.

Мне весьма любопытно было прочитать доклад Михаила Ивановича «Международное и внутреннее положение» 6 февраля 1925 года на съезде в Ташкенте.

Учитывая, что на рубежах страны еще шла Гражданская война, сильное впечатление произвел вот этот абзац: «Причины признания и увеличивающегося с каждым днем общения между нами и другими государствами слишком ясны. Из месяца в месяц, из года в год наш товарообмен с заграничными государствами все увеличивается, и в последний, 1923–1924 экономический год на международной торговой арене мы уже сбалансировали, приблизительно, с миллиард рублей, как по привозу, так и по вывозу товаров из Союза. Несомненно, обращение товаров на миллиард рублей имеет настолько значительное влияние в мировом товарообороте, что не считаться с ним, не принимать его во внимание, уже стало невозможным. И поэтому вполне естественно, крайняя необходимость все развивающегося товарооборота между нами и другими государствами заставляет западноевропейские и другие внеевропейские страны идти на признание Советского Союза, входить с ним в нормальные сношения, которые бы дали возможность нормального товарообмена. Из этого вы видите, как наша внутренняя политика является, по существу говоря, основным фактором для нашего признания на внешнем фронте. Значит, успехи, сказавшиеся внутри, самым решительным образом влияют и на наше международное положение» (М. И. Калинин. Избранные произведения, т. 1, Государственное издательство политической литературы, Москва, 1950).

Внешнеторговый баланс едва оправившейся от войны страны достиг миллиарда рублей! Но не будем отвлекаться. Тогда же всесоюзный

староста поехал выступать по крупным городам республики. До Арипджана донеслась весть, что в Андижан едет Калинин в сопровождении председателя Центрального исполнительного комитета Узбекской ССР Юлдаша Ахунбабаева.

Жители Узбекистана угощают местной едой М. И. Калинина (1925)

Преимущественно населенный узбеками Ош, в котором обосновалась семья Маруфий, в то время был в составе Киргизской автономии РСФСР. Но между Ошем и Андижаном всего-то 53 километра. И Арипжан, Саодат с маленьким Камалом на руках отправились на встречу с М.И. Калининым и давним семейным другом Юлдашем.

Центральная площадь родного города вновь была до отказа запружена народом. Повсюду – красные знамена и транспаранты с лозунгами, портреты В. И. Ленина, М. И. Калинина и советских руководителей республики. Каждый старался протиснуться поближе. Местные партийные деятели и друзья Ахунбабаева подходили один за другим и здоровались, сначала с Михаилом Ивановичем, затем – с председателем ЦИК.

Арипжан и Юлдаш встретились, обнялись.

– Ну-ка, покажи своего первенца, – радовался друг. – Богатырем будет! Давай его сюда... Мы ему сейчас имя дадим!

В тот день на торжественном митинге в Андижане состоялись публичные «красные крестины», простой среднеазиатский народ массово нес московскому седобородому аксакалу маленьких детей, мальчиков и девочек, чтобы Калинин дал им имя.

Так мой будущий муж оказался крестником Михаила Ивановича Калинина. И полуторамесячный Камал стал Бехбуди.

Это имя Бехбуди записали в свидетельстве о рождении, а затем в паспорте. Разумеется, когда мы только познакомились, я расспрашивала мужа, что означает это имя. Сам он знал только то, что М.И. Калинин давал имена в честь известных революционеров, и был местный революционер с таким именем, с которым незадолго до этого жестоко расправились противники Советской власти.

Работая над этими записками, я попыталась узнать больше, и мне было приятно прочесть, что это имя носил, оказывается, очень достойный, выдающийся человек, настоящий интеллигент.

Бехбуди Махмуд Ходжа (1875–1919) – муфтий в Самарканде. В 1900 совершил хадж в Мекку. В августе 1907 года Бехбуди, представляя туркестанскую делегацию, выступил с речью в Нижнем Новгороде на собрании, посвященном проблемам и культуре мусульман России. В Самарканде основал собственное книжное издательство. С 1913 редактор газеты «Самарканд» и журнала «Ойна» («Зеркало»). Принял большевистскую революцию, в 1917 – возглавил уездный комиссариат просвещения.

Этого удивительного человека также справедливого называют основоположником узбекской драматургии. Вершиной писательского мастерства Бехбуди стала драма на узбекском языке «Падаркуш». В 1911 году спектакль по этой пьесе шел на сценах театров Самарканда, Бухары, Ташкента. Бехбуди выступал за развитие национального искусства и литературы, равноправие женщин, реорганизацию деятельности духовенства, за реформы политического устройства страны. В 1919 году Бехбуди во время путешествия был задержан басмачами. После пыток был казнен по приказу местного бека с вехом бухарского эмира Сейид Алимхана. Как до сих пор пишут, «причины его казни остались неизвестными» (<http://old.ziynet.uz/ru/people/mahmudhodzha-behbudi/>).

*Юлдаш Ахунбабаев. Самарканд.
У здания ОСОАВИАХИМа (30-е гг. XX века)*

А жизнь продолжалась, трудная жизнь. Арипжан работал в Ошской области уполномоченным потребительской кооперации. Работа была связана с постоянными командировками в горные районы Киргизии. В семье родились еще две девочки – Эктибар и Инабат и младший сын – Шавкат. После смерти Сары-байхатын Саодат одна управлялась с домом, хозяйством и детьми.

В 1938 году Арипжана арестовали. Рассказывают, Саодат поехала в Ташкент к Юлдашу Ахунбабаеву прямо к нему домой, на улицу Лашкорбеги, 19.

Друг юности к тому времени был избран не только председателем Президиума Верховного Совета Узбекистана, но и заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. Благодаря заступничеству влиятельного друга, Арипжан Маруфий вернулся домой.

Двери дома Юлдаша Ахунбабаева были открыты днем и ночью. Этот простодушный и мужественный человек бескорыстно защищал от несправедливости, спасал, устраивал судьбы тысяч людей.

Там зори были тихими...

Бехбуди Маруфий (сидит в центре) и его одноклассники (1942)

Тонкие, совсем еще детские, а не мужские ладони выглядывают из непомерно длинных рукавов солдатских шинелей. Им дадут старые «трехлинейки», которые зна еще генерал Николай Николаевич Назаров,

и, не научив стрелять, погружат в воинские эшелоны, отправляющиеся на северо-запад. Ни родители, ни младшие братья и сестры даже не успеют попрощаться с ними...

Хлеб для старшего сына

Когда началась Великая Отечественная война, Бехбуди было только 16 лет. Он пошел в военкомат, ему сказали:

– Слишком молод еще – жди! Как исполнится восемнадцать, призовем тебя. Но не на войну, а отправим учиться на машиниста, будешь водить поезда с грузами для фронта. Машинистов не хватает. Это очень важная работа!

Повестка с требованием явиться на сборный пункт пришла лишь в конце июля 1942-го. Бехбуди еще только 17 лет, он – окончил первый курс Ошского учительского института. В чем был дома, так и побежал в военкомат, хотел узнать: куда ему собираться, на фронт или на курсы машинистов?

Но всех, кто приходил на сборный пункт, за ворота обратно уже не выпустили. 26 июля 1942 года вышло постановление Государственного Комитета Обороны о мобилизации всех граждан 1924 года рождения.

Молодежи на сборном пункте собралось очень много. 1924-й – чуть ли не первый благополучный год после кровопролитной Гражданской войны обеспечил всплеск рождаемости.

Выдали обмундирование, отправили на вокзал.

– Саодат, Саодат! Ты слышала, наших детей на фронт отправляют? – это прибежала запыхавшаяся соседка, мать одноклассника ее старшего сына. Скорее, скорее, надо собрать им еды в дорогу!

У Саодат оборвалось сердце. Она не помнила, как замесила тесто для лепешек, как крепила их к стенам тандыра, не чувствуя его жаркого каменного дыхания. Глотая слезы, завернула стопку горячего хлеба в чистый платок, налила в бутылку молока, положила в котомку какое-то белье...

Побежала!

Воинский эшелон только что отошел и поезд стал набирать скорость. На вокзале – столпотворение плачущих женщин и детей. Все с криком бежали за вагонами, бежала и Саодат в надежде, что произойдет чудо –

случайная заминка, машинист притормозит ход. Но чуда не случилось. Поезд ушел, а Саодат, опустошенная, выбившаяся из сил, вернулась домой с узелком, который так и не смогла передать сыну.

Она раскрыла платок, преломила хлеб между младшими детьми, одну лепешку оставила – на ужин мужу, а последнюю – прибила гвоздем над достарханом в трапезной комнате.

Сама не ела. Сказала необыкновенно твердо:

– Это лепешка для моего старшего сына. Он вернется!

Каждый вечер каждого дня той кровавой войны она молилась, «заговаривала» священный для каждого народа хлеб, чтобы ее сын остался живым.

Ворошиловский стрелок

Длинный воинский эшелон с новобранцами из Ошской и Андижанской областей, с короткими остановками шел на северо-запад. На какой-то узловой станции, повинуясь приказу, от эшелона отцепили ровно половину вагонов. Одна половина отправилась на Москву, вторая – на Сталинград.

Из тех ребят, кто ехал в «сталинградской» части эшелона, ни один домой не вернулся. Все под Сталинградом и полегли...

Спешная мобилизация юношей явно была продиктована необходимостью переломить ход войны. А вот приказ отправить сразу в бой необстрелянных ребят – отчаянной необходимостью.

23 августа 1942 года ударная группировка 6-й немецкой армии прорвалась к Волге близ северной окраины Сталинграда. В городе на Волге началось адское пекло!

У тех юношей были винтовки-трехлинейки и к ним по 125 патронов. Опыт стрельбы – только ГТО (кружки ГТО для молодежи и подростков – «Готов к труду и обороне»). Да и то не у всех. Многие были из дальних горных кишлаков.

По приблизительным подсчётам, суммарные потери обеих сторон в Сталинградской битве превышают два миллиона человек.

Но в тот момент нашему герою, можно сказать, повезло! Он ехал в «московской» части эшелона. Новобранцев из его вагона доставили в учебный пункт специальных войск по охране тыла Красной армии в Красногорске Московской области.

Командиры стали смотреть, кто на что способен. Провели стрельбы. А Бехбуди, стреляя по мишени, ниже «восьмерки» не попадал, в основном – в «девятку» и «десятку». Еще школьником он получил нагрудный значок Осоавиахима и РККА «Ворошиловский стрелок» II степени. Чтобы иметь такой, нужно было выполнить норму по стрельбе из боевой винтовки.

В Красногорске Бехбуди Маруфий прошел курсы снайперов и минометчиков.

Психологически весьма сложная военная профессия. Мы прожили с мужем почти четверть века и в его характере меня всегда поражали и восхищали его выдержка, несуетливость и исключительное долготерпение, особенно в тревожных, нестандартных, эмоционально взрывных ситуациях, которых хватает и в быту, и в обществе.

Однако снайпер не имеет права на эмоции, особенно отрицательные, давать волю нервам – это повышает пульсацию оружия и снижает

*Бехбуди Маруфий
(справа), 1942*

точность стрельбы. Окно возможностей для выстрела составляет три секунды. Непросто для глаз сосредоточенно смотреть в бинокль более 20 минут без остановки, нужно уметь менять позиции и делать это без лишней суеты...

По окончании учебы Бехбуди Маруфий был приписан к тем частям войск, которые выполняли задачи по очистке освобожденных территорий от остатков разбитых полков противника, по охране стратегически важных объектов и уничтожению вражеских диверсионных групп, просочившихся в тыл действующей армии.

Снайперские команды также проходили регулярную стажировку в передовых частях Красной армии. Когда же обстановка требовала непосредственного участия в боевых действиях, они бок о бок с фронтовиками занимали оборонительные рубежи или же шли в наступление на врага, проявляя образцы героизма, стойкости, находчивости и мужества.

Паспортное национальное имя Бехбуди командиры учебного пункта

в обиходе заменили на привычное для них русское: Борис, Боря... С тех пор этим именем его стали называть однополчане, друзья, коллеги, соседи и близкие в России.

Ну, а из учебного пункта юный снайпер отправился напрямиком в район Ржевско-Вяземского выступа.

Добро пожаловать в «мясорубку»...

Перед тем, как Бехбуди Маруфий попал на этот участок фронта, здесь происходили трагические события.

Вяземская оборонительная операция Западного и Резервного фронтов в Великой Отечественной войне, цель которой была не допустить немцев в Москву, закончилась катастрофическим поражением Красной армии. Гитлеровская группа армий «Центр» прорвала оборону советских войск и окружила западнее Вязьмы четыре наши армии. Дорога на Москву была открыта.

Советское командование приняло экстренные меры по укреплению Можайской линии обороны и восстановлению нарушенного фронта, бросив против немецких танковых дивизий плохо вооружённых ополченцев и курсантов военных училищ.

Здесь состоялось одно из самых кровавых и длительных сражений Второй мировой войны, которое продолжалось в общей сложности около 15 месяцев и унесло более двух с половиной миллионов жизней – больше, чем Сталинград!

Немцы не зря величали Ржев «краеугольным камнем Восточного фронта» и «воротами на Берлин», красноармейцы окрестили эту грандиозную беспощадную битву «прорвой», «бойней» и «Ржевской мясорубкой».

Историки считают эту битву «одной из самых кровопролитных в истории войны». По масштабам, территориальному размаху, количеству участвующих войск, продолжительности и потерям боевые действия в районе ржевско-вяземского выступа не просто сравнимы со Сталинградской битвой, но во многом превосходят ее – Красная Армия потеряла в «Ржевском побоище» около двух миллионов человек.

Об этом Александр Твардовский напишет в стихотворении «Я убит под Ржевом»:

*Летом горького года
Я убит. Для меня -
Ни известий, ни сводок
После этого дня.*

*Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.*

*Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю -
Наши ли Ржев наконец?*

К началу нового, 1943 года, на центральном участке советско-германского фронта все еще продолжала стоять мощная группировка немецких войск – группа армий «Центр» – в составе 77 дивизий и бригад.

26 января 1943 года командующий группой армий «Центр» генерал фон Клюге рекомендовал Гитлеру оставить ржевский выступ для выравнивания линии фронта и предотвращения возможного окружения обескровленных немецких 9-й и 4-й армий.

Как и ожидалось, Гитлер вначале категорически воспротивился этому, но тяжелейшая обстановка на фронте после поражения под Сталинградом заставила его согласиться с предложениями генералов. Операция по отводу войск с выступа получила кодовое название «Бюффель» («Буйвол»; иногда – «Бюффельбевергунг» – «Движение буйвола» и «Бюффельштелльонг» – «Позиция буйвола»).

6 февраля 1943 года командующие фронтами Западного направления получили директивы Ставки ВГК о подготовке наступления на центральном участке советско-германского фронта «с целью... выхода в тыл ржевско-вяземско-брянской группировки противника...». Судя по замыслу, для германских войск на центральном и московском направлениях предполагалось создать несколько «котлов».

Ставка стала «шире применять обход и охват, категорически запрещающая лобовой удар и атаки», стремилась «максимально сохранять живую силу за счет искусного маневра и огня». Как писал маршал

Б. М. Шапошников в своей книге «Битва за Москву. Московская операция Западного фронта»: завершающий этап Ржевско-Вяземской операции, осторожный «период действия незначительными по численности соединениями с применением наиболее эффективных методов партизанской борьбы».

Комбат и Кнопочка

Наставницей у Бориса была опытный снайпер – 26-летняя девушка-сибирячка, совсем маленького росточка. Из-за малого роста все ее звали Кнопочка.

Первое задание. С рассветом долго ждал в засаде, когда кто-то появится. Пальцы на морозе онемели. И, наконец, показался над немецким окопом «фриц».

Борис часто вспоминал этот эпизод:

– Пожилой немец, весь заросший щетиной... Наверное, обслуга какая-то, может, ухаживал за лошадьми? Было раннее-раннее утро.

*Та самая «Кнопочка»
и однополчанин (1943)*

Немец не догадывался, что кто-то его видит. Сначала показалась его каска над окопом. А потом он вдруг вылез, оглянулся. Смотрю, в руках у него котелок. Из кухни с кашей, значит, топал. «Фриц» поставил котелок на бруствер, еще раз оглянулся, задрал шинель, присел и начал оправляться... А я подумал: до чего жалкий старик! Приспичило ему... Вот, думаю, дети, наверное, у него в Фатерлянде. Опять же «фриц» культурный, в окопе не оправляется. Эх! Я прицелился и как врзал по котелку! Из котелка каша во все стороны так и разлетелась, а «фриц», не натягивая штанов, в ужасе завалился обратно в окоп...

После этого выстрела Борис имел неприятный разговор с офицером СМЕРШа.

– И пошел бы я под суд и в штрафбат, если бы не комбат и Кнопочка...

Они, не дожидаясь, когда их вызовут для дачи показаний, прибежали сразу. Комбат в блиндаж влетел вне себя от ярости. Начал орать на смершевского лейтенанта матом: «Ты чего это, тудыть твою растудыть, к мальчишке прицепился?!!». Тот стал объяснять, мол, сомнительного происхождения этот узбек, отец его вроде воевал в Гражданскую за красных, а в партию так и не вступил. Может, из басмачей? Да и на стрельбах Маруфий бил в «яблочко», а тут – по котелку попал, а во «фрица» не попал. Как такое может быть?

– Вы посмотрите на него! Это же юнец! Да, парень первый раз и растерялся, – затараторила Кнопочка. – Дайте мне его, пожалуйста, на поруки!

– Тудыть твою растудыть! – продолжал орать комбат. – У меня снайперы на вес золота! Ты это понимаешь? Я тебя самого отправлю под трибунал!

Вскоре немцы пошли в атаку. Бой был фактически рукопашный. Раненого комбата захватили в плен.

– Когда наши очистили немецкие позиции, мы комбата нашли. Мертвого! Немцы ему, видимо, еще живому, выкололи глаза и на груди вырезали пятиконечную звезду. После того, как я это увидел, по котелкам больше никогда не стрелял и рука у меня не дрожала...

Советские войска вступили в Вязьму в ночь с 11 на 12 марта 1943 года. Город был разрушен и сожжен до основания. 15 марта поэт и военный журналист Константин Симонов напишет: «Вязьма разбита и сожжена так, что ничего не могу понять: с одного конца насквозь видны крайние развалины на другом конце города».

... На передовой снайпер Бехбуди Маруфий уничтожил двух офицеров и шестерых солдат, что, кстати, считается весьма неплохим результатом. За это он был награжден первой медалью «За боевые заслуги».

Во время налета вражеской авиации на станцию Вязьма он из спаренного пулемета подбил фашистский бомбардировщик «хейнкель» и участвовал в спасении раненых бойцов и медиков из пострадавшего при бомбежке эвакогоспиталя. За этот подвиг он был удостоен ордена «Красной звезды».

Узбекский правнук русского генерала Николая Николаевича Назарова героически защищал Москву.

В нашем семейном альбоме есть фотография военных лет. Борины однополчане. Маленькая девчушка с лошадю – та самая Кнопочка.

Как пишет Светлана Герасимова в своей книге «Ржевская бойня», главным результатом Ржевско-Вяземской наступательной операции в конце марта 1943 года была окончательная ликвидация немецкого плацдарма у столицы советского государства. Длительная угроза столице со стороны немецкой группы армий «Центр» была окончательно устранена, был достигнут стратегический успех.

Командир женского гарнизона

Да, это правда, участники боевых действий о самых жутких эпизодах войны не рассказывают. И я знаю – почему...

Стоит только начать рассказывать, и нужно вновь всеми мыслями, чувствами, воспоминаниями вернуться туда, где льется кровь, где твой товарищ, с которым еще вчера вспоминал родной дом, дергается в предсмертных судорогах; где разлетаются в клочья окровавленные куски человеческих тел и мозгов, где запах гари, пота, постоянной опасности и смерти.

Не каждый готов пережить все это заново. Многие психологически защищаются фронтовыми байками.

Поэтому о смешном и забавном – пожалуйста. Борис это делал с удовольствием и отменным чувством юмора. Этот неповторимый юмор его военных историй передать словами невозможно, надо слышать! И был уже у меня под рукой «катушечный» диктофон, можно было записать. А не догадалась. Да и чего записывать? Простенькие, смешные истории? И тем труднее мне писать эту главу: хочется теперь вспомнить даже комическое, которое в его военной жизни шло об руку с трагическим. Но как это совместить?

В мае 1944 года в Ставке Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных сил был рассмотрен и одобрен план операции «Багратион» по разгрому немецко-фашистских армий в Белоруссии. В освобождении территории Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков принимала участие и группа войск по охране тыла фронта.

Управление войск по охране тыла фронта действовало в пределах разграничительных линий фронта. Полк получал для охраны полосу в 50–60 км по фронту и 15–25 км в глубину, батальон – до 20 км по

фронту и 15–25 км в глубину, застава – 5–6 км по фронту и до 10 км в глубину. Основной вид действий войск – высылка дозоров, секретов, засад, разведывательно-поисковых групп, выставление контрольно-пропускных пунктов, прочесывание лесных массивов, охрана стратегически важных объектов.

В июле 1944 года на освобожденной территории (Витебск – Полоцк – Молодечно) Борису поручили сформировать из местных мобилизованных женщин гарнизон по охране мостов и Витебского железнодорожного узла. Стояла задача противодействия растущему количеству диверсионных атак и терактов противника на железной дороге.

Представьте себе 19-летнего старшину, которому приходится командовать молодыми женщинами 25–30 лет. Бойкие молодые бабоньки – из крестьянской среды, у некоторых мужа на фронте.

Бехбуди Маруфий (1944)

С легким неповторимым акцентом Борис любил в кругу друзей-офицеров описывать «жанровые» сценки.

Однажды в гарнизон привезли обмундирование и дамское белье – розовое и голубое, из-за чего, конечно же, сразу же возникла ревность: почему Маше – розовое, а Гале – голубое? И все мчались громко жаловаться товарищу старшине...

Незамужние девчонки умудрялись назначать свидание парням из «мужских» воинских частей прямо на ночных дежурствах.

Охраняли Жлобинский мост. Однажды незадачливая «невеста» заболела, вместо нее на пост заступила подруга. Когда среди ночи девушка услышала тихое: «Валя, это я пришел...», – страшно испугалась и открыла стрельбу. «Жених» еле ноги унес. Поднялся невообразимый шум, была объявлена боевая тревога, в воздух полетели осветительные ракеты, из Витебска на дрезине срочно примчалось начальство.

Эти байки с красочными подробностями рассказывались за столом по праздникам в кругу отставных военных и офицеров запаса. Хохотали до упада...

И только после Бориной смерти, разбирая его альбом со старыми фотографиями, я нашла ненадписанный и незапечатанный конверт. Сначала подумала, будто в нем ничего нет, но, заглянув, обнаружила лист бумаги, на котором Борис Арипович собственноручно написал свою автобиографию. В ней – краткий ответ на вопрос, за что он получил одну из самых ценных солдатских медалей «За отвагу».

«Не сентиментальная история, а жестокая...»

Гарнизон был поднят по тревоге из-за сообщения о том, будто бы всего в нескольких километрах местный житель случайно увидел, как кто-то спускается с парашютом. Думали, задержать одного парашютиста, не составит особого труда силами взвода.

Но ситуация оказалась намного сложнее и опаснее. Местный житель заметил только одного парашютиста, а на самом деле немецкий диверсионный отряд состоял из 17 человек. Их задачей были многочисленные диверсии на стратегических объектах и дестабилизация обстановки в районе Витебска.

Группу задержанию «парашютистов» возглавил старшина Маруфий. Небольшая группа девчонок во главе с мальчишкой против взвода немецких спецназовцев. Сколько фашистов было на самом деле, поняли только тогда, когда появились первые убитые. Женщины просто натыкались на вражеские штыки. В заболоченной лесной местности началась смертельная игра. Мобилизованные женщины из гарнизона тылового охранения, разумеется, не умели воевать. Потери с нашей стороны – 6 женщин убитыми, две – ранеными. Из немецкого десанта: 9 человек убитыми, а восьмерых удалось взять в плен!

Эхо этой истории прокатилось по всей прифронтовой территории.

Как все происходило, сегодня нам несложно представить в подробностях, ведь, я думаю, нет на постсоветском пространстве человека, который бы не читал повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие» или не смотрел одноименный кинофильм Станислава Ростоцкого.

Как рассказывал автор повести Борис Васильев в одном из интервью: «...я знаю лесную войну. Василь Быков, Гриша Бакланов – они тогда в училища попали и стали лейтенантами. Ну, а я солдатиком. И их книги я после войны читал запоем. Но мне все сильнее становилось не

по себе: это все не о моей войне, не о той войне, которую помню я. И я решил, во что бы то ни стало написать о тех солдатах, у которых не было ни тыла, ни авиации, ни артиллерии – они одни в лесу, и сами должны принимать решения, сами воевать... Я начал работать с этим сюжетом, уже написал страниц семь. И вдруг понял, что ничего не выйдет. Это просто будет частный случай на войне. Ничего принципиально нового в этом сюжете не было. Работа встала. А потом вдруг придумалось – пусть у моего героя в подчинении будут не мужики, а молоденькие девчонки. И всё – повесть сразу выстроилась. Женщинам ведь труднее всего на войне. Их на фронте было 300 тысяч! А тогда никто о них не писал...».

Кстати, в военной биографии Бориса Васильева также был эпизод, когда он командовал женским батальоном. Поэтому писалось ему легко. Конечно, сюжет повести, ее героини и герой – история собирательная. Но практически всегда именно такие истории и совпадают с реальными, порой, до подробностей!

И, наконец, комментарий от самого Станислава Ростозкого: «Когда фильм вышел на экраны, многие не обратили внимания на его главную идею. А она заключается в центральной фразе картины: «На таком-то фронте ничего существенного не произошло...». Мы не раз ее слышали по радио. Она звучит и в моей картине, но звучит для того, чтобы сказать: «Да, конечно, ничего существенного не произошло, но шесть прекрасных людей погибли...».

В 1972 году ставить эту повесть в Театре на Таганке возьмется Юрий Любимов. Режиссер вспоминал, как поначалу хотели то запретить спектакль, то переделать сюжет, и реакцию на это Бориса Васильева:

«Как это может быть, что старшина остался жить, а девицы все погибли? Надо сделать наоборот. Он просто побледнел. Это же, как его оскорбили? Он же знал про войну, он участвовал в ней».

В итоге Юрий Любимов все-таки поставил «А зори здесь тихие» так, как задумывал Борис Васильев.

Особое задание

В 1975 году Бехбуди Ариповича Маруфия пригласили в посольство Чехословакии в Москве. В честь 30-летия освобождения Чехословакии

от немецко-фашистских захватчиков тогдашний президент ЧССР Густав Гусак наградил его орденом «Руда звезда» («Красная звезда») с алмазами.

Сам Борис всегда говорил, что выполнял на территории Чехословакии «особое задание». На мои уточняющие вопросы отвечал коротко: помогали налаживать охрану государственной границы.

Что об этом известно в истории? Ведь такими орденами за рядовой «процесс» не награждают.

Действительно, в 1944 году для охраны тыла наших войск и коммуникаций на территории Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии по решению Государственного Комитета Оборона были сформированы 10 стрелковых дивизий по пять тысяч человек.

Бехбуди Маруфий (1945)

В книге «Советский фактор в Восточной Европе 1944–1948 т. 1 1944–1948. Документы», (Росспэн, 1999) опубликовано постановление ГКО СССР 02.04.1945 г. «Об организации охраны президента Э. Бенеша и правительства Чехословакии силами НКВД СССР». Во исполнение этого постановления был сформирован спецбатальон. Кроме того, там же опубликовано постановление «Об охране границы между Польшей и Чехословакией погранотрядами НКВД СССР». В то время на ряде участков польско-чехословацкой границы имели место вооруженные столкновения. Польско-чехословацкую границу наши погранотряды охраняли до августа 1945 года.

Любопытная деталь: чешский писатель, журналист, бывший вице-канцлер и пресс-секретарь президента Вацлава Клауса, недавно упомянул в одной из своих статей, что Сталин не настаивал на включении ЧССР в советский блок. Он допускал, что эта страна станет нейтральной, как Австрия, и будет создана буферная зона по линии Запад-Восток. <http://protiproud.parlamentnilisty.cz/ru/politics/1202.htm>

А это значит, что границы этой страны должны были быть очень надежными. Вот и еще одна страница в биографии нашего героя приобрела конкретные очертания.

Ну, а маме Саодат еще долго после Дня Победы пришлось ждать сына домой. В августе 1945 года из Чехословакии ее сын отправился в Харьков – учиться. В Ош он приедет только через год – на каникулы.

Саодатхан дождалась сына домой. Фотография на память: (слева – направо) Исраилжан Маруфий (дядя Бехбуди – младший брат отца Арипжана, не только родственник, но и друг детства, разница в возрасте – всего полтора года), в тюбетейке – младший брат Шавкат, Саодатхан, Бехбуди и школьный товарищ, Герой Советского Союза (за форсирование Днепра) Ташмамат Джумабаев.

Саодатхан снимет со стены окаменевшую хлебную лепешку. Ее сын вернулся живым! Как известно, из поколения юношей, родившихся в 1924 году, после Великой Отечественной войны в живых осталось только три процента. То ли намоленный хлеб действительно обладал таинственной силой материнской веры и любви, то ли судьба начертала Бехбуди прожить еще долгую жизнь.

Воспитание офицера

В Харькове Борис Маруфий оказался в сентябре 1945 года с направлением на учебу в Военно-политическое училище погранвойск.

Город встретил его ослепительно победным солнцем. Харьков сиял! Со Дня освобождения города от оккупантов прошло всего два года, но почти не было видно следов разрушений. Все завалы из камней и перекрытий на месте разрушенных домов были расчищены. Разбитые мостовые восстановлены. Цвели клумбы. У Южного вокзала вечные бабушки торговали яблоками и пирожками с картошкой. На «кругу» у вокзала призывно позванивали трамваи.

Борис неоднократно возвращался памятью к этому первому дню в Харькове. Сравнивал с Витебском. Это были два сильных эмоциональных впечатления, словно человек долго смотрел черно-белое кино (Витебск), а потом вдруг увидел цветное (Харьков).

Этот город он полюбил с первого взгляда. И любовался им так, что душа пела, пока долго ехал на трамвае от Южного вокзала до Конного рынка. Здесь, прямо напротив рынка, по сей день располагается военное

училище. Только теперь оно называется Академией Национальной гвардии Украины.

Первый вступительный экзамен – по русскому языку Бехбуди завалил. Сделал в диктанте 23 ошибки. Пошел к начальнику училища – генералу. Мол, так и так, вырос в национальной республике, разрешите учиться. Генерал подписал его рапорт, позволив учиться один испытательный семестр – до первой сессии. Ну, а первую сессию курсант Маруфий сдал на «отлично».

Бехбуди Маруфий, курсант (1947)

Курсантскую молодость Борис Арипович вспоминал с удовольствием. С особенной благодарностью начальника училища – генерала, который, правда, пробыл с ними всего год или два, потом его перевели на другое место службы.

– Это был строгий и очень справедливый человек, – рассказывал Борис, рисуя довольно колоритную личность. – Считал, что для офицера главное – физическая подготовка и лично гонял нас на спортплощадке. Любимая его фраза: «Я превращу вас в скелеты! А потом на эти скелеты вы будете наращивать..., – тут рассказчик держал паузу и продолжал: «... мышцы».

Это – точно. На всех курсантских снимках мой муж очень худой и жилистый.

Учебно-тренировочный лагерь училища находился на берегу Северского Донца в Верхней Писаревке, окруженной сосновыми лесами.

Многокилометровые марш-броски с 30-килограммовым грузом, неоднократное форсирование речки с полной выкладкой. Однажды всем было приказано прыгнуть в воду с вышки.

Эта история меня до сих пор впечатляет. Представьте себе человека, который никогда в воду с вышки не прыгал...

– Я сказал товарищу: когда стану на край, ты меня просто толкни! Боялся очень. Мальчишки вообще-то с детства любят прыгать в воду с крутых берегов. А мне раньше нигде было это даже попробовать, какие

В учебно-тренировочном лагере зимой. Верхняя Писаревка, Харьковская область (вторая половина 40-х гг.)

реки я видел в Оше, кроме арыка? Тот, кто стоял за мной, толкнул. И я полетел... Хотел «солдатиком», как все. Но край вышки гибкий, меня вынесло вперед, в воздухе завертело винтом, перевернуло... Вынырнул удачно, выплевывая воду.

«Во-о-от! – басил довольный генерал. – Всем прыгать так, как курсант Маруфий!». Ну, думаю, я пропал! Вдруг он прикажет повторить, чтобы все видели?

Женщин-преподавательниц в училище не было, за исключением молоденькой учительницы немецкого языка. Ее обожали, в нее влюблялись, но, поскольку она была замужем за офицером, боялись самим себе в этом признаться. На «немку» возлагалась ответственная задача – приобщение курсантов, в основном деревенских парней, вернувшихся с войны, к городской культуре.

Театр музыкальной комедии, оперный, русский и украинский драматический – взвод посещал все спектакли. Эту любовь к театру Борис сохранит на всю жизнь. Живя потом в Москве, он старался бывать

Участники тренировочного марш-броска, курсанты Харьковского военно-политического училища войск МВД (1948)

на премьерах, знал всех выдающихся актеров и режиссеров столицы, а постановки Театра имени Вахтангова смотрел по несколько раз.

Училище было военно-политическое, готовило политруков для пограничных войск. Давало отличные знания отечественной и всемирной истории, международных отношений и особенностей внешней политики тех лет (сейчас бы этот предмет назвали «геополитика»). В довоенном активе курсанта Маруфия было неплохое знание русской литературы.

Выбор судьбы...

Когда в 1987 году меня приняли в штат ежедневной областной газеты в Харькове, то направили в отдел информации. Газетчики знают, что это довольно хлопотная повседневная репортерская работа. Заведовал отделом в те времена известный в Харькове репортер Вадим Котляр и был еще один журналист – спортивный репортер Юра Романенко. Они оба мне очень обрадовались.

– Замечательно, – с наслаждением затягиваясь папиросой «Прима», сказал Вадик Котляр, – ты у нас будешь вести «военную патриотику» и новости.

Это как раз то, что журналисты делать не любят. И тем более не хотели этим заниматься Вадик с Юрой.

Новости – это масса нервно-физических усилий (вызвонить, найти, раздобыть, поймать, сбегать) при минимуме гонорара, а «военная патриотика» – это огромное количество писем ветеранов (каждый журналист должен был отвечать на письма по своей тематике, что занимало массу рабочего времени), воспоминаний, личное паломничество в редакцию фронтовиков, руководителей поисковых отрядов, председателей советов ветеранов, приходивших в редакцию внезапно, без звонка.

Эти посетители требовали предельной деликатности, внимания, многочасового выслушивания их личных историй. Диктофона не было, услышанное фиксировалось в блокнот от руки. Рассказы и письма ветеранов часто были сумбурными и стилистически корявыми, практически все следовало переписывать, быстро набирая на машинке. Все факты – тщательно перепроверять, ибо попробуй только ошибись в дате или

*Делегаты военных училищ на всесоюзном торжественном собрании,
посвященном 30-летию Советской армии
(первый слева во втором ряду стоит Б. А. Маруфий, Москва, 1948)*

деталей событий – тираж газеты был почти 200 тысяч экземпляров, т.е. ее читали практически в каждой семье в области с трехмиллионным населением. Охотников приукрасить или перепутать события тоже хватало. И если какая неточность попадала в газету, начиналась ураганная атака из звонков и посетителей, читатели-ветераны считали своим долгом указать на репортерское «невежество». За этим следовала нахлобучка от начальства. В общем, журналист, писавший на темы «военной патриотики», как сапер, ошибался один раз.

Но, к счастью, у меня дома был превосходный консультант – мой муж. Все справки: по видам вооружений, боевым операциям, кто каким фронтом или наркоматом в свое время командовал, какие города освобождал, было – не было, может быть такое на войне – не может быть, это – к нему, моей ходячей и безупречной военно-исторической энциклопедии. Память у него была превосходная. Такую я встречала только у профессиональных историков. И, думаю, если бы не война,

*Бехбуди Маруфий,
 фото у знамени училища (1948)*

Бехбуди с «красным дипломом» закончил бы Ошский педагогический институт и затем добился бы больших успехов в науке, став известным ученым-историком. Но он выбрал судьбу офицера. Или судьба выбрала его? В 1948 году Бехбуди Маруфий с отличием, с занесением в Книгу Почета и честью быть сфотографированным на фоне развернутого знамени Харьковского военно-политического училища войск МВД СССР получил диплом и погоны лейтенанта. К погонам «прилагался» первый спортивный разряд по гимнастике и владение приемами рукопашного боя. Ему предстоял путь к новому месту службы — в Закавказье.

А на нейтральной полосе цветы...

*На границе с Турцией или с Пакистаном —
 Полоса нейтральная. Справа, где кусты,—
 Наши пограничники с нашим капитаном,
 А на левой стороне — ихние посты.
 А на нейтральной полосе цветы -
 Необычайной красоты!*

Честно говоря, с тех пор, как впервые еще девочкой услышала эту песню Владимира Высоцкого (а было это году 1966 или 1967-м), так по сей день не совсем понимаю, о чем она. То ли цветы – наркотические и герои песни два офицера-пограничника «одурманены» и заснули посреди нейтральной полосы, то ли встретились они там и от неожиданности одновременными мгновенными выстрелами «укокошили» друг друга.

Песня на самом деле жуткая. Поэт играет на несовместимом: необычайная красота – кровь, любовь – смерть, нейтральная полоса – полоса противостояния, романтические чувства – вражда...

Джаджур – так называется горный поселок на границе Армении и Турции. Дальняя погранзастава.

Обычная точка на карте, о которой никто бы не знал, если бы здесь не родился выдающийся армянский художник Минас Аветисян. Родители Минаса в 1915 году чудом спаслись от турецкой резни. Недалеко от Джаджура в ущелье было убито несколько тысяч невинных людей.

В 1948 году, когда сюда прибыл на службу лейтенант Маруфий, еще не состарилось поколение людей, видевшее трагедию своими глазами. Почти все жители края – это несчастные беженцы из Карса и еще многих десятков городков и сел Западной Армении.

В этой маленькой и далекой приграничной точке с давних времен сошлись геополитические и военно-стратегические интересы России и Турции.

Когда наш прославленный предок Николай Николаевич Назаров с победой возвращался с русско-турецкой войны 1877–1878 гг., царское правительство сделало выводы из событий той войны, когда ввиду отсутствия надежных путей сообщения русские армии в Закавказье не могли получить пополнения и необходимого продовольствия. Решено было проложить здесь железную дорогу Тифлис – Карс.

При обсуждении вопроса о строительстве этой дороги речь шла о постройке пути к двум крепостям – Александрополю (ныне – многострадальный Ленинакан) и Карсу, а далее – к тогдашней границе с Турцией.

На этой уникальной в инженерном смысле трассе были построены сотни искусственных сооружений (мосты, трубы, виадуки, 13 тоннелей и т.п.). Особенно значительным объектом был Джаджурский тоннель,

протяженность которого составила 1,68 км. Он расположен на отметке 1843 метра над уровнем моря и является самым высокогорным в Европе

В 1920 году Карс был занят турецкими войсками. По Карскому договору 1921 года вошёл в состав Турции. И только лишь 30 мая 1953 года СССР полностью отказался от территориальных претензий к Турции, в частности, на город Карс.

Это означает, что в 1948 году, когда сюда прибыл служить замполитом Бехбуди Маруфий, погранзаставу в Джаджуре можно было назвать «горячей точкой».

Ротация пограничников на этой заставе была не плановой, а вынужденной. Накануне здесь произошла трагедия. Фактически весь личный состав во главе с начальником погиб. Как такое могло произойти?

Закавказье (1950-е годы XX в.)

Пограничный пост стоял в том самом Джаджурском тоннеле. Советские и турецкие пограничники были так близко, что могли видеть друг друга. По пятницам турки расстилали свои коврики и, забыв обо всем, кроме Аллаха, исполняли священный долг мусульманина намаз.

Советские пограничники-рядовые, дежурившие на посту, видя, что противоположная сторона в это время неспособна ни на какие защитные действия, не от большого ума издевались над турками. Могли быстро сбегать и утянуть с турецкого поста нехитрую снедь – обычно это были сыр, лепешки, айран. Так происходило не раз, пока турки не решили отомстить. Они поставили на посту кувшины с домашним виноградным вином, в которое было добавлено снотворное.

На этом шутки закончились. Ночью турецкий десант, бесшумно «вырезав» наши посты, напал на спящую заставу. Вино попробовали все, кто не был этой ночью в наряде. В живых на заставе никого не осталось...

...Я пытаюсь найти в Интернете сведения о Джаджуре. О родившемся здесь художнике Минасе Аветисяне пишут, что он принес в национальную живопись не только интенсивное, свежее цветовое видение, но создал особый, доселе незнакомый образ суровой горной страны.

Через четверть века здесь побывает армянский писатель Зорий Балаян и мечтательно напишет: «Нет сомнения, что придёт время, когда Джаджур станет туристической Меккой. Потому что это земля Минаса Великого художника».

Но в 1988 году страшное землетрясение до основания разрушило Дом-музей Минаса Аветисяна в селе Джаджур. Отстроен заново он был только к 2005 году.

Я снова слышу старую песню Высоцкого «А на нейтральной полосе цветы...». О чем он так надрывно хрипит? Необычайная красота – кровь, любовь – смерть, нейтральная полоса – полоса противостояния, романтические чувства – вражда, созидание – разрушение...

Вместо эпилога

Люблю вспоминать счастливые мгновения. Весна. Борис Арипович везет коляску с шестимесячным сыном Тимуром. Настроение у нас прекрасное. Он напевает: «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?». Он всегда напевал сыну именно эту старинную военную строевую песню, слышанную еще его прадедом. Почему ее? Не знаю...

Ничто, неверное, в нашей генетической и духовной памяти не исчезает.

После Второй мировой войны народы бывшей Российской империи, по сути, только четыре десятилетия не знали войн и кровавых конфликтов. А затем...

*Тимур Маруфий, студент Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия» (2007)*

Можно отметить точки карандашом на карте: Афганистан, Нагорный Карабах, Грузия, Абхазия, Южная Осетия, Чечня, Ингушетия, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Украина.

В 2010 году в Оше власть захватили националистические банды. Город и окрестности пылали. Преступники сожгли и разграбили дома двояродных братьев и племянников моего мужа.

Наши родственники – люди с высшим образованием, прекрасные интеллигентные люди: учителя, инженеры, агрономы, работавшие на благо своей страны, вынуждены были покинуть свои дома и стать беженцами. Один из них – доцент, кандидат технических наук. Дом своего преподавателя ожесточенно разоряли и грабили... его студенты!

Я не знаю, что ждет наших потомков в бурлящем мире, когда становится все очевиднее, что мы находимся на пороге больших потрясений. И я тороплюсь писать эти заметки, потому что сегодня, когда тебе нередко стараются внушить, будто ты живешь в «никчемной стране», имеешь «никчемную историю», очень важно сохранить себя, свой род, свою культуру и историческую память. Потому что это то, что укрепляет наши души, придает сил. Это знание позволяет отличать правду от лжи, честность от лицемерия, истинную суть событий от технологических симулякров.

И еще. В нашей памяти о предках есть и почти мистическая составляющая. Иной раз мне кажется, чем чаще мы их вспоминаем, тем спокойнее и надежнее мы чувствуем себя на этой земле. Будто каждый из них незримо нас укрывает от невзгод. Ведь они уже пережили все то, что нам, не приведи Господь, суждено пережить. И даже больше...

- Зеленина, Елена Леонидовна.**
3-48 Тайна старинной фотографии. Семейная сага : монография /
Е. Л. Зеленина . – Харьков : Изд-во НУА, 2018. – 394 с.

ISBN 978-966-2298-08-9

«Тайна старинной фотографии. Семейная сага» – попытка обобщить, художественно осмыслить и по возможности подтвердить документами, свидетельствами и источниками семейные предания, передающиеся в семье из поколения в поколение.

В истории одной семьи, в которой встретились несколько родов, предстает история Российской империи, послереволюционной (1917 года) русской эмиграции, СССР, Средней Азии и Украины.

Автор – член Национального союза журналистов Украины, журналист медиа-компании «Время» Елена Зеленина живет и работает в Харькове.

УДК 929.52

Наукове видання

ЗЕЛЕНИНА Олена Леонідівна

Таємниця старовинної фотографії

Родинна сага

Монографія

(російською мовою)

В авторській редакції
Комп'ютерне верстання *І. С. Кордюк*

Підписано до друку 26.10.2018. Формат 60×84/16.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс».
Ум. друк. арк. 23,02. Обл.-вид. арк. 21.40. Зам. № 50/19.
Наклад 300 пр.

Надруковано у видавництві
Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.